

MYSTERY'S **#1** BESTSELLING AUTHOR

Agatha Christie

Taken at the Flood

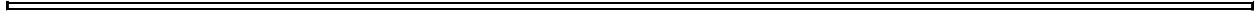
Previously published as *There Is a Tide*

A HERCULE POIROT NOVEL

- [Агата Кристи](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [notes](#)

- 1
- 2
- 3

Агата Кристи
«Берег удачи»

Часть первая

Глава 1

В любом клубе обязательно есть человек, который считается общепризнанным мастером нагонять скуку. Не составлял исключения и клуб «Коронейшн». И то обстоятельство, что за стенами клуба шел в этот день воздушный налет на Лондон, не изменило обычного порядка вещей.

Майор Портер, отставной офицер индийской армии, зашуршал газетой и откашлялся. Все старались не поднимать на него глаз, но это не остановило майора.

— В «Таймсе» помещено извещение о смерти Гордона Клоуда, — сказал он. — Разумеется, общие слова: «5 октября, в результате вражеских действий». Адрес не указан. А произошло это как раз рядом с моей квартирой. В одном из больших домов на Кэмпден-Хилл. Надо сказать, меня это порядком взбудоражило. Я, знаете ли, состою в гражданской обороне. Клоуд только что вернулся из Штатов. Он ездил туда по вопросу государственных закупок. Женился там: молодая вдова — годится ему в дочери. Миссис Андерхей. Оказывается, я знал ее первого мужа, встречались в Нигерии...

Майор Портер сделал паузу. Никто не попросил его продолжать. Все упорно закрывались газетами. Но не таков был майор Портер, чтобы это его обескуражило.

— Интересно, — неумолимо продолжал Портер, машинально разглядывая пару необычайно узконосых конвейерного производства ботинок (этот вид обуви он решительно не одобрял). — Как я уже сказал, я состою в противовоздушной обороне. Престранная штука взрывы. Никогда нельзя предвидеть, к чему они приведут. Пострадал нижний этаж, и снесена крыша. Второй этаж практически не тронут. В доме находилось шесть человек. Трое слуг: супружеская пара и девушка-горничная, затем Гордон Клоуд, его жена и брат жены. Они все были внизу, кроме брата жены, в прошлом служившего в отрядах коммандос. Он предпочел остаться в своей уютной спальне на втором этаже — и, черт возьми, отделался несколькими синяками. Все трое слуг были убиты взрывом, Гордон Клоуд засыпан обломками. Его откопали, но он умер по дороге в больницу. Его жена пострадала от взрыва, она осталась в чем мать родила, но выжила. Полагают, что она поправится. Будет богатой вдовой. Гордон Клоуд, должно быть, имел больше миллиона...

Майор снова сделал паузу. Он поднял глаза от узконосых дешевых

ботинок: брюки в полоску, черный пиджак, яйцевидный череп и колоссальные усы.

Безусловно, иностранец! Вот почему у него такие ботинки. «Во что, в самом деле, превращается наш клуб? — подумал Портер. — Даже здесь никуда не денешься от иностранцев». Эта мысль не оставляла его на протяжении всего дальнейшего монолога.

То, что данный иностранец слушал его с очевидным вниманием, ни в коей мере не смягчило предубеждения майора.

— Ей не больше двадцати пяти, — продолжал Портер. — И она уже во второй раз вдова. Или, по крайней мере, считает себя вдовой...

Он остановился в надежде, что вызвал любопытство, ожидая вопросов.

Несмотря на молчание остальных, он упрямо продолжал:

— Дело в том, что на этот счет у меня есть свои соображения. Странная история. Как я вам говорил, я знал ее первого мужа, Андерхея. Славный малый. Одно время был главой колониальной администрации в одном из районов Нигерии. Отличный парень. Он женился на этой девушке в Кейптауне. Она была там на гастролях с какой-то труппой. В очень трудном положении, хорошенькая, абсолютно беспомощная, ну, словом... Послушала, как бедняга Андерхей восторженно говорит о своем районе, о бескрайних его просторах, и вымолвила: «Ах, как это чудесно!» — и как бы она хотела уйти от житейской суеты. В общем, она вышла за него замуж и ушла от житейской суеты. Он был здорово влюблен, бедняга, но дело не сладилось уже с самого начала. Она ненавидела джунгли, смертельно боялась туземцев и умирала с тоски. Ее представление о счастливой жизни было иным: ходить в соседнее кафе, встречаться там с другими актерами, болтать с ними о театральных делах.

Одиночество в джунглях вдвоем с мужем ей вовсе не улыбалось. Я никогда сам ее не видел — слышал все это от бедняги Андерхея. На него эта история ужасно подействовала. Он поступил очень порядочно; послал ее домой и согласился дать развод. Как раз вскоре после этого я и встретил его. Он был издерган до предела и находился в том состоянии, когда человеку необходимо с кем-нибудь поделиться. В некотором отношении он был странноват, со старомодными взглядами — не признавал развода, как вообще католики. Он сказал мне: «Есть другие способы предоставить женщине свободу». — «Послушайте, дружище, — ответил я, — не делайте глупостей. Ни одна женщина в мире не стоит того, чтобы пускать себе из-за нее пулю в лоб». Он сказал, что вовсе не об этом речь. «Я одинок, — продолжал он. — У меня нет родственников, которые стали бы печалиться

обо мне. Известие о моей смерти даст Розалин право считаться вдовой, а это именно то, что ей нужно». — «А как же вы?» — спросил я. «Ну, — сказал он, — быть может, какой-нибудь мистер Инок Арден появится где-то в тысяче миль отсюда и начнет новую жизнь». — «Это может в один прекрасный день поставить ее в ложное положение», — предостерег я. «О нет, — ответил он. — Я бы не нарушил правил игры. Роберт Андерхей умер бы безусловно и окончательно».

Я забыл обо всем этом, но шесть месяцев спустя услышал, что Андерхей умер от лихорадки где-то в джунглях. Туземцы, сопровождавшие его, были преданы ему. Они вернулись с подробным рассказом об обстоятельствах его смерти и с короткой запиской, где почерком Андерхея было нацарапано несколько слов. Он писал, что туземцы сделали для него все возможное, но он все же, видимо, умирает. Хорошо отзывался о старшем проводнике. Этот человек был предан ему, как, впрочем, и все остальные. Они, конечно, подтвердили бы под присягой все, что он велел бы им подтвердить. Вот так обстояло дело... Может быть, Андерхей похоронен в глуши Экваториальной Африки, а может быть, и нет... И если нет, миссис Гордон Клоуд в один прекрасный день может оказаться в довольно трудном положении. И мне ее не жаль. Я никогда не видел эту женщину, но я знаю, каковы они, эти маленькие охотницы за золотом. Она разбила жизнь бедняге Андерхею. Интересная история...

Майор Портер обернулся и обвел комнату вопросительным взглядом, надеясь услышать подтверждение. Двое из присутствующих смотрели на него с откровенной скукой, молодой Мелон отвел глаза, и лишь мосье Эркюль Пуаро следил за ним с вежливым вниманием. Зашуршала газета, и седовласый человек с удивительно бесстрастным лицом, сидевший в кресле у камина, спокойно поднялся и вышел из комнаты.

У майора Портера вытянулось лицо, а молодой Мелон тихонько свистнул.

— Ну и сели вы в лужу, — сказал он. — Знаете, кто это был?

— Господи помилуй, — взволнованно пробормотал майор Портер. — Конечно, знаю! Не близко, но мы знакомы... Это Джереми Клоуд. Верно? Брат Гордона Клоуда. До чего же нескладно получилось, честное слово! Если бы я имел хоть малейшее представление...

— Он адвокат, — сказал молодой Мелон. — Держу пари, он привлечет вас к ответственности за клевету, диффамацию или еще что-нибудь в этом роде. Дело в том, что молодой Мелон любил сеять тревогу и панику там, где это не запрещалось законом об охране государства.

Майор Портер взволнованно повторял:

— Очень нескладно. Очень неудачно!

— Это сегодня же вечером станет известно в Вормсли Хит, — сказал мистер Мелон. — Там живут все Клоуды. Они допоздна будут обсуждать на семейном совете, что им следует предпринять.

Но в это время раздался сигнал отбоя, и молодой Мелон перестал являться и, осторожно поддерживая под руку своего друга Эркюля Пуаро, повел его к выходу.

— Ох уж эти наши клубы, — сказал Мелон. — Потрясающее собрание нудных сплетников. И Портер занимает среди них первое место.

Это было осенью 1944 года. А в конце весны 1946 года к Эркюлю Пуаро пришла посетительница.

Было прекрасное майское утро. Эркюль Пуаро сидел за письменным столом в своем уютном кабинете. Вошел слуга Джордж и почтительно доложил:

— Сэр, вас хочет видеть какая-то леди.

— Что представляет собой эта леди? — предусмотрительно спросил Пуаро.

Его всегда забавляло, с какой дотошностью Джордж описывал посетителей.

— Я бы сказал, сэр, что ей между сорока и пятьюдесятью. Неопрятна и несколько артистической внешности. Добротные уличные туфли. Твидовое пальто и юбка, но кружевная блузка. Какие-то сомнительные египетские бусы и голубой шифоновый шарф.

Пуаро поежился.

— Я как-то не испытываю желания видеть ее.

— Сказать ей, сэр, что вы нездоровы?

Пуаро посмотрел на него в раздумье.

— Я полагаю, вы уже сказали ей, что я занят важным делом и меня нельзя отрывать?

Джордж снова кашлянул.

— Она ответила, сэр, что специально приехала в Лондон и готова ждать сколько угодно.

Пуаро вздохнул.

— Никогда не следует бороться с неизбежным, — сказал он. — Если леди средних лет, носящая поддельные египетские бусы, приняла решение увидеть знаменитого Эркюля Пуаро и приехала с этой целью в Лондон, ничто ее не остановит. Она будет сидеть там, в холле, пока не добьется своего. Пригласите ее, Джордж.

Джордж удалился и сразу же вернулся, провозгласив официальным

тоном:

— Миссис Клоуд.

В комнату вошла женщина с сияющим лицом, в поношенной одежде из твида, с перекинутым через плечо шарфом. Она приближалась к Пуаро, протягивая ему руку, ее бусы раскачивались и бренчали.

— Мосье Пуаро, — сказала она, — я пришла к вам по велению духов.

У Пуаро дрогнули веки.

— В самом деле, мадам? Быть может, вы сядете и расскажете мне... каким образом...

Он не успел окончить фразу.

— Обоими способами, мосье Пуаро. Письменами и столоверчением. Это было позавчера вечером. Я и мадам Элвари (она замечательная женщина) сидели за спиритическим столиком. Мы несколько раз получили одни и те же инициалы: Э.П., Э.П., Э.П. Конечно, я не сразу поняла их значение. Это, знаете ли, требует времени. В нашей земной юдоли нам не дано все видеть ясно. Я ломала голову, вспоминая, у кого могут быть такие инициалы. Я знала, что это как-то связано с нашим последним сеансом, очень необычным, но разгадка пришла не сразу. Затем я купила номер «Пикчер пост» (тоже, наверно, по велению духов, обычно я покупаю «Нью стейтсмен»), и там я увидела вас — ваш портрет — и рассказ о том, что вы сделали. Это чудесно, ведь верно, мосье Пуаро? Во всем действует высшая воля. Совершенно очевидно, что именно вас провидение избрало для того, чтобы пролить свет на это дело.

Пуаро разглядывал свою гостью с большим интересом. Его внимание привлек острый и умный взгляд ее голубых глаз.

— И что же, миссис... Клоуд, если я не ошибаюсь. — Он нахмурился. — Кажется, некоторое время назад я слышал это имя...

Она оживленно закивала головой.

— Мой бедный деверь... Гордон. Чрезвычайно богатый, его имя часто упоминалось в прессе. Он погиб при бомбежке больше года назад — тяжелый удар для всех нас. Мой муж — его младший брат. Он врач. Доктор Лайонел Клоуд... Конечно, — прибавила она, понизив голос, — муж и понятия не имеет, что я советуюсь с вами. Он бы этого не одобрил. Доктора, как я убедилась, очень материалистически смотрят на вещи. Все духовное странным образом скрыто от них. Они верят только в науку, но я говорю: что такое наука? Что она может сделать?

Эркюлю Пуаро казалось, что единственно возможный ответ на ее вопрос — это подробное изложение фактов, включающее упоминание имени Пастера и лампочки Гемфри Дэви, удобств, которые песет с собой

электричество, и несколько сот других подобного рода сведений. Но, конечно, не такого ответа ждала миссис Клоуд. По существу, ее вопрос, как и очень многие вопросы на свете, вовсе и не был на самом деле вопросом. Это была всего-навсего дань риторике.

И Эркюль Пуаро ограничился тем, что спросил:

— Так чем, вы полагаете, я смогу помочь вам, миссис Клоуд?

— Вы верите в реальность мира духов, мосье Пуаро?

— Я добрый католик, — осторожно ответил Пуаро.

Миссис Клоуд с улыбкой сожаления отмахнулась от католической церкви.

— Слепа! Церковь слепа: полна предрассудков, нелепа... Не принимает реальности и красоты потустороннего мира.

— В двенадцать часов, — сказал Эркюль Пуаро, — у меня важное деловое свидание.

Замечание было весьма своевременным. Миссис Клоуд подалась вперед.

— Я буду говорить по существу. Не могли бы вы, мосье Пуаро, найти исчезнувшего человека?

Пуаро поднял брови.

— Я мог бы это сделать, пожалуй, — ответил он осторожно. — Но полиция, дорогая миссис Клоуд, могла бы сделать это гораздо лучше, чем я. У нее для этого есть все необходимые условия.

Миссис Клоуд отмахнулась от полиции, как раньше от католической церкви.

— Нет, мосье Пуаро, именно к вам я была направлена теми, кто скрыт от нашего взора. Теперь послушайте. Брат моего мужа, Гордон, женился за несколько недель до смерти на молодой вдове, некоей миссис Андерхей. Ее первый муж (бедняжка, какое это было горе для нее) погиб, как сообщили, в Африке. Таинственная страна — Африка...

— Таинственный континент, — поправил Пуаро. — Возможно. А в какой части?..

— В Центральной Африке, — ринулась дальше миссис Клоуд. — Там, где черная магия... Станные и тайные обычаи... Страна, где человек может исчезнуть, так что о нем больше и не услышишь.

— Очень возможно, — сказал Пуаро. — Но то же самое относится и к площади Пикадилли Серкус.

Миссис Клоуд отмахнулась от Пикадилли Серкус.

— За последнее время, мосье Пуаро, было дважды получено сообщение от духа, который передал, что его имя Роберт. Сообщение оба

раза было одинаковым: «Не умер»... Мы были озадачены, мы не знали никакого Роберта. Попросили более подробных указаний и получили вот что: «Р.А. — Р.А., Р.А.» А затем: «Скажите Р. Скажите Р.» — «Сказать Роберту?» — спросили мы. «Нет, от Роберта. От Роберта А.» — «А что означает это А.?» И тогда, мосье Пуаро, пришел самый важный ответ: «Андерхей». А мою невестку зовут Розалин, — заключила миссис Клоуд с торжеством. — Понимаете? Мы запутались с этими буквами Р. Но теперь их значение вполне ясно: «Скажите Розалин, что Роберт Андерхей не умер».

— Ах вот что! И вы ей сказали?

Миссис Клоуд несколько смутилась.

— Э-э... нет. Видите ли, люди так недоверчивы. Я уверена, Розалин не поверила бы. И потом, это могло бы огорчить ее, бедняжку... Она стала бы беспокоиться, где он, что он делает...

— Кроме того, что подает голос через небесные сферы? Действительно, странный способ уведомлять о том, что ты жив и здоров.

— А, мосье Пуаро, видно, что вы человек непосвященный. Откуда нам знать, в каких он находится обстоятельствах. Бедный капитан Андерхей (или, кажется, майор), быть может, находится в плену, где-нибудь в джунглях Африки. Если бы его можно было найти, мосье Пуаро! Если бы его можно было вернуть дорогой юной Розалин! Подумайте, как счастлива бы она была! О мосье Пуаро, я послана к вам свыше, так не отказывайтесь выполнить веление духов!

Пуаро смотрел на нее и размышлял.

— Мой гонорар очень высок, — мягко сказал он. — Чрезвычайно высок! И поручение, которое вы хотите на меня возложить, будет нелегким.

— О боже... ну конечно... очень жаль... Я и мой муж сейчас в очень стесненных обстоятельствах... Чрезвычайно стесненных. Мое собственное положение гораздо хуже, чем думает мой дорогой муж. Я купила несколько акций... по внушению свыше... И пока они не дали никакой выгоды, оказались совершенно безнадежными... Они сильно упали в цене, и сейчас, насколько я понимаю, их невозможно продать.

Она смотрела на него испуганными голубыми глазами.

— Я не осмелилась сказать мужу. Я говорю вам об этом, просто чтобы объяснить, в каком я положении. Но, безусловно, дорогой мосье Пуаро, вновь соединить мужа и жену... это такая благородная миссия...

— Благородство, дорогая мадам, не оплатит издержки путешествия по суше, воде и воздуху. Не компенсирует оно и стоимости длинных телеграмм и каблограмм, и опросы свидетелей.

— Но если он будет найден... если капитан Андерхей будет найден живым и здоровым... Тогда... Ну, я думаю, я могу уверенно сказать, что, когда дело будет завершено, тогда... тогда не останется препятствий к... к возмещению ваших затрат.

— А, так он богат, этот капитан Андерхей?

— Нет. Но... Но я уверяю вас... Я даю вам слово... что... что тогда денежный вопрос не будет затруднять нас.

Пуаро покачал головой.

— Весьма сожалею, мадам. Вынужден вам ответить — нет.

Потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы она приняла этот ответ.

Когда она наконец ушла, он долго стоял, нахмурясь, погруженный в размышления. Он вспомнил теперь, почему имя Клоудов было ему знакомо. Ему припомнился разговор в клубе в день воздушного налета, нудный, надоедливый голос майора Портера, бесконечно долго рассказывавший историю, которую никто не хотел слушать.

Он вспомнил, как зашуршала газета и как внезапно отвисла челюсть у майора Портера, вспомнил растерянное выражение его лица.

Занимало его сейчас другое: он старался понять, что представляет собой энергичная леди средних лет, которая только что ушла от него. Бойкая болтовня о спиритизме, развевающийся шарф, цепи и амулеты, бренчащие на шее, и наконец — несколько противореча всему этому, — внезапный пронзительный взгляд голубых глаз.

«А зачем все-таки она приходила ко мне? — задал он себе вопрос. — И хотел бы я знать, что сейчас происходит в... — он взглянул на визитную карточку на своем столе, — в Вормсли Вейл?»

Ровно через пять дней он увидел в одной из вечерних газет короткое сообщение о смерти человека по имени Инок Арден в Вормсли Вейл — маленькой старинной деревне примерно в трех милях от очень популярной Вормсли Хит, куда обычно съезжались игроки в гольф. И снова Пуаро повторил про себя: «Хотел бы я знать, что происходит сейчас в Вормсли Вейл...»

Вормсли Хит состоит из площадок для игры в гольф, двух отелей, нескольких очень дорогих вилл современной архитектуры окнами на площадки для гольфа, длинного ряда магазинов, которые до войны были роскошными, и железнодорожной станции.

От вокзала влево тянется главная дорога, по которой с грохотом мчится транспорт на Лондон, а вправо — вьется через ноля тропинка с дорожным указателем «Пешеходная дорога на Вормсли Вейл».

Поселок Вормсли Вейл, затерявшийся среди холмов, совершенно не похож на Вормсли Хит. Это, в сущности, очень маленький и старинный рыночный городок, выродившийся в деревушку. Здесь есть главная улица с домами в георгианском стиле, несколько кабачков, небольшие магазины, весьма несовременного вида, словом, кажется, будто Вормсли Вейл находится не в двадцати восьми, а в ста пятидесяти милях от Лондона. Все жители деревушки единодушно презирают Вормсли Хит, разросшийся как гриб после дождя. На окраине есть несколько прелестных домов с очаровательными старыми садами.

В один из них, известный под названием Белая вилла, и вернулась в начале весны 1946 года Лин Марчмонт, демобилизовавшаяся из Женского вспомогательного корпуса содействия флоту.

На третий день по возвращении она посмотрела из окна своей спальни на лужайку с некошенной травой, на вязы на лугу и радостно вдохнула воздух родных краев. Было тихое, серое, пасмурное утро, пахло мягкой влажной землей. Именно этого запаха ей не хватало последние два с половиной года.

Чудесно быть снова дома, чудесно быть в своей собственной спальне, о которой она вспоминала так часто и с такой тоской, когда была за морем.

Чудесно снять военную форму, надеть твидовую юбку и джемпер, даже если за годы войны их порядком побила моль.

Как хорошо было покинуть армию и снова ощущать себя свободной женщиной, хотя служба за морем ей очень нравилась. Работа оказалась довольно интересной, часто устраивались вечеринки, было много развлечений, но была также надоедавшая рутина повседневных обязанностей и ощущение принадлежности к толпе, что иногда заставляло ее страстно мечтать о демобилизации.

И вот там, на Востоке, во время долгого палящего лета, она мечтала о Вормсли Вейл, о стареньком прохладном уютном доме и о мамочке.

Лин любила мать, и в то же время та ее раздражала. Далеко от дома любовь оставалась, а раздражение куда-то уходило. Дорогая мамочка, она может довести до белого каления... Чего бы ни дала тогда Лин, чтобы только услышать хотя бы одну из тех банальностей, которые мать произносила своим нежным, жалобным голосом. О, быть снова дома и знать, что никогда, никогда больше не придется его покинуть!

И вот она здесь не в армии, свободная, в своей Белой вилле... Вернулась три дня назад. И уже подкрадывалось к ней странное ощущение неудовлетворенности и беспокойства. Все было таким же, как прежде, слишком таким же: и дом, и мамочка, и Роули, и ферма, и семья.

Единственно, кто изменился и кому лучше было бы не меняться, — это она сама...

— Дорогая, — донесся с лестницы тоненький голосок миссис Марчмонт, — не принести ли моей девочке завтрак в постель?

Лин резко крикнула в ответ:

— Ни в коем случае. Я сейчас же спускаюсь.

«Зачем, — подумала она, — мама называет меня девочкой? Это глупо!»

Она сбежала вниз и вошла в столовую. Завтрак был не слишком хорош. Лин уже успела заметить, как много времени и усилий уходило на поиски продуктов. Если не считать довольно ненадежной женщины, которая приходила четыре раза в неделю по утрам, миссис Марчмонт приходилось все делать самой — готовить и убирать. Ей было около сорока лет, когда родилась Лин, и уже тогда она не отличалась здоровьем. Лин также заметила с некоторым испугом, насколько изменилось их материальное положение. Небольшая, но покрывавшая их нужды сумма, которая поступала регулярно и обеспечивала им вполне комфортабельную жизнь до войны, теперь почти наполовину уходила на уплату налогов. А цены возросли.

«Вот он каков, этот хваленый новый мир!» — мрачно размышляла Лин. Ее глаза скользили по колонкам свежей газеты. «Бывшая военнослужащая ищет место, где будут ценить инициативу и энергию». «Бывшая служащая Женского вспомогательного корпуса содействия флоту ищет место, где нужны организаторские способности».

Предприимчивость, инициатива, умение командовать — вот что предлагалось. А что требовалось? Умение стряпать, стирать и убирать или хорошо владеть стенографией. Нужны были люди, знающие ремесло, привыкшие к повседневному труду. Ее все это не касалось. Ее путь ясен. Брак с кузенном Роули Клоудом. Они были помолвлены семь лет назад, как раз перед началом войны. Всегда, сколько она себя помнила, ей предстояло выйти замуж за Роули. Она быстро примирилась с тем, что он выбрал занятие сельским хозяйством. Хорошая жизнь! Быть может, не очень интересная и в постоянной тяжелой работе, но они оба любят труд на открытом воздухе и домашних животных.

Конечно, теперь перспективы не те, что раньше... Дядюшка Гордон всегда обещал...

Голос миссис Марчмонт прервал ее размышления. Мать будто услышала ее мысли.

— Это был ужасный удар для всех нас, дорогая. Я тебе писала. Гордон

пробыл в Англии только два дня. Мы даже не видели его. Если бы он не останавливался в Лондоне! Если бы прямо приехал сюда!

«Да, если бы...»

Вдали от дома Лин была поражена и опечалена известием о смерти дяди, но только сейчас она начала полностью сознавать, что значит для них эта потеря. Ведь с тех пор, как она себя помнила, ее жизнь, жизнь каждого из них зависела от Гордона Клоуда. Богатый и бездетный, он принял под крыло всех своих родственников.

Даже Роули... Роули и его друг Джонни Вэвасаур начали работать на ферме вместе. Денег у них было мало, но зато много надежд и энергии. И Гордон Клоуд одобрил их начинание.

Ей же он сказал:

— В сельском хозяйстве многого не добьешься без капитала. Но прежде всего надо выяснить, действительно ли у этих мальчиков достаточно энергии, чтобы двинуть дело. Если я помогу им сейчас, я не узнаю этого, быть может, долгие годы. А если я увижу, что у них хорошая закваска, что они способны добиться успеха, тогда, Лин, тебе не о чем беспокоиться. Я дам им столько денег, сколько понадобится. Так что не бойся за свое будущее, девочка. Роули нужна именно такая жена, как ты. Только не рассказывай никому о нашем разговоре...

Она держала все это в секрете, но Роули и сам ощущал благожелательный интерес дядюшки. Он должен был доказать дяде Гордону, что в предприятие Роули и Джонни стоит поместить деньги.

Да, все они зависели от Гордона Клоуда. Хотя никого из них нельзя было назвать приживальщиком или бездельником — Джереми Клоуд был старшим компаньоном в конторе стряпчих, Лайонел Клоуд — врачом.

Но вся повседневная жизнь проходила под сенью утешительной уверенности, что у них есть деньги. Никогда не возникало необходимости отказывать себе в чем-нибудь или откладывать на черный день. Будущее было обеспечено.

Гордон Клоуд, бездетный вдовец, конечно, принял бы для этого все необходимые меры. Так он им говорил, и притом неоднократно.

Его овдовевшая сестра, Эдела Марчмонт, продолжала жить в Белой вилле, хотя могла, вероятно, переехать в меньший дом, который было бы легче содержать. Лин училась в лучших учебных заведениях. Если бы не война, она смогла бы получить образование в самом дорогом из университетов. Чеки от дяди Гордона поступали с приятной регулярностью и иногда давали возможность даже предаваться роскоши.

Все было так налажено, так надежно. И вдруг совершенно

неожиданная женитьба Гордона Клоуда.

— Конечно, родная, — продолжала Эдела, — мы были буквально потрясены.

Казалось, не было и тени сомнения в том, что Гордон никогда не женится. У него и без того предостаточно родственников.

Да, думала Лин, множество родственников. Быть может, даже слишком много?

— Он был всегда так добр, — продолжала миссис Марчмонт. — Хотя временами чуточку деспотичен. Терпеть не мог обычай ставить приборы за обедом прямо на полированный стол без скатерти. Всегда настаивал, чтобы я стелила скатерть, как в старину. Он даже прислал мне однажды (когда был в Италии) несколько очень красивых скатертей венецианского кружева.

— Безусловно, уже этим одним он заслужил, чтобы считались с его желаниями, — сухо сказала Лин. И с некоторым любопытством спросила:

— Где он встретил эту... вторую жену? Ты никогда не писала мне об этом.

— О дорогая, то ли на пароходе, то ли в самолете... Кажется, по пути из Южной Америки в Нью-Йорк. После стольких лет! И после всех этих секретарш, машинисток, экономок и прочих дам!..

Лин улыбнулась. С тех пор как она себя помнила, секретарши, экономки и служащие Гордона Клоуда всегда были объектами пристального внимания и неустанных подозрений. Она спросила:

— Наверное, она хорошенькая?

— Знаешь, дорогая, — ответила Эдела, — я лично считаю, что у нее глупое лицо.

— Ну, ты не мужчина, мамочка.

— Разумеется, — продолжала миссис Марчмонт, — бедная девочка попала в бомбежку, получила шок при взрыве, долго и тяжело болела и всякое такое. Но если хочешь знать мое мнение, до конца она так и не оправилась. Она — комок нервов. Ты понимаешь, о чем я говорю. Иногда она выглядит совсем полоумной. Не думаю, чтобы она могла быть подходящей собеседницей для Гордона Клоуда.

Лин улыбнулась. Она не была уверена, что Гордон Клоуд выбрал в жены женщину много моложе себя для того, чтобы вести с ней интеллектуальные беседы.

— А кроме того, дорогая, — миссис Марчмонт понизила голос, — мне неприятно говорить об этом, но она безусловно не леди!

— Что за выражение, мамочка! Какое это имеет значение в наше время?

— В деревне это еще имеет значение, дорогая, — невозмутимо ответила Эдела. — Я только хочу этим сказать, что она не из нашего круга.

— Бедняжка!

— Лин, я не понимаю, что ты хочешь сказать. Мы все очень старались проявить к ней внимание и приняли ее как родную ради Гордона.

— Так, значит, она в Фэрроубэнке? — снова с любопытством спросила Лин.

— Да, разумеется. Куда же ей еще было ехать после больницы? Доктора сказали, что ей надо оставить Лондон. Она в Фэрроубэнке вместе со своим братом.

— А он что собой представляет?

— Ужасный молодой человек! — Миссис Марчмонт сделала паузу и затем решительно добавила:

— Грубиян!

Лин почувствовала вспышку симпатии. Она подумала: «На его месте я наверняка тоже была бы грубиянкой!»

— Как его зовут?

— Хантер. Дэвид Хантер. Кажется, он ирландец. Они не принадлежат к тем, о ком слышишь в нашем круге. Она была вдовой какого-то Андерхея. Как ни хочешь быть снисходительной, все же невольно задаешь себе вопрос: какая это вдова будет во время войны путешествовать из Южной Америки? Невольно напрашивается мысль, что ода просто высматривала богатого мужа.

— В таком случае, она недаром потратила время, — заметила Лин.

Миссис Марчмонт вздохнула.

— Это кажется просто невероятным. Гордон всегда был таким проницательным. Ведь и прежде находились женщины, которые пытались... Скажем, эта его предпоследняя секретарша. Такая крикливая и вульгарная. Она очень хорошо работала, насколько я знаю, но ему пришлось избавиться от нее.

Лин сказала неопределенно:

— Наверное, у каждого бывает свое Ватерлоо.

— Шестьдесят два, — сказала миссис Марчмонт. — Очень опасный возраст. И война тоже, вероятно, действует на психику. Не могу тебе передать, как мы были потрясены, когда получили это письмо из Нью-Йорка.

— Что говорилось в письме?

— Он написал Фрэнсис... даже не понимаю, почему ей. Быть может, он полагал, что благодаря своему воспитанию она отнесется к новости с

большим сочувствием. Он писал, что, наверное, мы будем очень удивлены, когда узнаем, что он женился. Это произошло несколько неожиданно, но он уверен, что все мы скоро полюбим Розалин. Театральное имя, не правда ли, дорогая? Какое-то не настоящее. У нее была очень трудная жизнь, писал он, ей много пришлось испытать, несмотря на молодость.

— Совершенно обычная комбинация, — пробормотала Лин.

— Да, согласна с тобой. Столько раз мы слышали о таких случаях. Но уж от Гордона можно было ожидать, что он, с его опытом... Но вот так получилось. У нее необыкновенные глаза, совершенно синие и, как говорится, с поволокой.

— Привлекательна?

— О да, она безусловно очень хорошенькая. Хотя, конечно, я лично предпочитаю иной тип красоты.

— Это ты обо всех говоришь, — усмехнулась Лин.

— Нет, дорогая. Конечно, мужчины... но что говорить о мужчинах! Даже самые уравновешенные из них совершают невероятно глупые поступки! Дальше в письме Гордона говорилось, что мы вовсе не должны думать, будто его брак приведет к какому-либо ослаблению родственных уз. Он по-прежнему чувствует себя обязанным всем нам помогать.

— Но он не составил завещания после женитьбы?

Миссис Марчмонт покачала головой.

— Свое последнее завещание он составил в 1940 году. Я не знаю подробностей, но он дал мне тогда понять, что позаботился обо всех на случай, если с ним что-нибудь произойдет. Это завещание, конечно, потеряло силу после его женитьбы. Думаю, что он собирался составить новое, когда приедет домой, но не успел. Он погиб буквально на следующий день после возвращения в Англию.

— И таким образом она, Розалин, получила все?

— Да. Старое завещание потеряло силу после женитьбы.

Лин ничего не сказала. Она была не более меркантильна, чем большинство людей, но все же только вопреки человеческой натуре она могла бы остаться равнодушной к новому положению вещей. Она была уверена, что и сам Гордон Клоуд решил бы этот вопрос совсем иначе. Может быть, он оставил бы молодой жене основную часть своего состояния, но, безусловно, как-то обеспечил бы и родственников, которых сам приучил к своей поддержке. Множество раз он убеждал их не откладывать деньги, не заботиться о будущем. Она слышала, как он говорил дяде Джереми: «Ты будешь богатым человеком после моей смерти». А ее матери он часто повторял: «Не беспокойся, Эдела. Я

позабочусь о Лин, ты это знаешь. И я не допущу, чтобы ты переехала из Белой виллы — это твой дом. Посылай мне все счета за ремонт и содержание».

А Роули он посоветовал заняться сельским хозяйством. Он настоял, чтобы сын Джереми, Энтони, пошел в гвардию, и всегда посылал ему солидную сумму.

Лайонела Клоуда он убедил избрать для занятий определенную отрасль медицинских исследований, которая пока не приносила дохода, и сократить врачебную практику...

Размышления Лин были прерваны драматическим жестом миссис Марчмонт: с дрожащими губами она протягивала Лин пачку неоплаченных счетов.

— Посмотри, Лин, — причитала она. — Что мне делать? Что же мне делать, Лин? Сегодня утром управляющий банком написал мне, что я превысила свой кредит. Не понимаю, как это могло случиться. Я была так осторожна. Видимо, мои бумаги не приносят такого дохода, как обычно. Он говорит, увеличились налоги. И все эти желтые бумажки, страховка от военных разрушений — за них, хочешь не хочешь, приходится платить.

Лин взяла и стала их просматривать. Тут не было никаких излишеств.

Черепица на починку крыши; ремонт изгороди; замена прохудившегося котла отопления в кухне. Сумма получалась солидная.

Миссис Марчмонт жалобно сказала:

— Думаю, нам придется переехать отсюда. Но куда? Маленьких домиков нет, их просто не существует на свете. О, я не хочу расстраивать тебя всем этим, Лин, сразу после твоего возвращения. Но я не знаю, что делать. Просто не знаю...

Лин посмотрела на мать. Ей было за шестьдесят. Она никогда не отличалась здоровьем. Во время войны у нее жили эвакуированные из Лондона, она готовила для них и убирала, работала в Женской организации помощи фронту, варила варенье, помогала организовать горячие завтраки в школе.

Она трудилась по четырнадцать часов в день, и это после легкой жизни, которую она вела до войны. Лин видела, что мать держится из последних сил. Она измотана и полна страха перед будущим.

В душе Лин закипал гнев. Она медленно проговорила:

— А не могла ли бы эта... Розалин... помочь?

Миссис Марчмонт вспыхнула.

— Мы не имеем права, никакого права.

Лин возразила:

— Я думаю, ты имеешь моральное право. Дядя Гордон всегда помогал нам.

Миссис Марчмонт покачала головой.

— Не очень красиво, дорогая, просить милости у того, кого не слишком жалуешь. Да к тому же этот ее братец никогда не разрешит ей дать ни пенни.

Затем героизм уступил место чисто женской язвительности, и она добавила:

— Если только он вообще ей брат!

Глава 2

Фрэнсис Клоуд в задумчивости смотрела на мужа, сидящего напротив нее за обеденным столом.

Фрэнсис было сорок восемь лет. Она принадлежала к числу тех худых подвижных женщин, которым идет одежда из твида. Ее лицо, не знавшее косметики, кроме легкой полоски помады на губах, носило следы былой высокомерной красоты.

Джереми Клоуд был худощавый седой шестидесятитрехлетний мужчина с замкнутым и бесстрастным лицом. В этот вечер его лицо казалось даже более бесстрастным, чем обычно.

Жене было достаточно одного взгляда, чтобы заметить это.

Пятнадцатилетняя девочка сновала вокруг стола, подавая блюда. Ее напряженный взгляд был устремлен на Фрэнсис. Если та хмурилась, у горничной все чуть ли не из рук валилось, а при одобрительном взгляде она расплывалась в улыбке.

В Вормсли Вейл давно с завистью отметили, что уж если у кого хорошие слуги, так это у Фрэнсис Клоуд. Она не подкупала их чрезмерной платой и была очень требовательна, но охотно ободряла всякую удачу и так заражала примером собственной энергии и трудолюбия, что обыкновенная работа по дому приобретала какой-то чуть ли не творческий смысл. В течение своей жизни Фрэнсис привыкла, что ее обслуживают, и воспринимала это как должное; она так же ценила хорошую кухарку или хорошую горничную, как ценила бы хорошего пианиста.

Фрэнсис Клоуд была единственной дочерью лорда Эдварда Трентона, который разводил племенных лошадей по соседству с Вормсли Хит. Те, кто знал обстоятельства дела, расценили полное банкротство лорда Эдварда как наилучший способ избежать худших последствий. Ходили слухи о странных происшествиях с его лошадьми, о каком-то расследовании Правления клуба жокеев. Но лорд Эдвард уладил все дело, лишь слегка замарав свою репутацию, и достиг соглашения с кредиторами, которое давало ему возможность вести чрезвычайно комфортабельную жизнь где-то на юге Франции.

Всеми этими благодеяниями он был обязан хитроумию и недюжинной энергии своего поверенного, Джереми Клоуда. Клоуд сделал гораздо больше того, что обычно делает поверенный для своего клиента, даже предложил собственные гарантии. Он ясно дал понять, что испытывает

глубокое чувство к Фрэнсис Трентон, и по истечении некоторого времени, когда дела ее отца были благополучно устроены, Фрэнсис стала миссис Джереми Клоуд.

Каковы были ее собственные чувства, никто не знал. Можно было только с уверенностью сказать, что она честно выполнила свою часть договора. Она была хорошей и верной женой для Джереми, заботливой матерью их сына, всячески соблюдала интересы Джереми и никогда ни словом, ни делом не давала основания думать, что этот брак был вызван чем-либо иным, кроме ее собственной доброй воли.

За это семья Клоудов чрезвычайно уважала и почитала Фрэнсис. Клоуды гордились ею, считались с ее мнением, но никогда не испытывали к ней нежных чувств.

Что думал о своей женитьбе сам Джереми Клоуд — никто не знал, ибо никто вообще не знал, что думал или чувствовал Джереми Клоуд. «Сухарь» — таким считали Джереми. Мнение о нем как о юристе и порядочном человеке было очень высокое. Контора «Клоуд и Брунскил» никогда не бралась за сомнительные дела. Ее считали не особенно блестящей, но вполне надежной.

Фирма процветала, и Джереми Клоуд жил в красивом доме георгианского стиля, рядом с базарной площадью. За домом тянулся большой старинный сад, окруженный стеной, и весной, когда цвели груши, в этом саду бушевало море белых цветов...

Покончив с обедом, муж и жена перешли в комнату, окна которой выходили в этот сад. Служанка Эдна принесла кофе. Она взволнованно дышала открытым ртом: у нее были полипы. Фрэнсис, налив немного кофе в чашечку, попробовала — кофе оказался крепким и горячим. Она коротко одобрила:

— Отлично, Эдна.

Эдна покраснела от удовольствия и вышла из комнаты, удивляясь, однако, про себя, как это люди могут пить такой кофе. По мнению Эдны, кофе должен быть бледно-кремового цвета, очень сладкий и с большим количеством молока!

В комнате, выходящей в сад, Клоуды пили свой кофе, черный, без сахара.

Во время обеда они говорили о самых разных вещах: о знакомых, о возвращении Лин, о видах на урожай. Но сейчас, наедине, они молчали.

Фрэнсис откинулась в кресле, наблюдая за мужем. Он совершенно забыл о ее присутствии. Правой рукой он поглаживал верхнюю губу. Хотя Джереми Клоуд и сам не подозревал этого, такой жест был характерен для

него и выражал тайное и глубокое волнение. Фрэнсис не часто приходилось видеть этот жест. Однажды — в раннем детстве Энтони, их сына, когда он был тяжело болен. Другой раз — в ожидании вердикта присяжных. Потом — в начале войны, когда должны были прозвучать решающие слова по радио. И еще — накануне ухода Энтони в армию после отпуска.

Перед тем как заговорить, Фрэнсис задумалась.

Ее замужняя жизнь была счастливой, но ей не хватало теплоты, выраженной словами. Фрэнсис всегда уважала право мужа быть сдержанным. Он платил ей тем же.

Даже когда пришла телеграмма о гибели Энтони, ни один из них не позволил себе распуститься.

Он тогда вскрыл телеграмму, затем поднял на нее глаза. Она сказала: «Это оттуда?..» Он наклонил голову, подошел и вложил телеграмму в ее руку.

Некоторое время они совершенно молча стояли рядом. Затем Джереми сказал: «Как бы я хотел помочь тебе, дорогая». А она ответила — твердым голосом, в котором не было слез, ощущая только ужасную пустоту и боль: «Тебе ведь так же трудно, как и мне». Он погладил ее по плечу. «Да, — сказал он. — Да...»

И пошел к двери, ступая немного неверно, но с поднятой головой. Как-то сразу он постарел и повторял только: «Что же тут говорить... Что же...»

Она была благодарна ему, бесконечно благодарна за эту душевную чуткость. Сердце ее разрывалось от жалости при виде его внезапно постаревшего лица. Со смертью ее мальчика в ней самой что-то оледенело, исчезло обычное человеческое тепло. Она стала еще более энергична и деятельна. Ее безжалостный здравый смысл порой вызывал почти страх.

Джереми Клоуд снова провел пальцем по верхней губе — нерешительно, будто в поисках чего-то. И Фрэнсис заговорила, спокойно и четко:

— Что-нибудь случилось, Джереми?

Он вздрогнул. Кофейная чашка чуть не выскользнула у него из рук. Он тут же овладел собой, уверенным движением поставил чашку на поднос. Затем поднял глаза на жену.

— Что ты имеешь в виду, Фрэнсис?

— Я спрашиваю тебя: случилось что-нибудь?

— Что могло случиться?

— Глупо было бы гадать. Лучше скажи мне сам.

Она говорила без видимого волнения, деловым тоном. Он сказал неуверенно:

— Ничего не случилось.

Она не ответила. Она просто ждала, не придав, казалось, никакого значения его утверждению. Он посмотрел на нее.

И вдруг на мгновение непроницаемая маска соскользнула с его сурового лица, и Фрэнсис поймала взгляд, полный такого мучительного страдания, что едва не вскрикнула. Это продолжалось только мгновение, но она не сомневалась в том, что не ошиблась.

Она сказала спокойно, ровным голосом:

— Я думаю, тебе лучше рассказать мне...

Он вздохнул глубоко и тяжело.

— Да. Все равно рано или поздно тебе придется об этом узнать. — И неожиданно прибавил:

— Боюсь, что ты заключила невыгодную сделку, Фрэнсис.

Она игнорировала скрытый смысл этой фразы, до которого не хотела доискиваться, чтобы скорее узнать факты.

— В чем дело, — спросила она, — в деньгах?

Она сама не знала, почему это было первое, что пришло ей на ум. Никаких особых признаков финансовых затруднений, кроме обычных для послевоенных лет, она не ощущала. Он мог скрывать от нее какую-нибудь болезнь — последнее время он плохо выглядел, очень уставал и слишком много работал.

Тем не менее инстинкт подсказал ей, что дело в деньгах, и, кажется, она оказалась права.

Муж кивнул.

Понятно. Минуту она молчала, обдумывая. Ее лично денежные вопросы совершенно не волновали, но она знала, что Джереми этого не понять. Для него деньги означали все: твердое положение, определенные обязательства, место в обществе, наконец престиж. Для нее же деньги были игрушкой, средством получать удовольствия. Она родилась и выросла в атмосфере финансовой неустойчивости. Бывали чудесные времена, когда лошади делали то, что от них ожидали. Бывали трудные времена, когда торговцы отказывали в кредите и лорду Эдварду приходилось прибегать к весьма неблагоприятным уловкам, чтобы избежать встреч с судебными исполнителями в передней своего же дома. Однажды они целую неделю прожили на сухом хлебе и рассчитали всех слуг. Был случай, когда судебный исполнитель не уходил от них целых три недели. Он оказался славным малым; с ним было весело играть и интересно слушать рассказы о его маленькой дочке. Когда нет денег, надо у кого-нибудь попросить, или поехать за границу, или жить некоторое время за счет друзей и

родственников. Или взять у кого-нибудь взаймы.

Но, глядя на мужа, Фрэнсис понимала, что в мире Клоудов так не поступают. Здесь не просят, не берут в долг и не живут за чужой счет (и соответственно предполагается, что у вас не будут просить, брать у вас в долг или жить за ваш счет).

Фрэнсис от души жалела Джереми и чувствовала себя немного виноватой в том, что ее сама все это нисколько не волнует. Как всегда, она стала искать спасения в практическом действии.

— Нам придется все продать? Фирма лопнет?

Джереми вздрогнул, и она поняла, что попала в точку.

— Дорогой мой, — мягко сказала она, — ну скажи мне. Я не могу больше гадать.

Клоуд принужденно сказал:

— Два года назад у нас были очень серьезные трудности. Ты помнишь, молодой Вильямс бежал с деньгами. Нам было трудно снова встать на ноги.

Затем были некоторые затруднения, возникшие в результате положения на Дальнем Востоке после Сингапура...

Она прервала его:

— Неважно, в конце концов, почему. Бог с ними, с причинами. Вы попали в сложный переплет и не сумели выбраться из затруднений?

Он сказал:

— Я надеялся на Гордона. Гордон поправил бы дела.

Она нетерпеливо вздохнула.

— Я не хочу обвинять беднягу. В конце концов, это так естественно — потерять голову из-за хорошенькой женщины. И почему бы ему было не жениться, если ему захотелось? Просто ужасно не повезло, что он был убит во время первого же воздушного налета, не успев уладить дела или составить новое завещание. Беда в том, что никто никогда не верит, как ни велика опасность, что убьет именно его. Бомба всегда попадает в соседа!

— Я очень любил Гордона и гордился им, — сказал Джереми, — и все же его смерть была для меня не только потерей, но и катастрофой. Он умер в тот момент...

Он замолчал.

— Мы обанкротимся? — с интересом, ничуть не окрашенным эмоциями, спросила Фрэнсис.

Джереми Клоуд глядел на нее почти с отчаянием. Ему было бы легче перенести ее слезы, волнение. Но этот хладнокровный, почти теоретический интерес совершенно убивал его.

Он хрипло сказал:

— Дело обстоит гораздо хуже...

Он наблюдал за ней: она, сидела неподвижно, обдумывая его слова. Он говорил себе: «Через минуту я должен буду сказать ей. Она узнает, кто я такой... Может быть, она сначала и не поверит».

Фрэнсис Клоуд вздохнула и выпрямилась в кресле.

— Понятно, — сказала она. — Растрата чужих денег. Или, если это неточное слово, нечто в этом роде. В общем, как молодой Вильямс.

— Да, но на этот раз... Ты не понимаешь... ответственность несу я. Я пустил в дело фонды, которые были доверены мне на хранение. До сих пор мне удавалось замечать следы...

— Но теперь все должно выйти наружу?

— Если только я не смогу найти необходимые деньги, и притом быстро.

Никогда в жизни он не испытывал подобного позора. Как она это примет?

В данный момент она принимала это очень спокойно. Но, впрочем, подумал он, Фрэнсис никогда не делает сцен. Никогда не упрекает, не бросает обвинений.

Подперев рукой щеку, она в задумчивости хмурила брови.

— Как глупо, что у меня нет своих денег.

Он сказал:

— Существует твоя брачная дарственная запись, но...

Она отмахнулась.

— Я думаю, этих денег уже нет.

Он промолчал. Затем сказал, с трудом подбирая слова, своим бесцветным голосом:

— Мне очень жаль, Фрэнсис. Не могу выразить, как жаль. Ты заключила невыгодную сделку.

Она посмотрела на него в упор.

— Ты уже говорил это. Что ты имеешь в виду?

Джереми сказал, преодолевая волнение:

— Когда ты была так добра, что согласилась выйти за меня замуж, ты была вправе ожидать... ну, честности... и жизни без забот.

Она смотрела на него в полном изумлении.

— Постой, Джереми. Как ты думаешь, почему я вышла за тебя замуж?

Он слегка улыбнулся.

— Ты всегда была верной и преданной женой, дорогая. Но едва ли я могу льстить себя мыслью, что ты приняла бы мое предложение при... м-м-м... других обстоятельствах.

Она с удивлением смотрела на него и вдруг разразилась смехом.

— Ты глупый старый сухарь! Так вот какие романтические бредни скрываются за твоей внешностью невозмутимого законника! Так ты в самом деле считаешь, что я вышла за тебя в благодарность за спасение отца от этой волчьей стаи — от руководителей Клуба жокеев и прочих им подобных?

— Ты так сильно любила отца, Фрэнсис.

— Я была предана папе! Он был ужасно мил, и с ним было так забавно жить! Но если ты думаешь, что я могла продать себя семейному поверенному, чтобы спасти отца от того, что ему всю жизнь угрожало, значит, ты никогда меня по-настоящему не знал. Никогда.

Она, не отрываясь, глядела на него. «Невероятно! — думала она. Прожить в браке более двадцати лет и не знать, о чем думает другой! Да и как можно было предполагать, что у него склад ума, такой не похожий на ее собственный. Он романтик, глубоко прячущий свой романтизм, но все-таки романтик. Все эти картины Стенли Уэймана у него в спальне. — Хотя они должны были надоумить меня. Дорогой мой глупыш!»

Она сказала:

— Я, разумеется, вышла за тебя потому, что любила тебя.

— Любила? Но что ты могла найти во мне?

— На этот вопрос я, право, затрудняюсь ответить. Ты был таким непохожим, так сильно отличался от всей папиной компании. Уж одно то, что ты никогда не говорил о лошадях. Ты и представить себе не можешь, до чего мне надоели эти лошади и разговоры о шансах на выигрыш кубка в Ньюмаркете. Ты пришел к обеду однажды вечером... помнишь? И я сидела рядом с тобой и спросила у тебя, что такое биметаллизм^[1] и ты рассказал мне — действительно объяснил мне! Это заняло все время обеда. (Обеда из шести блюд — мы в это время были при деньгах и держали французского повара!)

— Это, наверное, было ужасно скучно, — сказал Джереми.

— Это было захватывающе интересно! Никогда никто до этого не разговаривал со мной всерьез. И ты был так вежлив, но в то же время, казалось, и не глядел на меня, и не думал о том, что я хорошенькая или миленькая. Это задело меня за живое. Я поклялась себе, что ты обратишь на меня внимание.

Джереми Клоуд сказал угрюмо:

— Я-то обратил на тебя внимание сразу. После того обеда, придя домой, я не мог уснуть. На тебе тогда было голубое платье с васильками...

Минуты две они молчали. Затем Джереми сказал:

— Ах, это было так давно...

Она быстро пришла к нему на помощь:

— А теперь мы — немолодые супруги, находящиеся в затруднительном положении.

— После того, что ты мне только что сказала, Фрэнсис, мне в тысячу раз труднее... Этот позор...

Она прервала его:

— Давай сразу поставим точки над «i». Тебя могут обвинить, посадить в тюрьму... (Он вздрогнул.) Я не хочу этого. Я сделаю все, чтобы этого не случилось. Но не приписывай мне моральных переживаний и гражданского гнева. Я вовсе не из высокоморальной семьи, не забывай этого. Отец, хоть он и был милый человек, не считал за грех смошенничать. А Чарлз, мой кузен? Дело замяли, его не отдали под суд и сплывили за океан, в колонии. А мой кузен Джеральд? Этот подделал чек в Оксфорде. Но он отправился на фронт и был награжден Крестом Виктории за беспримерную отвагу, преданность своим соратникам и нечеловеческую выносливость. Я хочу сказать, что таковы люди — нет отвратительно плохих и ангельски хороших людей. Не думаю, что и сама я безупречна — я вела себя безупречно потому, что у меня не было соблазнов, не было искушений. Но есть у меня хорошее качество, и это — мужество. И еще (она улыбнулась ему) — я верный товарищ!

— Дорогая моя! — Он встал, подошел к ней и, нагнувшись, коснулся губами ее волос.

— А теперь, — сказала дочь лорда Трентона, улыбаясь ему, — давай обсудим, что же нам предпринять? Надо добывать деньги.

Лицо Джереми снова окаменело.

— Не вижу как и где.

— Закладная на этот дом... О, понимаю, — быстро добавила она, — дом уже заложен. Как я глупа! Разумеется, ты сделал все, что мог, всюду, где было легко достать деньги, ты уже взял. Значит, вопрос о том, у кого можно взять в долг. Я думаю, возможность только одна. У жены Гордона — черноволосой Розалин.

Джереми с сомнением покачал головой.

— Нужна большая сумма... А трогать капитал Розалин не может. Она имеет право только пожизненно пользоваться процентами.

— Этого я не знала. Я думала, что деньги принадлежат ей без оговорок. Что же будет с капиталом после ее смерти?

— Деньги перейдут к ближайшим родственникам Гордона. То есть они будут разделены между мною, Лайонелом, Эделой и сыном Мориса —

Роули.

— Вот как, перейдут к нам... — медленно сказала Фрэнсис.

Казалось, какая-то тень пронеслась по комнате... Как порыв холодного ветра, как смутная мысль.

Фрэнсис сказала:

— Ты мне об этом не говорил... Я думала, она получила их навсегда... и сможет оставить кому захочет...

— Нет, по закону 1925 года о наследовании имущества, оставленного без завещания...

Фрэнсис вряд ли слушала его объяснения. Когда он кончил, она сказала:

— Едва ли это имеет для нас какое-нибудь значение. Мы умрем задолго до того, как она станет дамой средних лет. Сколько ей? Двадцать пять? Двадцать шесть? Она может прожить до семидесяти.

Джереми Клоуд неуверенно сказал:

— Мы могли бы попросить у нее займы — как у родственницы. Возможно, она щедрая, добрая девочка. Мы ведь так мало о ней знаем...

Фрэнсис сказала:

— Во всяком случае, мы отнеслись к ней довольно тепло и не язвили, как Эдела. Быть может, она захочет ответить нам тем же.

Муж предупредил ее:

— Но не должно быть ни малейшего намека на... э-э-э... то, зачем нужны эти деньги.

Фрэнсис нетерпеливо ответила:

— Ну, разумеется. Но беда в том, что придется иметь дело не с самой Розалин. Она всецело под влиянием своего брата.

— Отталкивающий молодой человек! — сказал Джереми.

Фрэнсис внезапно улыбнулась.

— О нет, — сказала она. — Наоборот, привлекательный. Полагаю, что при этом он не слишком разборчив в средствах. Но если на то пошло, я тоже не чересчур щепетильна!

Ее улыбка стала жесткой. Она посмотрела на мужа.

— Мы не поддадимся, Джереми, — сказала она. — Мы найдем выход из положения — даже если мне придется для этого ограбить банк!

Глава 3

— Деньги! — сказала Лин.

Роули Клоуд кивнул. Это был коренастый молодой человек, загорелый, с задумчивыми голубыми глазами и очень светлыми волосами. Он отличался крайней медлительностью, которая казалась не врожденной, а нарочитой.

— Да, — сказал он. — Сейчас, кажется, все сводится к деньгам.

— А я думала, что у фермеров во время войны дела шли превосходно.

— Да, конечно, но этого не хватит надолго. Через год мы сползем на прежний уровень. Рабочих не найти, платить надо больше, все недовольны, никто не знает, чего, собственно, хочет. Только если ведешь хозяйство на широкую ногу — тогда, конечно, ничто не страшно. Старый Гордон это понимал. Именно так он хотел поставить дело, когда собирался в нем участвовать.

— А теперь?.. — спросила Лин.

Роули усмехнулся.

— А теперь миссис Гордон едет в Лондон и выбрасывает пару тысяч фунтов на норковую шубку.

— Но это... это грешно!

— О нет. — Он помолчал и сказал:

— Мне бы хотелось купить норковую шубку тебе, Лин...

— Что представляет собой Розалин, Роули? — Лин хотелось знать мнение сверстника.

— Ты увидишь ее сегодня. На вечеринке у дяди Лайонела и тети Кэтти.

— Да, знаю. Но мне интересно именно твое мнение. Мама говорит, что она полоумная.

Роули задумался.

— Ну, я бы тоже не сказал, что интеллект — ее сила. Но думаю, что она только кажется полоумной — из-за того, что слишком следит за собой.

— В чем же?

— О, во всем. Главным образом, следит за своим выговором — у нее, знаешь, сильный ирландский акцент. И еще — при выборе вилки. И при возникающих в разговоре литературных ассоциациях.

— Так она в самом деле совсем... необразованна?

Роули усмехнулся.

— Да, она не леди, если ты это имеешь в виду. У нее прелестные глаза и прекрасный цвет лица — я полагаю, на это и попался старый Гордон. Да к тому же у нее трогательно наивный вид. Не думаю, что это притворство, хотя, конечно, трудно сказать. Она всегда какая-то потерянная и предоставляет Дэвиду собой руководить.

— Дэвиду?

— Это ее братец. Могу поклясться, что зато уж он-то далеко не наивен...

— И Роули добавил:

— Он не слишком жалуется нас.

— А с чего бы ему нас любить? — резко спросила Лин и добавила, поймав удивленный взгляд Роули:

— Я имею в виду, что и ты не любишь его.

— Разумеется, не люблю. Да и тебе он не понравится. Он не нашего круга.

— Ты не знаешь, Роули, кто мне нравится и кто не нравится. Я немало повидала за последние три года. Думаю, что мой кругозор расширился.

— Ты больше видела, чем я, это правда.

Он сказал это спокойно, но Лин внимательно взглянула на него. Что-то скрывалось за этим ровным тоном.

Он ответил ей твердым взглядом, лицо его не выражало никакого волнения.

Лин вспомнила, что всегда было нелегко узнать, о чем думает Роули.

Все в этом мире стало шиворот-навыворот, думала Лин. Раньше мужчина шел на войну, а женщина оставалась дома. А теперь получилось наоборот.

Из двух молодых людей, Роули и Джонни, один должен был остаться на ферме. Они бросили жребий — Джонни Вэвасаур пошел в армию. Он погиб почти сразу, в Норвегии. За всю войну Роули не уезжал от дому дальше, чем за две мили.

А она, Лин, побывала в Египте, в Северной Африке, на Сицилии. Не раз ей пришлось бывать под огнем.

И вот теперь они встретились — Лин, вернувшаяся с войны, и Роули, остававшийся дома.

Она вдруг подумала: быть может, это ему неприятно.

Нервно кашлянув, сказала:

— Иногда кажется, что все идет как-то кувырком. Верно?

— Не знаю...

Роули без всякой мысли смотрел на расстилавшееся впереди поле.

— Зависит от обстоятельств.

— Роули... — Она заколебалась. — Тебя не огорчило... Я хочу сказать... Джонни...

Его холодный взгляд заставил ее остановиться.

Оставь Джонни в покое! Война окончена — мне посчастливилось.

— Ты хочешь сказать: посчастливилось, что... — она в сомнении остановилась, — что тебе не пришлось... идти?

— Ужасное везение, не правда ли?

Она не знала, как понять эти слова. В его голосе звучало сдерживаемое волнение. Он прибавил с улыбкой:

— Но, конечно, девушкам из армии будет трудно привыкнуть снова к дому.

Она с заметным раздражением сказала:

— Не говори глупостей, Роули. Не надо.

Но с чего бы ей раздражаться? Не с чего, если только его слова не задели ее за живое.

— Ну ладно, — сказал Роули. — Я думаю, нам лучше поговорить о нашей свадьбе. Если только ты не передумала.

— Конечно, не передумала. С чего ты взял?

Он ответил неопределенно:

— Почему знать...

— Ты хочешь сказать... ты думаешь, что я... что я изменилась?

— Не особенно.

— Может, ты сам передумал? Скажи мне.

— О нет, я-то не передумал. Тут, на ферме, какие уж перемены...

Никаких...

— Ну, тогда все в порядке, сказала Лин, чувствуя какую-то неудовлетворенность. Когда ты хочешь назначить свадьбу?

— В июне примерно.

— Согласна...

Они молчали. Все было решено. Но помимо воли Лин чувствовала страшную подавленность. Роули был Роули — такой же, как всегда. Любящий, спокойный, ненавидящий громкие слова.

Они любят друг друга. Они всегда любили друг друга и не говорили о своей любви — зачем говорить о ней сейчас?

Они поженились в июне. Будут жить на ферме «Лонг Уиллоуз» (ей всегда нравилось это красивое название «Высокие ивы»), и она никогда больше не уедет. Не уедет — то есть в том смысле, какой приобрели для нее теперь эти слова. Волнение той минуты, когда поднимают трап, бегодня

команды...

Трепет, когда самолет отрывается от земли и парит в воздухе. Очертания незнакомого берега... Запах горячей пыли, нефти и чеснока, трескотня чужой речи... Незнакомые высокие цветы, гордо растущие в пыльных садах...

Упаковка вещей — где-то будем распаковывать их в следующий раз?

Все это кончилось. Война кончилась. Лин Марчмонт приехала домой. Она дома. «Дома матрос, вернулся он с моря...»

«Но я уже не та Лин, которая уезжала», — думала она.

Она подняла глаза и увидела, что Роули наблюдает за ней...

Глава 4

Вечеринки у тети Кэтти всегда были похожи одна на другую. Они оставляли впечатление той же неумелости, того же художественного беспорядка, что и сама хозяйка.

Доктор Клоуд с трудом сдерживал раздражение. Неизменно вежливый с гостями, он в то же время не оставлял сомнения в том, что вежливость дается ему с большим трудом.

По внешнему виду Лайонел Клоуд был чем-то похож на своего брата Джереми. Тоже сухощавый и седой, он, однако, не отличался невозмутимостью, присущей его брату-адвокату. Он был нетерпелив и резок — его раздражительность восстановила против него многих пациентов, которые не видели за ней его большого врачебного опыта и человеческой доброты. Но по-настоящему интересовали его только научные исследования, своим хобби он считал изыскания по истории употребления лечебных трав. Человек рациональный и умный, он с трудом терпел причуды жены.

Лин и Роули всегда называли миссис Джереми Клоуд только Фрэнсис. Миссис Лайонел Клоуд именовалась не иначе, как тетя Кэтти. Они любили ее, но считали во многом смешной.

Эта вечеринка, устроенная специально, чтобы отпраздновать возвращение Лин домой, была делом чисто семейным.

Тетя Кэтти нежно приветствовала племянницу:

— Какая ты хорошенькая и загорелая! Это все Египет, я уверена. Ты прочла книгу об оракулах страны пирамид, которую я послала тебе? Очень интересно!.. Все становится так понятно, не правда ли?

От необходимости отвечать Лин была избавлена приходом миссис Гордон Клоуд и ее брата Дэвида.

— Это моя племянница Лин Марчмонт, Розалин.

Лин, насколько это позволяли приличия, с любопытством осмотрела вдову Гордона Клоуда. Да, она хороша, эта девочка, которая вышла за старого Гордона Клоуда из-за его денег. Справедливы были и слова Роули о том, что у нее вид воплощенной невинности. Черные волосы, ниспадающие крупными волнами, ирландские синие глаза с поволокой, полураскрытые губы.

Все остальное в ней свидетельствовало о богатстве. Платье, драгоценности, маникюр, меховая пелерина. Фигура хорошая, но она не

умеет по-настоящему носить дорогую одежду, носить ее так, как носила бы Лин Марчмонт, если бы ей дали хоть половину таких средств. («Но у тебя никогда не будет этих средств», — сказал ей тут же внутренний голос.) — Здравствуйте, как поживаете? — сказала Розалин Клоуд.

И повернулась в нерешительности к мужчине, стоявшему за ней.

— Это... Это мой брат.

— Как поживаете? — сказал Дэвид Хантер.

Это был стройный молодой человек с темными волосами и темными глазами.

Он не казался счастливым — скорее излишне дерзким и готовым постоять за себя.

Лин сразу поняла, почему он так не нравился всем Клоудам. Она встречала за границей людей такого типа — бесстрашных и чуточку опасных. Людей, на которых нельзя положиться, готовых на подвиг в состоянии экзальтации и способных довести своих боевых командиров до иступления полным отсутствием дисциплины.

Лин спросила у Розалин, чтобы поддержать разговор:

— Как вам нравится Фэрроубэнк?

— Чудесный дом, — сказала Розалин.

Дэвид Хантер усмехнулся.

— Бедняга Гордон неплохо устроился. Не пожалел денег.

Это вполне соответствовало истине. Когда Гордон решил поселиться в Вормсли Вейл — или, вернее, проводить там часть своего времени, — он счел необходимым построить дом. Он был слишком большим индивидуалистом, чтобы согласиться жить в доме, пропитанном историями других людей. Гордон пригласил молодого современного архитектора и предоставил ему полную свободу. Половина жителей Вормсли Вейл считала Фэрроубэнк чудовищным жилищем: его прямоугольные формы, его встроенная мебель, скользящие двери, стеклянные столы и стулья — все это вызывало неодобрение. Единственно, что нравилось всем, — это ваннные комнаты.

В словах Розалин «чудесный дом» прозвучал благоговейный восторг. Смешок Дэвида заставил ее вспыхнуть...

— Это вы вернулись из армии? — спросил Дэвид.

— Да.

Он оценивающе скользнул по ней глазами, и она почему-то покраснела.

Снова внезапно появилась тетя Кэтти. Она умела появляться будто из-под земли. Быть может, она научилась этому на многочисленных

спиритических сеансах, в которых участвовала.

— Ужин, — сказала она и как бы в скобках добавила:

— Я думаю, лучше назвать это ужином, чем обедом. От ужина не так много ждут. Ужасно трудно доставать продукты. Мэри Льюис сказала мне, что раз в две недели оставляет хозяину рыбной лавки десять шиллингов. По-моему, это безнравственно. Вы согласны?

Доктор Клоуд беседовал с Фрэнсис, прерывая свои слова нервным смешком.

— Будет вам, Фрэнсис. Никогда не поверю, что вы это всерьез...

Все вошли в запущенную и довольно безобразную столовую. Джереми с Фрэнсис, Лайонел с Кэтрин, Эдела, Лин и Роули. Все Клоуды и двое чужих.

Ибо хотя Розалин и носила имя Клоуд, она не стала настоящей Клоуд, как Фрэнсис и Кэтрин. Она была чужой — чувствовала себя неловко, нервничала. А Дэвид... Дэвид был отщепенцем — и в силу обстоятельств, и по собственной воле. Об этом думала Лин, занимая свое место за столом.

В столовой ощущался накал каких-то эмоций. Каких? Ненависти? Неужели это действительно ненависть?

Во всяком случае, нечто разрушительное.

Лин вдруг подумала: «Так вот в чем дело! Я заметила это, как только вернулась домой. Последствия войны. Недоброжелательность, злоба. И это всюду — в поездах, в автобусах, в магазинах; среди рабочих, клерков и даже работников на фермах; на шахтах и на заводах тоже. Но здесь, в Вормсли Вейл, это еще страшнее. Здесь эта злоба не беспричинная... Неужели мы так их ненавидим, этих чужих, взявших то, что мы считали своим?.. Нет, еще нет. Это могло бы случиться, но пока мы не испытываем к ним ненависти. Наоборот, это они ненавидят нас»...

Открытие показалось ей таким ошеломляющим, что она молчала, погруженная в свои мысли, совершенно забыв о Дэвиде, который сидел рядом.

Он заговорил сам.

— Что-нибудь обдумываете?

У него был очень приятный голос, звучавший слегка насмешливо. Она смутилась: Дэвид мог подумать, что она нарочно демонстрирует свое пренебрежение.

— Извините. Я думала о том, какой стала наша страна после войны.

Дэвид холодно сказал:

— Как это неоригинально!..

— Да, пожалуй. Мы все теперь так серьезны. Похоже, что это не

приведет к добру.

— Обычно более разумно стремиться к злу. За последние годы мы придумали пару довольно практичных приспособлений для этого, в том числе атомную бомбу.

— Я как раз об этом думала, то есть не об атомной бомбе, а о злой воле. Целенаправленной, практической злой воле...

Дэвид холодно заметил:

— Да, злая воля, конечно... Но вот насчет «практической» не согласен. В средние века она находила больше практического применения.

— Что вы имеете в виду?

— Черную магию прежде всего: колдовство, восковые фигуры, заговоры при луне, умерщвление скота у соседа, убийство самого соседа...

— Не может быть, чтобы вы всерьез верили в черную магию, — недоверчиво сказала Лин.

— Наверное, вы правы. Но, во всяком случае, люди действительно пытались делать зло. А в наше время... — Он пожал плечами. — При всей вашей злой воле вы не многим можете повредить мне и Розалин. Ведь верно?

Лин вздрогнула. Внезапно ей стало весело.

— Для этого мы несколько опоздали, — сказала она вежливо.

Дэвид рассмеялся. Казалось, он тоже развеселился.

— Хотите сказать, что мы уже унесли добычу? Да, теперь с нас взятки гладки.

— И вам это очень нравится?

— Деньги? Да, пожалуй...

— Я имею в виду не только деньги. Я говорю о том, как вы обошли нас.

— Нравится ли мне, что мы обошли вас? Да, пожалуй. Вы ведь все уже считали, что денежки старого Гордона у вас в кармане. Были на этот счет вполне уверены...

Лин сказала:

— Вы должны иметь в виду, что нас много лет приучали так считать. Приучили не экономить, не откладывать деньги, не думать о будущем... Поощряли наши смелые начинания...

«Роули, — подумала она, — Роули и его ферма».

— Только к одной мысли вас не приучили, — любезно сказал Дэвид.

— К какой?

— Что в мире нет ничего постоянного.

— Лин, — закричала в это время тетя Кэтти с другого конца стола, —

один из вызванных миссис Лестер духов является священником в четвертом поколении. Он нам рассказал так много чудесного!.. Я уверена, что Египет должен был повлиять на твой психический склад.

Доктор Клоуд резко сказал:

— У Лин были дела поважнее, чем возиться с этими глупыми суевериями.

— Ты просто предубежден, Лайонел, — ответила его жена.

Лин улыбнулась тетушке и сидела молча. В ушах у нее все еще звучали слова Дэвида: «В мире нет ничего постоянного»...

Дэвид тихо сказал тем же чуть насмешливым тоном:

— Мы еще не поссорились? Можем разговаривать?

— Да, конечно.

— Хорошо. Вы все еще сердитесь на меня и Розалин за наш не праведный путь к богатству?

— Да, — сказала Лин с силой.

— Чудесно. И что же вы собираетесь делать?

— Купить воск и заняться черной магией!

Он рассмеялся.

— О нет! Этого вы делать не станете. Вы не из тех людей, которые полагаются на старые, вышедшие из моды средства. Ваши методы будут современными и, наверное, весьма эффективными. Но вы не добьетесь своего.

— Почему вы думаете, что будет бой? Разве мы все уже не примирились с неизбежным?

— Все вы держитесь превосходно. Это очень забавно.

— За что, — тихим голосом спросила Лин, — за что вы ненавидите нас?

Что-то промелькнуло в его темных бездонных глазах.

— Боюсь, что не сумею объяснить вам.

— Попробуйте.

Минуты две Дэвид молчал, а затем непринужденно спросил:

— Почему вы собираетесь замуж за Роули Клоуда? Он олух.

— Не вам судить об этом! — сказала она резко. — Вы его совершенно не знаете!

Нисколько не показав, что меняет тему разговора, Дэвид спросил:

— Что вы думаете о Розалин?

— Она очень хороша.

— Еще что?

— Мне не кажется, что она... довольна жизнью.

— Совершенно верно, — сказал Дэвид. — Розалин не очень умна. Она напугана. Всегда боялась жизни. Подчиняется течению событий, а потом не знает, как ей быть. Рассказать вам о Розалин?

— Если хотите, — вежливо согласилась Лин. — Хочу... Она начала с того, что бредила сценой и стала актрисой. Конечно, хорошей актрисы из нее не вышло. Вступила в третьесортную труппу, которая ехала в Южную Африку. Ей нравилось, как это звучит — Южная Африка. Труппа застряла в Кейптауне.

Судьба столкнула ее с одним правительственным чиновником из Нигерии, она вышла за него замуж. Нигерию она не любила — не думаю, чтоб и мужа она сильно любила. Если бы он был здоровый малый, мастер выпить и любитель побить жену, все было бы в порядке. Но он был довольно интеллектуален, завел в глуши большую библиотеку, любил поговорить о метафизике. И судьба снова занесла ее в Кейптаун. Этот парень вел себя безукоризненно, платил ей достаточное содержание. Может, он дал бы ей развод, а может, и не дал бы — он был католиком. Как бы то ни было, он, к счастью, умер от лихорадки, и Розалин получила небольшую пенсию. Затем началась война, и ее занесло на пароход, идущий в Южную Америку. Ей не особенно понравилась Южная Америка, и ее занесло на другой пароход — на нем она и встретила Гордона Клоуда и рассказала ему о своей печальной жизни. В итоге они поженились в Нью-Йорке и были счастливы две недели; затем он был убит бомбой, а ей остался большой дом, множество драгоценностей и огромный доход...

— Хорошо, что у этой грустной истории такой счастливый конец, — сказала Лин.

— Да, — сказал Дэвид Хантер. — Хотя Розалин отнюдь не отличается умом, ей всегда везло, что стоит одно другого. Гордон Клоуд был крепким стариком. Ему было шестьдесят два года. Он вполне мог прожить еще лет двадцать и даже больше. Не велико счастье для Розалин. Верно? Ей было двадцать четыре, когда они поженились. Сейчас ей только двадцать шесть.

— Она выглядит еще моложе, — сказала Лин.

Дэвид посмотрел на другой конец стола. Розалин Клоуд крошила кусочек хлеба. Она была похожа на нервную девочку.

— Да, — сказал Дэвид задумчиво. — Выглядит моложе. Я думаю, дело в полном отсутствии мысли.

— Бедняжка, — внезапно сказала Лин.

Дэвид нахмурился.

— С чего эта жалость? — резко сказал он. — Я позабочусь о Розалин.

— Не сомневаюсь.

— Каждый, кто попробует обидеть Розалин, будет иметь дело со мной! А я знаю много способов вести войну. Некоторые из них не вполне соответствуют правилам...

— Мне предстоит теперь выслушать историю вашей жизни? — холодно спросила Лин.

— Сильно сокращенный вариант, — улыбнулся он. — Когда началась война, лично я не видел причин сражаться за Англию. Я — ирландец. Но, как все ирландцы, я люблю воевать. Служба в десантных отрядах коммандос очень привлекала меня. Многого удалось достичь, но тяжелое ранение ноги вывело меня из строя. Излечившись, я поехал в Канаду и обучал там военному делу новобранцев... Я был без определенных занятий, когда получил телеграмму из Нью-Йорка от Розалин, в которой она сообщала, что выходит замуж. Она не писала прямо, что будет чем поживиться, но я умею читать между строк. Я полетел туда, присоединился к счастливой паре и с ними вернулся в Лондон... А теперь... — Он дерзко улыбнулся ей. — «Дома матрос, вернулся он с моря...» — это вы. «И охотник дома, вернулся он с гор». Это я... Что с вами?

— Ничего, — сказала Лин.

Она поднялась из-за стола вместе со всеми. Когда они шли в гостиную, Роули сказал ей:

— Ты, кажется, вполне поладила с Дэвидом Хантером. О чем вы говорили?

— Так, о пустяках, — ответила Лин.

Глава 5

— Дэвид, когда мы вернемся в Лондон? Когда уедем в Америку?

Дэвид, сидевший по другую сторону накрытого к завтраку стола, с удивлением взглянул на Розалин.

— А куда, собственно, спешить? Чем тебе плохо здесь? — И он окинул одобрительным взглядом комнату, в которой они завтракали.

Фэрроубэнк был построен на склоне холма, из окна открывался истинно английский пейзаж. На лужайке цвели тысячи нарциссов. Сейчас они уже отцвели, но широкая золотистая полоса еще радовала глаз.

Кроша на тарелке поджаренный хлеб, Розалин пробормотала:

— Ты говорил, что мы уедем в Америку... скоро уедем. Как только ты закончишь дела.

— Да, но не так-то легко уладить эти дела. Существует очередность. Ни у тебя, ни у меня нет оснований требовать срочного урегулирования. После войны всегда возникают трудности...

Собственные слова его почему-то раздражали. Причины, которые он привел, вполне основательные, выглядели как извинение. «Любопытно, — подумал он, — кажутся ли они извинением и Розалин? И почему ей вдруг так приспичило ехать в Америку?..»

Розалин пробормотала:

— Ты говорил, что мы пробудем здесь недолго. Ты не сказал, что мы остаемся здесь жить.

— А чем тебе не нравится Вормсли Вейл и Фэрроубэнк? В чем дело?

— Ни в чем. Это из-за них, все из-за них...

— Из-за Клоудов?

— Да.

— А меня они забавляют, — сказал Дэвид. — Мне нравится видеть их надутые физиономии, зеленые от зависти и злобы. Не отбирай у меня моей забавы, Розалин...

Она сказала с беспокойством:

— Не говори так, Дэвид. Мне это не нравится.

— Веселее, девочка! Мы с тобой испытали достаточно нужды. А Клоуды всегда жили в свое удовольствие. Жили за счет старшего брата Гордона. Маленькие паразиты сосали большого паразита. Ненавижу таких людей, всегда их ненавижу...

Розалин вздрогнула.

— Не надо ненавидеть. Это грешно.

— А ты не понимаешь, что они ненавидят тебя? Разве они добры к тебе, дружелюбны?

Она с некоторым сомнением произнесла:

— Но и злы ко мне они не были. Не сделали мне ничего дурного...

— Но рады бы сделать, глупышка. Рады бы. — Он беззаботно рассмеялся. — Не дорожи они так собственной шкурой, тебя нашли бы в одно прекрасное утро с ножом между лопатками.

Она содрогнулась.

— Не говори таких ужасов.

— Ну, может, это был бы не нож. Стрихнин в супе.

Она глядела на него во все глаза. Губы ее дрожали.

— Ты шутишь...

Он снова стал серьезным.

— Не беспокойся, Розалин. Я позабочусь о тебе. Им придется иметь дело со мной.

Она снова заговорила, будто подбирая слова:

— Если это правда, то, что ты говоришь... если они ненавидят нас... ненавидят меня... то почему же мы не едем в Лондон? Там мы будем в безопасности... Вдали от них...

— Тебе полезен деревенский воздух, девочка. Ведь в Лондоне ты болеешь.

— Это когда там были бомбы... бомбы... — Она задрожала, закрыла глаза.

— Я никогда не забуду... никогда...

— Нет, забудешь. — Он мягко взял ее за плечи, слегка встряхнул. — Забудь это, Розалин. Ты была сильно контужена, но теперь все это позади. Больше нет бомб. Не думай об этом. Не вспоминай. Доктор сказал: нужен деревенский воздух и спокойный деревенский образ жизни. Поэтому я и держу тебя вне Лондона.

— Это правда? Поэтому? А я думала... может быть...

— Что ты думала?

Розалин медленно сказала:

— Я думала, может быть, это из-за нее ты хочешь быть здесь...

— Из-за кого?

— Ты знаешь, о ком я говорю... Та девушка. Та, что была в армии...

Он помрачнел, лицо его стало суровым.

— Лин? Лин Марчмонт?

— Она тебя интересуется. Верно, Дэвид?

— Лин Марчмонт? Она невеста Роули. Старого доброго Роули, который просидел войну дома. Тупого, медлительного красивого быка...

— Я видела, как ты был поглощен беседой с ней.

— О, ради бога, Розалин!..

— И вы опять виделись, да?

— Я встретил ее вчера возле фермы, когда утром ездил верхом.

— Ты будешь еще встречаться с ней, я знаю.

— Конечно, я буду встречать ее! Вормсли Вейл — крошечный поселок. Здесь и шагу не пройдешь, чтобы не натолкнуться на кого-нибудь из Клоудов. Но если ты думаешь, что я влюбился в Лин Марчмонт, ты ошибаешься. Она — гордая, высокомерная, самодовольная девушка с дурными манерами. Желаю старине Роули счастья с ней. Нет, милая Розалин, она не в моем вкусе.

Розалин переспросила с сомнением:

— Это правда, Дэвид?

— Разумеется, правда.

Почти робко она заговорила вновь:

— Я знаю, ты не любишь, когда я гадаю на картах... Но они часто говорят правду — да, да. И вот вчера карты сказали мне о девушке, которая принесет нам несчастье. Она приедет из-за моря. И еще я нагадала, что в нашу жизнь вторгнется незнакомый брюнет, из-за него нам грозит опасность. Карты еще предвещали смерть...

— Уж эти мне твои незнакомые брюнеты! — рассмеялся Дэвид. — Ты полна предрассудков. Не имей дел с незнакомыми брюнетами, вот мой тебе совет...

И он ушел из дому, продолжая смеяться. Но когда Розалин больше не могла видеть его лица, он нахмурился, глаза его затуманились, и он пробормотал:

— Будь ты неладна, Лин! Вернулась из-за моря и сразу подняла переполох...

Он вдруг осознал, что выбирает дорогу, на которой легче всего встретить девушку, которой он, только что дал такую жестокую оценку.

Розалин видела, как он шел через сад, за калитку, которая вела к дороге через поле. Она поднялась в свою спальню и стала рассматривать одежду в шкафу. Ей очень нравилось новое манто из норки. Подумать только; это манто принадлежит ей! Она так и не перестала удивляться этому. Розалин была в спальне, когда вошла горничная и сказала, что ее ждет миссис Марчмонт.

Эдела сидела в гостиной, плотно сжав губы. Сердце ее готово было

выскочить из груди. Она уже несколько дней собиралась к Розалин, но, по своему обыкновению, откладывала этот визит. Она не решалась идти еще и потому, что мнение Лин внезапно изменилось. Теперь она была решительно против того, чтобы мать просила денег займы у вдовы Гордона.

Однако очередное письмо от директора банка, полученное сегодня утром, побудило миссис Марчмонт к решительным действиям. Она больше не могла откладывать. Лин ушла с самого утра, Дэвида Хантера миссис Марчмонт видела на дороге, ведущей из Фэрроубэнка. Итак, путь был свободен. Ей хотелось застать Розалин одну, без Дэвида. Она правильно рассчитывала, что с одной Розалин будет гораздо легче иметь дело.

Тем не менее она ужасно нервничала, ожидая в залитой солнцем гостиной.

Но когда Розалин вошла, она почувствовала себя несколько лучше: молодая женщина выглядела еще более полоумной, как она это называла, чем обычно.

«Интересно, — подумала Эдела, — это последствия бомбежки или она всегда была такая?»

Розалин сказала запинаясь:

— О, д-доброе утро! Что-нибудь случилось? Садитесь, пожалуйста.

— Какое прекрасное утро! — безмятежно заговорила миссис Марчмонт. — Все мои ранние тюльпаны взошли. А ваши?

Розалин смотрела на нее не понимая.

— Не знаю...

«О чем же говорить, — думала Эдела, — с человеком, который не хочет ничего знать ни о садоводстве, ни о собаках? А между тем это самые испытанные темы светской беседы в сельских условиях...»

Вслух она сказала, не сумев подавить язвительную нотку в голосе:

— Конечно, у вас так много садовников... Они этим занимаются.

— Наш старый садовник сказал, что ему нужны еще два помощника. Но ведь все еще не хватает рабочих рук...

Она произнесла это так, как говорит ребенок, повторяющий слова взрослых.

Да, она похожа на ребенка. Возможно, в этом и заключается ее очарование, подумала Эдела. Возможно, именно это так привлекло сурового Гордона Клоуда, человека с острым умом и деловой хваткой, что он не заметил ее глупости и недостатков воспитания. Не может ведь быть, что все дело в ее наружности. Множество хороших женщин безуспешно пытались завлечь его.

А эта детскость, наверно, для человека шестидесяти двух лет она особенно привлекательна. Интересно, такова ее истинная натура или это поза — поза, которая оказалась выгодной и потому стала второй натурой?..

Розалин сказала:

— К сожалению, Дэвида нет дома...

Эти слова вернули миссис Марчмонт к действительности, Дэвид мог вернуться каждую минуту. Надо сделать попытку сейчас, не упускать случая.

Слова застревали у нее в горле, но она заставила себя говорить.

— Вы... вы не могли бы помочь мне?

— Помочь вам?

Розалин смотрела удивленно, непонимающе.

— Я... сейчас все так трудно... Понимаете, со смертью Гордона наше положение сильно изменилось...

«Безмозглая идиотка! — думала она. — Долго еще ты будешь так оторопело пялиться на меня? Ты отлично знаешь, что я имею в виду! Должна знать. В конце концов, ты сама была бедной...»

В эту минуту она ненавидела Розалин. Ненавидела за то, что она, Эдела Марчмонт, вынуждена сидеть здесь и выклянчивать деньги. Как это трудно, как бесконечно трудно! За эти короткие мгновения ей вспомнились долгие часы дум и забот, все ее планы...

Продать дом? Но куда переехать? В продаже совсем нет маленьких домов, во всяком случае — дешевых. Взять квартирантов? Но сейчас не достать прислугу, а сама она просто не справится со стряпней и уборкой. Если поможет Лин... Но ведь Лин собирается замуж за Роули. Жить с Роули и Лин?

Нет, ни за что! Найти работу? Какую работу? Кому нужна немолодая, усталая женщина без специальности?..

Она услышала свой голос. Он звучал враждебно, потому что она презирала себя.

— Я имею в виду деньги, — сказала она.

— Деньги?..

Розалин казалась искренне изумленной, будто меньше всего ожидала, что речь пойдет о деньгах.

Эдела продолжала, с трудом выдавливая из себя слова:

— Я превысила свой кредит в банке, задолжала по счетам... за ремонт дома... а проценты мы еще не выплатили. Ведь все уменьшилось вдвое... Я имею в виду доходы. Дело, очевидно, в налогах. Гордон всегда нам помогал. Помогал содержать дом. Он брал на себя весь текущий ремонт,

окраску и прочее. Да и на расходы давал. Вносил в банк определенную сумму каждый квартал. Всегда говорил, чтобы я не беспокоилась. Я и не беспокоилась. То есть пока он был жив, а теперь...

Она замолчала. Ей было стыдно, но в то же время она испытывала и облегчение. В конце концов, худшее теперь позади. Если Розалин откажет, то откажет — и все...

Розалин чувствовала себя очень неловко.

— О Боже! — сказала она. — Я не знала... не думала... Я... Ну конечно, я спрошу у Дэвида...

Стиснув ручки кресла, Эдела сказала с отчаянием:

— Не можете ли вы дать мне чек сейчас?

— Да, да, кажется, могу. — Розалин с испуганным видом вскочила, подошла к письменному столу. Поискала в разных ящиках и наконец вытащила чековую книжку.

— Написать... на сколько?

— Если можно... пятьсот фунтов...

«Пятьсот фунтов», — послушно написала Розалин.

У Эделы камень свалился с плеч. В конце концов, это оказалось не так трудно. Она ужаснулась при мысли, что сейчас ощущает не столько благодарность, сколько разочарование от легкости, с какой ей досталась победа. Розалин, безусловно, до странности проста.

Молодая женщина встала из-за стола и подошла к Эделе. Неловко протянула чек. Казалось, теперь неловкость испытывала только она.

— Надеюсь, теперь все в порядке. Мне, право, очень жаль...

Эдела взяла чек. Несформировавшимся детским почерком на розовом бланке было написано: «Миссис Марчмонт. Пятьсот фунтов (500). Розалин Клоуд».

— Очень мило с вашей стороны, Розалин. Благодарю вас.

— О, пожалуйста. Мне следовало самой подумать...

— Очень любезно с вашей стороны, дорогая.

Теперь, с чеком в сумочке, Эдела Марчмонт чувствовала себя другим человеком. Розалин повела себя очень мило. Было бы неловко затягивать визит. Она попрощалась и ушла. У входа в дом она встретила Дэвида, любезно сказала «доброе утро» и поспешила прочь.

Глава 6

— Что здесь делала эта Марчмонт? — спросил Дэвид, как только вошел.

— О Дэвид! Ей были ужасно нужны деньги. Я никогда не думала...

— И ты их ей, по-видимому, дала. — Он смотрел на нее с отчаянием, смешанным с иронией. — Тебя нельзя оставлять одну, Розалин.

— О Дэвид, я не могла отказать. В конце концов...

— Что — в конце концов? И сколько ты дала ей?

Совсем тихо Розалин прошептала:

— Пятьсот фунтов...

К ее облегчению, Дэвид рассмеялся:

— Легкий блошинный укус!

— О Дэвид, это уйма денег!..

— В данный момент для нас это пустяк... Ты все еще не можешь понять, что стала очень богатой женщиной. Но все равно: раз она просила пятьсот фунтов, она была бы вполне довольна, получив двести пятьдесят. Ты должна научиться языку займов.

Она пробормотала:

— Мне очень жаль, Дэвид...

— Милая моя девочка! В конце концов, это твои деньги.

— Вовсе нет, то есть не совсем...

— Ну не начинай все сначала. Гордон Клоуд умер прежде, чем успел составить завещание. Это называется удачей в игре. Мы выиграли — ты и я. Остальные проиграли.

— Но это не кажется мне... справедливым.

— Послушай, дорогая моя сестрица Розалин! Разве тебе не нравится все это? Большой дом, слуги, драгоценности? Разве тебе это не кажется сном наяву? Благодарение Богу, мы так живем, что иногда мне кажется, будто я проснусь и увижу, что все это мне приснилось...

Она рассмеялась вместе с ним, и, пристально наблюдая за ней, он остался доволен. Он умеет обращаться со своей Розалин. Очень неудобно, что у нее такая чувствительная совесть, но ничего не поделаешь...

— Да, правда, Дэвид, это похоже на сон или на кино. Мне это очень нравится. Правда, очень нравится.

— Но то, что мы имеем, надо уметь хранить, — предостерег он. — Больше никаких подачек Клоудам, Розалин. У каждого из них гораздо

больше денег, чем было раньше у тебя или у меня.

— Да, наверно, ты прав...

«Интересно, — думал Дэвид, — где была Лин, когда ее мамаша кланчила здесь деньги? Наверное, ходила на ферму Лонг Уиллоуз. На ферму... Повидаться с этим олухом, с этим деревенщиной Роули! Видно, Лин твердо решила выйти за Роули замуж».

Мрачный, он вышел из дому, прошел мимо зарослей азалий и вышел из калитки на вершине холма. Отсюда дорога шла вниз, мимо фермы Роули.

Стоя здесь, он увидел Лин Марчмонт. Она поднималась вверх с фермы. С минуту он колебался, затем стиснул зубы и пошел вниз, ей навстречу. Они встретились у перелаза, как раз на полдороге.

— Доброе утро, — сказал Дэвид. — Когда свадьба?

— Вы уже спрашивали об этом, — отрезала она. — Вы отлично знаете. В июне.

— Вы собираетесь довести это дело до конца?

— Не знаю, что вы хотите этим сказать, Дэвид.

— О нет! Отлично знаете. — Он презрительно засмеялся. — Роули. Кто такой Роули?

— Человек, который лучше вас. Попробуйте задеть его, если осмелитесь, — сказала она с легкостью.

— Не сомневаюсь, что он лучше меня, но все-таки осмелюсь. Я бы осмелился на что угодно ради вас, Лин...

Минуты две она молчала. Наконец сказала:

— Вы просто не понимаете, что я люблю Роули.

— Сомневаюсь.

— Говорю вам, что люблю, люблю, — повторила она с силой.

Дэвид испытующе посмотрел на нее.

— Все мы видим себя такими, какими хотели бы быть. Вы видите себя влюбленной в Роули, живущей спокойно и не помышляющей об отъезде. Но ведь это не вы, не настоящая Лин.

— А что такое настоящая Лин? Что такое настоящий вы, если уж на то пошло? Вы-то чего хотите?

— Я мог бы сказать, что хочу безопасности, спокойствия после бури, штиля после волнения на море. Но я в сомнениях. Иногда мне кажется, Лин, что мы оба хотим бури. — И он добавил мрачно:

— Лучше бы я вас не встречал. Я был здесь вполне счастлив, пока не приехали вы.

— Разве сейчас вы не счастливы?

Он взглянул на нее. Она почувствовала, как в ней подымается

волнение.

Дыхание ее участилось. Никогда еще она не ощущала так сильно странную и мрачную притягательную силу Дэвида. Он поднял руку, схватил ее за плечо, повернул к себе... Затем так же внезапно она почувствовала, что он отпустил ее. Он пристально глядел через ее плечо на вершину холма. Она повернула голову, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание.

Какая-то женщина входила в верхнюю калитку Фэрроубэнка. Дэвид резко спросил:

— Кто это?

— Похоже, что это Фрэнсис.

— Фрэнсис? — Он нахмурился. — Что нужно Фрэнсис?

— Может быть, она просто зашла к Розалин.

— Милая Лин! Только те, кому что-нибудь нужно, заходят к Розалин. Ваша матушка уже побывала у нее утром.

— Мама? — Лин отпрянула нахмурясь. — Что ей было нужно?

— Вы не знаете? Деньги.

— Деньги? — Лин будто окаменела.

— Она их благополучно получила, — сказал Дэвид. Теперь он улыбнулся холодной, жесткой улыбкой, которая так шла ему.

Они были очень близки всего минуту или две назад, теперь они были бесконечно далеки друг от друга, разделенные враждебностью. Лин воскликнула:

— О нет, нет, нет!

Он передразнил ее:

— О да, да, да!

— Не верю!.. Сколько?

— Пятьсот фунтов. — И добавил задумчиво:

— Интересно, сколько собирается попросить Фрэнсис? Розалин нельзя оставить одну даже на пять минут. Бедная девочка не умеет отказывать.

— Кто... Кто еще приходил?

Дэвид насмешливо улыбнулся:

— Тетя Кэтти наделала долгов. О, немного: всего двести пятьдесят фунтов, но она боится, что это может дойти до ушей доктора. Поскольку деньги ушли на медиумов, это может ему не понравиться. Она не знала, конечно, — прибавил Дэвид, — что доктор и сам еще раньше обращался за помощью.

Лин тихо сказала:

— Что вы должны думать о нас? Что вы должны думать?..

И затем, к его удивлению, она повернулась и сломя голову побежала вниз с холма, к ферме.

Глядя, как она бежит, он нахмурился. Она побежала к Роули, как мчится домой домашний голубь, и это опечалило его больше, чем он хотел себе признать.

Он снова посмотрел на вершину холма и нахмурился.

«Нет, Фрэнсис, — сказал он про себя. — Не думаю, что это вам удастся. Вы выбрали плохой день». И он устремился вверх, к дому.

Он открыл калитку, прошел мимо азалий, пересек лужайку и оказался в гостиной со стороны террасы как раз в тот момент, когда Фрэнсис Клоуд говорила:

— Я хотела бы объяснить вам это детальнее. Но видите ли, Розалин, это все ужасно сложно...

Голос за ее спиной произнес:

— Неужели?

Фрэнсис Клоуд резко обернулась. В отличие от Эделы Марчмонт, у нее не было цели заставить Розалин одну. Требуемая сумма была так велика, что вряд ли Розалин решилась бы дать ее, не посоветовавшись с братом. Фрэнсис даже предпочла бы обсуждать это дело при Дэвиде, чтобы он не подумал, будто она пыталась выпросить деньги у Розалин, пользуясь его отсутствием.

Она не слышала, как он вошел, так как была поглощена разговором и подбирала убедительные аргументы.

Когда ее прервали, она вздрогнула и, сразу оценив обстановку, заметила, что по какой-то причине Дэвид Хантер сегодня в отвратительном настроении.

— О Дэвид, — произнесла она без всякого замешательства, — я рада, что вы пришли. Я только что говорила с Розалин. Смерть Гордона оставила Джереми в исключительно тяжелом положении, и я пришла просить ее прийти на помощь. Дело обстоит так...

Слова так и соскакивали у нее с языка: речь идет о большой сумме.

Гордон обещал помочь, обещал определенно, правда на словах... Правительственные ограничения... закладные...

В глубине души у Дэвида шевельнулось что-то похожее на восхищение. Черт возьми, как ловко лжет эта женщина! Весь ее рассказ звучит вполне правдоподобно. Но это не правда. Он готов поклясться, что все — ложь! В чем же загвоздка на самом деле? Джереми пошел по скользкой дорожке? Наверно, он в совершенно отчаянном положении, если позволил Фрэнсис прийти сюда. Да и сама она гордячка...

Он переспросил:

— Десять тысяч?

Розалин пробормотала испуганно:

— Это куча денег...

Фрэнсис поспешно сказала:

— Да-да, я знаю. Я бы не пришла к вам, если бы такую сумму было просто достать. Но Джереми никогда не вошел бы в это дело, если бы не поддержка Гордона. Какое ужасное несчастье, что Гордон умер так внезапно...

— Оставив вас всех на произвол судьбы? — Голос Дэвида не предвещал ничего хорошего. — После того как вы жили у него под крылышком?

В глазах Фрэнсис что-то промелькнуло, когда она сказала:

— Вы облачаете это в такие образные выражения...

— Розалин не может трогать основной капитал, вы это знаете. Только проценты. И она платит огромный подоходный налог!

— Да, конечно. Налоги просто чудовищные. Но ведь это можно как-то устроить. Мы все возвратим...

Он прервал ее.

— Это можно как-то устроить, но мы не станем стараться.

Фрэнсис обернулась к Розалин.

— Розалин, вы такая добрая, великодушная...

Дэвид снова прервал ее.

— За кого, в самом деле, вы, Клоуды, принимаете Розалин — за дойную корову? Все вы лезете к ней: намекаете, просите, кланчите. А за ее спиной? Смеетесь над ней, снисходите к ней, не принимаете ее, ненавидите, даже мечтаете о ее смерти...

— Это не правда! — воскликнула Фрэнсис.

— Не правда? Вы все мне до смерти надоели! И ей надоели. Вы не получите денег, поэтому перестаньте ходить сюда и кланчить. Понятно?

Его лицо потемнело от гнева.

Фрэнсис поднялась. Лицо ее окаменело, будто замкнулось. Машинально, с отсутствующим видом она натягивала перчатку так тщательно, словно от этого многое зависело.

— Вы высказались вполне ясно, Дэвид, — сказала она.

Розалин пробормотала:

— Мне жаль. Мне очень жаль...

Фрэнсис не обратила на нее внимания, будто Розалин не было в комнате.

Она шагнула к двери на террасу, остановилась и обернулась к Дэвиду.

— Вы сказали, что я не люблю Розалин. Это не правда. Я не чувствовала ничего плохого к Розалин. Зато вас я презираю.

— Это еще почему? — Он бросил на нее угрожающий взгляд.

— Женщинам надо как-то устраиваться. Розалин вышла замуж за очень богатого человека, на много лет старше себя. Почему бы и нет? Но вы! Вы живете за счет сестры, живете роскошно, живете удобно за ее счет!

— Я стою между нею и хищниками!

Они глядели прямо в глаза друг другу. Он чувствовал, в какой она ярости. У него мелькнула мысль, что Фрэнсис Клоуд — опасный враг, враг беспощадный и, если нужно, неразборчивый в средствах.

— Я запомню все, что вы сказали, Дэвид!

Минуя его, она вышла в сад.

Он сам не понимал, почему на него так сильно подействовала эта угроза.

Розалин плакала.

— О Дэвид, Дэвид! Тебе не следовало так говорить с ней. Она одна из всех Клоудов была добра ко мне.

Он прервал ее в ярости:

— Замолчи, глупая! Ты хочешь, чтобы они навалились и выжали из тебя все до последнего пенни?

— Но эти деньги... Если они и правда не мои...

Под его взглядом она сжалась.

— Я... Я не то хотела сказать, Дэвид.

— Надеюсь.

«Совесь, — подумал он, — ужасная вещь». Да, он не учел, насколько совестлива Розалин. В будущем это, очевидно, может превратиться в проблему.

В будущем? Он нахмурился, глядя на нее, и задумался. Будущее Розалин... Его собственное будущее... Он всегда знал, чего хочет... Знает и сейчас... Но Розалин? Что ждет Розалин?

Он нахмурился.

Она внезапно вскрикнула:

— Мне страшно! Я, наверно, скоро умру!

Он сказал, глядя на нее с любопытством:

— Так ты думаешь, что может дойти до этого?

— Что ты хочешь сказать, Дэвид?

— Я хочу сказать, что пять, шесть, семь человек хотели бы свести тебя в могилу как можно скорее.

— Но ведь не думаешь же ты об... убийстве? — В ее голосе прозвучал ужас. — Ты считаешь, что они могли бы совершить убийство? Нет, нет, только не такие порядочные люди, как Клоуды!

— Вполне возможно, что убийства совершают именно такие порядочные люди, как Клоуды. Но им не удастся погубить тебя, пока я рядом с тобой. Им пришлось бы сначала убрать меня с дороги. Но если это у них получится, тогда сама будь начеку.

— Дэвид! Не говори таких ужасов!

— Послушай, — он сжал ее руку, — если случится так, что меня здесь не будет, будь осторожна, Розалин. Жизнь — опасная штука, помни это. Чертовски опасная. И сдается мне, особенно опасная для тебя...

Глава 7

— Роули, ты не можешь достать для меня пятьсот фунтов?

Роули пристально посмотрел на Лин. Она стояла перед ним, запыхавшаяся от бега, бледная, со сжатыми губами.

Он сказал, успокаивая ее так, как будто обращался к лошади:

— Ну-ну, спокойнее, старушка. В чем дело?

— Мне нужно пятьсот фунтов.

— Мне и самому онигодились бы.

— Но, Роули, я говорю серьезно. Ты не можешь одолжить мне пятьсот фунтов?

— Я очень стеснен в средствах. Новый трактор...

— Да-да. — Она не интересовалась подробностями работы на ферме. — Но ты бы смог достать деньги, если бы тебе было очень нужно?

— Зачем они тебе, Лин? У тебя какие-нибудь неприятности?

— Они мне нужны для него... — Она указала кивком на большой прямоугольный дом на холме.

— Для Хантера? Чего ради?..

— Это все мама. Она взяла у него займы. У нее какие-то затруднения с платежами.

— Да, ей нелегко. — Голос Роули звучал сочувственно. — Я очень хотел бы помочь, да нечем.

— Не могу я, чтобы она брала в долг у него!

— Держись, старушка. Ведь деньги дает не он, а Розалин. А почему бы и нет, в конце концов?

— Почему бы и нет? И это говоришь ты, Роули?

— Не вижу, почему бы Розалин и не прийти на выручку хоть разок. Старый Гордон всех нас подкузьмил тем, что покинул этот мир без завещания. Если Розалин толково объяснить положение вещей, она сама увидит, что должна помогать.

— Ты-то не брал у нее?

— Нет. Ну, тут другое дело. Я не могу просить денег у женщины. Мужчине это не подобает.

— Неужели ты не понимаешь, что я не хочу быть... обязанной Дэвиду Хантеру?

— А ты ему вовсе не обязана. Это не его деньги.

— Но фактически все равно что его. Розалин абсолютно у него под

каблуком.

— Да, еще бы! Но по закону деньги не его.

— Так ты не одолжишь, не можешь одолжить мне денег?

— Послушай, Лин. Если бы ты попала в настоящий переплет... шантаж или долги... я мог бы продать землю или скот. Но это было бы уже с отчаяния. Я и так только-только становлюсь на ноги. Да еще никогда не знаешь, чего ждать от этого чертова правительства. Все у него через пень колоду, заваливает нас вопросниками и анкетами. Приходится иной раз заполнять их до глубокой ночи...

Лин повернулась и медленно пошла обратно к Белой вилле.

— Ты не можешь вернуть их, мамочка?

— Ну что ты, Лин, дорогая моя! Я пошла с ними прямо в банк. Потом я заплатила Артуру Бодгхему и Кнебуорту. Кнебуорт уже стал просто невежлив. Какое облегчение, дорогая! Я уже много ночей не спала. Поверь, Розалин проявила полное понимание и была очень мила.

Лин сказала с горечью:

— Ну, теперь, я думаю, ты будешь обращаться к ней часто.

— Надеюсь, что в этом не будет необходимости, дорогая. Я постараюсь быть очень экономной. Но, конечно, теперь все так дорого. Жить становится с каждым днем все труднее.

— А мы становимся все хуже. Делаемся попрошайками.

Эдела вспыхнула.

— Ты не выбираешь выражений, Лин! Я объяснила Розалин, что Гордон всегда нам помогал.

— Мы не должны были пользоваться его помощью. Это нехорошо. Он имеет все основания презирать нас.

— Кто презирает нас?

— Этот отвратительный Дэвид Хантер.

— Право, — сказала с достоинством миссис Марчмонт, — я не понимаю, какое может иметь значение, что именно думает Дэвид Хантер. К счастью, сегодня утром его не было дома, иначе, пожалуй, он повлиял бы на Розалин. Она совершенно у него под каблуком.

Лин переменяла разговор.

— Что ты имела в виду, мама, когда сказала — помнишь, на другое утро после моего возвращения: «Если только он ее брат»?

— Ах, это!.. — Миссис Марчмонт слегка смутилась. — Да, знаешь ли, были кое-какие сплетни...

Лин молча ожидала продолжения. Миссис Марчмонт кашлянула.

— У молодых женщин такого типа — искательниц приключений —

обыкновенно бывает в запасе молодой поклонник. Предположим, она говорит Гордону, что у нее есть брат, телеграфирует тому в Канаду или еще куда-нибудь. Этот молодой человек появляется. Откуда Гордону знать, брат он ей или не брат? Бедный Гордон, без сомнения, совершенно потерял голову и верил всему, что она говорила. И вот ее «брат» приезжает с ними в Англию, и бедный Гордон ничего не подозревает...

Лин упрямо сказала:

— Я не верю этому. Не верю!

Миссис Марчмонт удивленно подняла брови:

— Право, дорогая...

— Он не такой! И она... и она не такая. Может быть, она глупа, но она хорошая. Да, она хорошая. Эти сплетники выдают за истину собственные грязные мысли. Я не верю, говорю тебе!

Миссис Марчмонт с достоинством сказала:

— Хорошо, дорогая, но, право же, я не вижу необходимости кричать...

Глава 8

А неделю спустя с поезда пять двадцать на станции Вормсли сошел высокий человек, бронзовый от загара, с рюкзаком за плечами.

На противоположной платформе группа игроков в гольф ожидала поезда в Лондон. Высокий человек с рюкзаком отдал контролеру билет и сошел с перрона. Минуту или две он постоял в нерешительности, затем увидел указатель «Пешеходная дорога на Вормсли Вейл» и решительно направился по этой дороге.

В усадьбе Лонг Уиллоуз Роули Клоуд только что приготовил себе чашку чая. Тень, упавшая на кухонный стол, заставила его поднять глаза. На мгновение он подумал, что девушка, стоящая в дверях, — Лин, но его разочарование сменилось удивлением, когда он узнал Розалин Клоуд.

На ней было платье из какой-то домотканой материи в яркую широкую полоску, зеленую и оранжевую. Искусственная простота эта обошлась гораздо дороже, чем мог себе представить Роули.

До сих пор он видел ее одетой в дорогие городские платья; она носила их чуточку неловко — так, думал он, как манекенщица носит платья, которые принадлежат не ей, а фирме, где она работает.

Сегодня в своем ярком полосатом платье она показалась ему совсем новой Розалин. Стало заметнее ее ирландское происхождение: ее темные вьющиеся волосы и прелестные синие глаза с поволокой. Слова она тоже произносила с ирландским акцентом — певуче и мягко, а не тщательно и несколько манерно, как обычно.

— Такая чудная погода! — сказала она. — Мне захотелось погулять. — И прибавила:

— Дэвид уехал в Лондон...

Розалин сказала это почти виновато, щеки ее вспыхнули. В смущении она достала из сумочки портсигар и предложила сигарету Роули, но тот отрицательно покачал головой и стал искать спичку для Розалин. Молодая женщина безуспешно пыталась зажечь маленькую золотую зажигалку. Роули взял вещицу из ее рук и одним резким движением высек огонь. Когда она склонилась к нему, чтоб прикурить, он заметил, какие у нее длинные и темные ресницы, и подумал: «Старый Гордон знал, что делает...»

Розалин отошла на шаг и восхищенно сказала:

— Какая прекрасная телка пасется у вас на верхнем поле!

Удивленный тем, что это ей интересно, Роули стал рассказывать

Розалин о ферме. Этот интерес, как ни поразил он Роули, был явно искренним. Роули еще больше удивился, когда обнаружил, что Розалин хорошо знакома с сельским хозяйством. О сбивании масла и производстве сыра и сливок она говорила с полным знанием дела.

— Вы рассуждаете, как жена фермера, Розалин, — сказал он с улыбкой.

Воодушевление сошло с ее лица. Она сказала:

— У нас была ферма в Ирландии, прежде чем я переехала сюда... до того как...

— До того как вы поступили на сцену?

Она сказала грустно и слегка, как ему показалось, виновато:

— Это было не так уж давно... Я все очень хорошо помню. — И воодушевленно прибавила:

— Я бы могла сейчас подоить ваших коров, Роули...

Это была совсем новая Розалин. Одобрил бы Дэвид эти случайные воспоминания о крестьянском прошлом? Роули думал, что если Дэвид Хантер и пытался, бы создать впечатление, будто они из старинного ирландского дворянского рода, то версия Розалин больше похожа на правду. Простая фермерская жизнь, потом соблазны сиены, гастроли в Южной Африке, замужество, одиночество в Центральной Африке, бегство, опустошенность и наконец новый брак с миллионером в Нью-Йорке...

Да, Розалин Хантер прошла немалый путь с тех пор, как перестала доить свою корову. Однако, глядя на нее, он с трудом мог в это поверить. Лицо ее казалось ему невинным, даже чуточку придурковатым — лицом человека без прошлого. Она при этом очень молодо выглядела, гораздо моложе своих двадцати шести лет.

В ней было что-то трогательное, что-то напоминающее тех телят, которых он утром гнал к мяснику. Он смотрел на нее так же, как раньше смотрел на этих телят. Бедняжки, думал он тогда, как жаль, что их придется зарезать...

В глазах Розалин мелькнула тревога. Она спросила с беспокойством:

— О чем вы думаете, Роули?

— Не хотите ли осмотреть хозяйство и молочную ферму?

— Конечно, хочу.

Он провел Розалин по всей ферме, забавляясь тем, с каким интересом она ее осматривала. Но когда он предложил ей чашку чая, в глазах ее снова появилось тревожное выражение.

— О нет, благодарю вас, Роули! Мне лучше идти домой. — Она взглянула на часы. — Ох как поздно! Дэвид вернется поездом пять

двадцать. Он будет тревожиться, не зная, где я. Мне... мне надо спешить. — И прибавила застенчиво:

— Я получила большое удовольствие, Роули...

«Так оно и есть, — подумал он. — Розалин получила большое удовольствие. Она имела возможность быть самой собой — простой, даже примитивной женщиной. Она боится своего брата Дэвида, это ясно. Дэвид — мозг семьи. Сегодня она полдня была свободна, да, именно так: полдня свободна, как прислуга, взявшая выходной. Богатая миссис Гордон Клоуд!...»

Он мрачно улыбнулся, стоя у калитки и глядя, как она спешила вверх по холму в Фэрроубэнк. Она почти дошла до перелаза, когда через него перешел какой-то мужчина. Роули подумал, не Дэвид ли это, но тот человек был крупнее, массивнее. Розалин отпрянула, чтобы дать ему пройти, потом грациозно перешагнула через изгородь, и ее легкий шаг перешел почти в бег.

Да, она взяла выходной, а он, Роули, потратил больше часа совершенно зря! Впрочем, быть может, не совсем зря. Кажется, он нравится Розалин! Это может оказаться полезным. Славненькая она, да и телята утром были прехорошенькие, бедняжки...

Он стоял, погруженный в эти мысли. Голос, раздавшийся рядом, заставил его вздрогнуть и поднять голову.

Высокий человек в фетровой шляпе с широкими полями, с рюкзаком за спиной стоял за калиткой.

— Эта дорога ведет в Вормсли Вейл?

Ему пришлось повторить вопрос, так как Роули молча смотрел на него. С некоторым усилием Роули вернулся к действительности и ответил:

— Да. Идите по этой дороге, через соседнее поле. Сверните налево, когда дойдете до большой дороги, и примерно через три минуты вы попадете в поселок...

Ему уже сотни раз приходилось отвечать на такой вопрос этими же самыми словами. Приезжие шли со станции по пешеходной дорожке, перебирались через холм и начинали сомневаться, правильно ли они идут — Блэкуэлская роща скрывала Вормсли Вейл. Поселок не был виден, торчала только верхушка колокольни.

Следующий вопрос не был таким же обычным, но Роули, не задумываясь, ответил и на него:

— Гостиницы «Олень» или «Колпак и бубенцы». Называю обе, чтобы вы могли выбрать. Обе одинаково хороши или плохи. Думаю, вы без труда устроитесь...

Второй вопрос заставил Роули внимательно приглядеться к собеседнику. В наше время люди обычно заранее заказывают номер в гостинице, куда бы они ни ехали...

Незнакомец был высок ростом, сильно загорел, носил бороду. Лет сорока, с ярко-голубыми глазами, он обладал довольно привлекательной, что называется, бесшабашной внешностью. Впрочем, лицо его, если приглядеться, не казалось особенно приятным.

«Откуда-то из-за моря», — подумал Роули. Пожалуй, в его говоре слышится слабый колониальный акцент. Или показалось? Странно, его лицо почему-то кажется знакомым...

Где-то он раньше видел это лицо или лицо, очень похожее на это?

Пока он безуспешно искал ответ на свой вопрос, незнакомец ошарашил его новым:

— Не можете ли вы сказать, нет ли тут поблизости усадьбы под названием Фэрроубэнк?

Роули медленно ответил:

— Да, есть. Вон там, на холме. Вы, очевидно, прошли совсем близко от нее, если идете по пешеходной дорожке с самой станции.

— Да, я иду оттуда! — Он обернулся и пристально посмотрел на вершину холма. Так это она и есть — большой белый дом?

— Да, это Фэрроубэнк.

— Большой дом, — сказал человек. — Должно быть, содержать его стоит уйму денег...

«Чертову уйму, — подумал Роули. — И притом наших денег...» Закипавшая ярость заставила его на мгновение забыть, где он находится.

Вздвогнув, он пришел в себя и увидел, что незнакомец в раздумье смотрит на холм со странным выражением в глазах.

— Кто там живет? — спросил он. — Некая миссис Клоуд?

— Правильно, — сказал Роули. — Миссис Гордон Клоуд.

Незнакомец поднял брови. Казалось, ответ чем-то позабавил его.

— Ах вот как! — сказал он. — Миссис Гордон Клоуд. Очень за нее рад.

Затем он кивнул Роули:

— Спасибо, дружище!

И, вскинув поклажу на плечо, зашагал к Вормсли Вейл.

Роули медленно направился во двор фермы. Он все еще не мог отделаться от мысли о том, где, черт возьми, он прежде видел этого парня...

В этот же вечер, в половине десятого, Роули, отодвинув кипу бланков,

которые ему предстояло заполнить, встал из-за стола. Бросив рассеянный взгляд на фотографию Лин, стоящую на камине, он нахмурил брови и вышел из дому.

Через десять минут он оказался в баре гостиницы «Олень». Беатрис Липинкот приветливо улыбнулась ему из-за стойки. Мистер Роули Клоуд, подумала она, выглядит настоящим мужчиной.

За кружкой пива Роули обменялся с присутствующими обычными критическими замечаниями по поводу политики правительства, погоды и видов на урожай.

Затем, немного подвинувшись, Роули смог негромко спросить Беатрис:

— У вас остановился новый приезжий? Высокий. В шляпе с широкими полями.

— Да, мистер Роули. Пришел часов в шесть. Этого вы имеете в виду?

Роули кивнул:

— Он проходил мимо моей фермы. Спросил дорогу. Интересно, кто он такой...

Он посмотрел на Беатрис и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

— Это нетрудно узнать, мистер Роули, если вы желаете.

Она нырнула за стойку, достала оттуда толстую книгу в кожаном переплете, в которой регистрировались приезжие, и открыла ее на странице, где были сделаны новые записи. Самая последняя гласила:

«Инок Арден. Из Кейптауна. Английский подданный».

Глава 9

Было чудесное утро, пели птицы, и Розалин, спустившаяся к завтраку в своем дорогом крестьянском платье, чувствовала себя счастливой.

Сомнения и страхи, которые недавно тревожили ее, казалось, рассеялись.

Дэвид был в хорошем настроении, смеялся и поддразнивал ее. Его поездка в Лондон накануне прошла успешно. Завтрак был вкусно приготовлен и красиво сервирован. Они только что кончили есть, когда принесли почту.

На имя Розалин было семь или восемь писем. Счета, просьбы пожертвовать денег на благотворительные цели, несколько приглашений от соседей — словом, ничего интересного.

Дэвид отложил пару мелких счетов и вскрыл третий конверт. Письмо, как и адрес на конверте, было написано печатными буквами.

«Уважаемый мистер Хантер!

Я думаю, лучше обратиться к Вам, чем к Вашей сестре, «миссис Клоуд», так как содержание этого письма может оказаться для нее ударом. Говоря коротко, я имею новые сведения о капитане Роберте Андерхее, которые она, может быть, будет рада узнать. Я остановился в «Олене» и, если Вы зайдете туда сегодня вечером, буду рад обсудить с Вами этот вопрос.

Искренне Ваш Инок Арден».

У Дэвида вырвалось сдавленное восклицание. Розалин с улыбкой взглянула на него, но улыбка тут же сменилась тревогой. Молча он протянул ей письмо.

Она взяла и прочла его.

— Но... Дэвид... Я не понимаю, что это значит?

— Ты ведь умеешь читать.

Она взглянула на него испуганно.

— Дэвид, значит ли это... Что нам теперь делать?

Он, нахмурившись, быстро прикидывал что-то в уме.

— Все хорошо, Розалин. Не надо ни о чем тревожиться. Я улажу это дело...

— Но значит ли это, что...

— Не тревожься, моя дорогая. Предоставь дело мне. Слушай, вот как мы поступим. Ты сейчас уложишь чемодан и поедешь в Лондон. Пойдешь в ту квартиру и останешься там до тех пор, пока я не сообщу тебе, что делать дальше. Поняла?

— Да-да, конечно, я поняла, но, Дэвид...

— Делай то, что я говорю, Розалин. — Он улыбнулся ей и повторил ласково и настойчиво:

— Иди и укладывайся. Я отвезу тебя на станцию. Ты можешь успеть на десять тридцать две. Скажи швейцару, что никого не хочешь принимать. Если кто-нибудь зайдет и спросит тебя, швейцар должен говорить, что тебя нет в городе. Дашь ему фунт. Поняла? Он не должен никого пускать к тебе, кроме меня.

— О! — Она подняла руки к лицу и смотрела на него прелестными испуганными глазами.

— Все в порядке, Розалин, но нужна ловкость. Ты не очень опытна в делах, где нужна ловкость, не так ли? Тут уж я должен быть на страже. Я хочу, чтобы ты уехала отсюда, чтобы у меня были свободны руки, только и всего.

— А мне нельзя остаться здесь, Дэвид?

— Нет, конечно, нельзя, Розалин. Будь разумна. У меня должны быть развязаны руки, чтобы иметь дело с этим человеком, кто бы он ни был...

— А ты думаешь, что он... что он...

Он сказал, подчеркивая каждое слово:

— Я сейчас ничего не думаю. Прежде всего ты должна уехать. Потом уж я буду выяснять, как обстоят дела. Иди же, будь хорошей девочкой, не спорь.

Она повернулась и вышла из комнаты.

Дэвид снова, нахмурившись, склонился над письмом. Никаких прямых угроз.

Вежливые фразы, литературный язык. Может означать что угодно: искреннюю заботу человека, обеспокоенного создавшимся затруднительным положением, скрытую угрозу. Он снова и снова перечитывал письмо: «Я имею новые сведения о капитане Роберте Андерхее...» «Лучше обратиться к Вам...» «Буду рад обсудить с Вами этот вопрос...» «Миссис Клоуд...» Черт возьми, ему не нравились кавычки, заключающие слова «миссис Клоуд».

Он посмотрел на подпись. Инок Арден. Что-то промелькнуло в памяти — какое-то поэтическое воспоминание... Строчка из стихотворения...

Когда в гот же вечер Дэвид вошел в гостиницу «Олень», в холле, как

обычно, никого не было. На двери, расположенной слева, было написано: «Кофейная», на двери справа: «Гостиная». На двери в глубине строгая надпись предупреждала: «Только для постоянных жильцов». Коридор налево вел в бар, откуда слышался гул голосов. Маленькая стеклянная конторка со скользящим окошком и с висячим звонком именовалась «Приемная».

Дэвид знал по опыту, что нередко приходится звонить четыре-пять раз, пока кто-нибудь снизойдет и ответит. Все время, кроме коротких часов обеда, завтрака и ужина, холл «Оленя» бывал безлюден, как остров Робинзона.

На этот раз третий звонок Дэвида вызвал мисс Беатрис Липинкот. Она прошла по коридору из бара, поправляя пышные золотистые волосы, открыла дверь стеклянной конторки и приветствовала Дэвида жеманной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хантер. Довольно холодно сегодня для мая месяца, не правда ли?

— Да, кажется, очень холодно. Остановился у вас некий мистер Арден?

— Дайте вспомнить, — сказала мисс Липинкот, намеренно подчеркивая, что не помнит точно. Она всегда прибегала к этому приему, чтобы подчеркнуть значительность «Оленя». — О да. Мистер Инок Арден. В пятом номере. На втором этаже. Вы легко найдете этот номер, мистер Хантер. Вверх по лестнице, не идите по галерее, а сверните налево, и три ступеньки вниз.

Точно выполняя эти сложные инструкции, Дэвид вскоре постучал в дверь пятого номера, и голос оттуда сказал: «Войдите».

Он вошел и прикрыл за собой дверь.

Выйдя из конторки, Беатрис Липинкот позвала:

— Лили!

Девушка с явными признаками полипов, с глазами цвета вареной черники, отозвалась на зов.

— Не можешь ли ты побыть здесь, Лили. Я должна пойти посмотреть, как обстоят дела с бельем.

Лили ответила:

— Конечно, мисс Липинкот. — Она хихикнула и прибавила, сопя открытым ртом:

— По-моему, мистер Хантер уж такой красавчик, правда?

— А, навидалась я таких во время войны, — ответила мисс Липинкот усталым тоном светской львицы. — Молодые летчики и прочие с военных

аэродромов. Нельзя было доверять чекам, которыми они расплачивались. Держится с таким видом, что невольно берешь эти бумажки, хоть и знаешь, что дело нечисто. Но ведь я, Лили, смотрю на эти вещи по-своему. Мне подавай настоящего джентльмена. И уж если я скажу про кого-нибудь, что это джентльмен, — так оно и есть, хоть и сидит человек за баранкой трактора...

Произнеся это загадочное изречение, Беатрис покинула Лили и направилась вверх по лестнице.

Переступив порог пятого номера, Дэвид Хантер остановился и посмотрел на человека, который подписывался Инок Арден.

Лет сорока, изрядно потрепанный жизнью, но знававший, видимо, лучшие времена. С ним нелегко будет иметь дело — таков был вывод Дэвида. И раскусить его непросто. Темная лошадка.

Арден сказал:

— Хелло! Вы Хантер? Вот и ладно. Садитесь. Что будете пить? Виски?

Он уютно устроился, отметил Дэвид. Несколько бутылок, огонь в камине отгоняет промозглый холод. Одежда не английского покроя, но он ее носит, как англичанин. И возраст тоже... подходящий.

— Благодарю, — сказал Дэвид. — Немного виски.

— Скажите, когда будет достаточно.

— Достаточно. И содовой немного.

Они были чем-то похожи на собак, которые ходят друг за другом, взъерошив шерсть и принюхиваясь, готовые или дружески сойтись, или начать драку.

— Ваше здоровье!.. — сказал Арден.

— Взаимно...

Они поставили стаканы. Первый раунд был закончен. Человек, называвший себя Иноком Арденом, спросил:

— Вас удивило мое письмо?

— Честно говоря, — сказал Дэвид, — я не понял, о чем оно.

— Ну, не может того быть. Хотя...

— Как я понимаю, вы знали первого мужа моей сестры, Роберта Андерхея.

— Да, я знал Роберта очень хорошо... — Арден улыбался, не спеша пуская клубы дыма. — Так хорошо, как, наверное, никто другой его не знал... Вы ведь никогда его не видели, Хантер?

— Нет, не видел.

— Может быть, это и к лучшему.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Дэвид.

Арден ответил небрежно:

— Дорогой мой, это упрощает дело, только и всего. Я прошу извинения за то, что попросил вас прийти сюда, но я подумал, что лучше держать... — Он помедлил. — ...Розалин подальше от этого. Нет необходимости причинять ей напрасную боль.

— Может быть, вы перейдете к сути дела?

— Конечно, конечно... Так вот: подозревали ли вы когда-нибудь... как бы это выразить... что было что-то, ну... сомнительное... в смерти Андерхея?

— Что, черт возьми, вы имеете в виду?

— Видите ли, у Андерхея были довольно странные идеи. Может, это было благородство, а может, совсем наоборот... Ну, скажем, по некоторым причинам в определенный момент Андерхею стало удобнее, чтобы его сочли умершим. Он был в хороших отношениях с туземцами, всегда умел с ними ладить. Ему не составило бы труда распустить соответствующий слух, с любым количеством убедительных подробностей... А на самом деле ему только и надо было очутиться за тысячу миль от Африки, под новым именем.

— Мне это представляется совершенной фантастикой, — сказал Дэвид.

— Да ну? Правда? — Арден улыбнулся и, наклонившись, похлопал Дэвида по колену. — Но предположим, что это истина, Хантер. Предположим, что так оно и есть...

— Я бы потребовал вполне определенных доказательств.

— Доказательств? Существует одно более чем определенное доказательство: Андерхей мог бы сам оказаться здесь, в Вормсли Вейл... Как бы вы приняли такое доказательство?

— По крайней мере, это было бы убедительно, — сухо сказал Дэвид.

— О да, убедительно! Но несколько неприятно... неприятно... для миссис Гордон Клоуд. Потому что тогда она уже не будет миссис Гордон Клоуд. Щекотливое положение... Вы должны согласиться, что положение сложится действительно несколько щекотливое...

— Моя сестра, — сказал Дэвид, — вышла замуж, будучи твердо уверена, что она свободна.

— О, разумеется, дорогой мой. Разумеется. Я ни на минуту не ставлю это под сомнение. Любой судья скажет то же самое. Ей не может быть предъявлено никакого обвинения.

— Судья? — повторил Дэвид резко.

Арден ответил извиняющимся тоном:

— Ну, если дело дойдет до вопроса о двоемужестве...

— К чему вы, собственно, клоните? — раздраженно спросил Дэвид.

— Не выходите из себя, старина. Нам сейчас просто следует вместе подумать и решить, как лучше поступить — лучше для вашей сестры, хочу я сказать. Я вовсе не намерен предавать это дело огласке... Что ж, Андерхей всегда был человеком благородным. — Арден сделал паузу. — Таков он и сейчас.

— Сейчас?

— Да, именно так.

— Вы говорите, что Роберт Андерхей жив. Где он?

Арден подался вперед, голос его звучал доверительно.

— Вы действительно хотите подробностей, Хантер? Не лучше ли вам их не знать? Давайте считать так: вам известно и Розалин тоже убеждена, что Андерхей умер в Африке. Очень хорошо. А если все же Андерхей жив, то он понятия не имеет, что его жена вторично вышла замуж, он не имеет об этом ни малейшего представления. Ведь, разумеется, если бы он знал, он заявил бы о себе... Розалин получила в наследство после второго мужа порядочную сумму денег. Но если этот второй муж по закону не был ее мужем, тогда, естественно, она не имеет никакого права на эти деньги... Андерхей — человек с сильно развитым чувством чести. Он не допустит, чтобы его жена получила деньги в обход закона... — Арден помолчал. — Но возможно, что Андерхей вовсе ничего не знает о ее вторичном замужестве... Он в плохом состоянии, бедняга, в очень плохом состоянии...

— Что вы имеете в виду?

Арден скорбно покачал головой.

— Здоровье его подорвано. Он нуждается в особом лечении... К сожалению, это требует больших денег...

Последнее слово прозвучало как случайное замечание, возникшее в ходе разговора. Но именно его подсознательно ждал Дэвид. Он повторил:

— Денег?

— Да, к сожалению, все стоит денег! Андерхей, бедняга, сильно нуждается. Он имеет только то, что на нем.

Дэвид окинул взглядом комнату и увидел только рюкзак, висящий на спинке стула. Никаких признаков другого багажа.

— Сомневаюсь, — жестко сказал он, — действительно ли Роберт Андерхей человек столь благородных чувств, как вы его изображаете.

— Он был таким, — ответил Арден. — Но жизнь, знаете ли, делает человека циничным... — Он помолчал и мягко добавил:

— Гордон Клоуд был невероятно богат. Зрелище слишком большого богатства пробуждает самые низменные инстинкты...

Дэвид Хантер поднялся.

— У меня готов ответ для вас. Убирайтесь к черту.

Без тени обиды Арден сказал с улыбкой:

— Да, я так и думал, что вы скажете это.

— Вы подлый шантажист, не более и не менее. Я намерен раскрыть ваши крапленые карты.

— Раскрыть и погибнуть? Благородное намерение... Но вам не понравится, если разоблачениями займусь я. Впрочем, я вовсе не собираюсь этого делать. Вы не купите — у меня есть другой рынок.

— А именно?

— Клоуды. Скажем, я пойду к ним. «Простите, не будет ли вам интересно узнать, что покойный Роберт Андерхей благополучно живет и здравствует?»

Они клюнут немедленно.

Дэвид сказал презрительно:

— С них вы ничего не получите. Они все до единого сидят без денег.

— Да, но существует такая штука, как соглашение. Столько-то наличными в тот день, когда будет доказано, что Андерхей жив, а миссис Гордон Клоуд на самом деле все еще миссис Роберт Андерхей, и, следовательно, завещание Гордона Клоуда, составленное до его женитьбы, остается в полной силе...

Несколько минут Дэвид сидел молча, затем спросил напрямик:

— Сколько?

Ответ прозвучал столь же прямо:

— Двадцать тысяч.

— Исключено! Моя сестра не может трогать капитал. Она имеет только проценты.

— В таком случае — десять тысяч. Это она достанет с легкостью. Ведь имеются драгоценности, верно?

Дэвид помолчал, затем неожиданно сказал:

— Ладно.

На мгновение его собеседник растерялся. Его, казалось, удивила легкость победы.

— Никаких чеков, — резко сказал он. — Платить наличными.

— Вы должны дать нам время достать деньги.

— Пожалуйста, сорок восемь часов.

— Давайте до вторника.

— Хорошо. Вы принесете деньги сюда. — И прежде чем Дэвид успел ответить, добавил:

— Я не назначаю встречу в уединенной роще или на пустынном берегу реки, не думайте. Вы принесете деньги сюда, в «Олень», в девять часов вечера, во вторник.

— А вы подозрительны, я вижу.

— Я знаю свое дело. И знаю таких, как вы.

— Значит, договорились...

Когда Дэвид спускался по лестнице, его лицо пылало от гнева.

Беатрис Липинкот вышла из комнаты, на которой стояла цифра четыре.

Между номерами четыре и пять находилась дверь, которую очень трудно было заметить, так как ее скрывал большой шкаф.

Щеки мисс Липинкот горели, и глаза блестели от приятного возбуждения.

Она поправила свою пышную прическу чуть-чуть дрожащей рукой.

Глава 10

«Шепердс-Корт» представлял собой большое здание с роскошно обставленными квартирами и сравнительно неплохим обслуживанием. Не пострадавшая от вражеских налетов, эта своеобразная гостиница тем не менее несколько снизила свой уровень в сравнении с довоенным. Обслуживание, которое предоставлялось постояльцам, не было уже прежним обслуживанием.

Там, где раньше было два носильщика в униформе, теперь работал один. В ресторане по-прежнему сервировали обеды, завтраки и ужины, но наверх, в квартиры, подавались только завтраки.

Квартира, которую снимала миссис Гордон Клоуд, находилась на третьем этаже. Она состояла из гостиной со встроенным буфетом, двух спален со стенными шкафами и ванной комнаты, сияющей кафелем и хромом.

По гостиной метался Дэвид, а Розалин сидела на диване и следила за ним глазами. Она была бледна и казалась испуганной.

— Шантаж! — бормотал он. — Шантаж! Боже мой, разве я из тех людей, которые позволяют себя шантажировать?

Она покачала головой — растерянная, обеспокоенная.

— Если бы я знал! — говорил Дэвид. — Если бы я только знал!..

Розалин жалобно всхлипнула.

Он продолжал:

— Приходится действовать в темноте, с завязанными глазами! — Вдруг он круто повернулся. — Ты носила те изумруды к старому Грейторексу?

— Да.

— Сколько он дает?

— Четыре тысячи фунтов. Он сказал, что если я их сейчас не продам, их надо снова застраховать.

— Да, цены на драгоценные камни подскочили вдвое. Конечно, мы можем достать эти деньги. Но ведь это будет только начало, из нас будут сосать кровь до тех пор, пока совсем не обескровят.

— Давай уедем из Англии, — плакала она. — Давай уедем. Разве мы не могли бы уехать в Ирландию, в Америку... куда угодно.

Он обернулся и посмотрел на нее.

— Ты не борец, Розалин. Твой девиз: рубить концы и спасаться.

Она причитала:

— Мы поступили дурно... Все это... очень дурно... богопротивно.

— Как раз благочестия мне сейчас и не хватает! Довольно. Мы хорошо устроились, Розалин. Первый раз в жизни я хорошо устроился и не собираюсь все это терять. Слышишь, Розалин? Если б только не приходилось драться вслепую, черт возьми! Ведь ты понимаешь, все это может быть обманом, блефом. Возможно, что Андерхей прочно похоронен в Африке, как мы с тобой и думали.

Она содрогнулась.

— Не надо так, Дэвид. Ты пугаешь меня.

Он взглянул на нее, увидел страх в ее глазах и сразу же переменил тон.

Он подсел к ней, взял ее холодные руки в свои.

— Перестань беспокоиться, — сказал он, — предоставь все мне и делай то, что я говорю. Ведь тебе это нетрудно, правда? Только поступай в точности так, как я говорю.

— Я всегда так и делаю, Дэвид.

— Ну да, — засмеялся он, — ты так и делаешь. Мы выкарабкаемся из этого, не бойся. Я найду способ прищемить этого мистера Инока Ардена.

— Кажется, было такое стихотворение, Дэвид, что-то о человеке, вернувшемся обратно...

— Да. — Он оборвал ее. — Как раз это меня и беспокоит. Но я доберусь до сути, не бойся.

Она сказала:

— Ты повезешь ему деньги во вторник вечером?

Он кивнул.

— Пять тысяч. И скажу, что не могу достать сразу остальные. Но я должен помешать ему пойти к Клоудам. Думаю, что это была простая угроза, но почему знать...

Дэвид замолчал, его глаза стали задумчивыми, и мозг продолжал напряженно работать, рассматривая и отвергая различные гипотезы.

Потом он рассмеялся веселым, разудалым смехом. Были когда-то люди, ныне покойные, которые узнали бы этот смех, смех человека, приготовившегося к рискованному и опасному делу. В нем звучал вызов и радость предстоящей борьбы.

— Я могу довериться тебе, Розалин, — сказал Дэвид. — Слава Богу, тебе я могу довериться безоговорочно...

— Довериться мне? — Она вопросительно посмотрела на него своими большими глазами. — В чем же?

Он улыбнулся.

— Довериться в том, что ты поступишь в точности так, как я тебе скажу.

В этом, Розалин, секрет успеха нашей операции. — Он засмеялся. — Операции под кодовым названием «Инок Арден».

Глава 11

С некоторым удивлением Роули вскрыл большой розовый конверт. Кто, черт возьми, мог писать ему, употребляя подобные почтовые принадлежности, и как им удалось достать такую бумагу...

«Дорогой мистер Роули, — читал он. — Я надеюсь, что Вы не сочтете вольностью с моей стороны, что я пишу Вам. Прошу извинить меня, но я думаю, что происходит нечто, о чем Вы должны знать. (С удивлением он отметил подчеркнутые слова.) Дело касается нашего разговора на днях вечером, когда Вы пришли и спросили о некоей особе. Если Вы сможете зайти в „Олень“, я буду очень рада Вам все рассказать. Мы все здесь говорили, как ужасно несправедливо, что Ваш дядюшка умер и его деньги достались тому, у кого они сейчас.

Надеюсь, что Вы не будете сердиться на меня, но я просто уверена, что Вам это обязательно нужно знать.

Всегда Ваша, Беатрис Липинкот».

Роули разглядывал послание, и мозг его лихорадочно работал. В чем, черт возьми, здесь дело?

Старая добрая Беатрис! Он знал ее всю свою жизнь. Покупал табак в лавочке ее отца и проводил свободное время в баре, где она стояла за стойкой. Она была хорошенькой девушкой. Он помнил, что, когда был еще ребенком, ходили разные слухи о причине ее внезапного отъезда — Беатрис отсутствовала в Вормсли Вейл больше года. Говорили, что она уезжала рожать внебрачного младенца. Может, было и так, может, и нет.

Но уже сейчас Беатрис, бесспорно, вполне респектабельная, добропорядочная дама. Масса болтовни и смешков за спиной, но внешне — воплощенное достоинство...

Роули взглянул на часы. Он пойдет в «Олень» тотчас же. К черту все эти анкеты. Он хочет знать, что же такое жаждет поведать ему Беатрис.

Было чуть больше восьми, когда он открыл дверь бара. Обычные приветствия, возгласы, кивки и «добрый вечер, сэр». Роули прошел к стойке, спросил пива. Беатрис просияла.

— Рада вас видеть, мистер Роули.

— Добрый вечер, Беатрис. Спасибо за письмо.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Я буду к вашим услугам через минуту, мистер Роули.

Он кивнул и задумчиво тянул пиво, наблюдая, как Беатрис заканчивает дела. Она позвала Лили и оставила ее за стойкой. Потом сказала тихо:

— Будьте любезны пройти со мной, мистер Роули.

Она провела его по коридору, через дверь с надписью «Частная квартира».

Это была очень маленькая комната, заставленная плюшевыми креслами и с множеством фарфоровых безделушек. Около радио на спинке стула висела довольно потрепанного вида кукла. Беатрис выключила радио и указала на плюшевое кресло.

— Я так рада, что вы пришли, мистер Роули, и надеюсь, вы не сердитесь, что я написала вам... Но я уже несколько дней все думала об этом деле и твердо решила поставить вас в известность о том, что здесь происходит...

У нее был счастливый и значительный вид, она была явно довольна собой.

Роули спросил без особого любопытства:

— И что же здесь происходит?

— Вы помните, мистер Роули, того джентльмена, который остановился здесь, мистера Ардена? Того, про которого вы спрашивали?

— Да. И что же?

— На следующий день сюда пришел мистер Хантер и тоже спросил его.

— Мистер Хантер? — Роули почувствовал интерес.

— Да, мистер Роули. Номер пять, сказала я, мистер Хантер кивнул и сразу пошел наверх. Я была удивлена, должна признаться, потому что этот мистер Арден не говорил, что знает кого-нибудь в Вормсли Вейл, и я считала, что он здесь чужой и никого не знает. Мистер Хантер был в очень дурном настроении, будто случилось что-то расстроившее его, но, конечно, тогда я еще ни о чем не догадывалась...

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Роули ничего не сказал, он только слушал. Он никогда не торопил собеседников. Если они не хотели торопиться, его это вполне устраивало.

Беатрис продолжала с достоинством:

— Несколько минут спустя мне понадобилось подняться в номер четыре, чтобы позаботиться о полотенцах и постельном белье. Это рядом с номером пять, и случилось так, что между этими комнатами есть дверь, но ее нельзя заметить, потому что как раз перед ней стоит большой гардероб. Конечно, эта дверь всегда заперта, но случайно на этот раз она была слегка

приоткрыта, хотя я понятия не имею, кто мог ее открыть...

И снова Роули ничего не сказал, только кивнул. «Это Беатрис открыла дверь, — подумал он. — Ей стало любопытно, и она специально поднялась в номер четыре, чтобы разузнать все, что можно»...

— И понимаете, мистер Роули, я невольно услышала, о чем там говорят. Право, я была в таком состоянии, что у меня пол качался под ногами...

«Хорошо, что здесь прочные полы», — подумал Роули.

С бесстрастным, почти тупым выражением он выслушал взволнованный рассказ Беатрис о том разговоре, который она подслушала. Окончив, она жадно ждала реакции Роули.

Прошло не менее двух минут, прежде чем Роули очнулся. Затем он встал.

— Спасибо, Беатрис, — тихо сказал он. — Очень благодарен...

С этими словами он вышел из комнаты. Беатрис почувствовала себя слегка разочарованной. «Право, мистер Роули мог бы сказать что-нибудь большее», — подумала она.

Глава 12

Выйдя из «Оленя», Роули машинально пошел по направлению к дому, но, пройдя несколько сот ярдов, остановился и решительно повернул назад.

По складу своего ума Роули медленно воспринимал внешние впечатления.

Сначала он был только удивлен и лишь теперь начал осознавать действительное значение новости, которую сообщила Беатрис. Если ее рассказ соответствовал действительности, — а он в этом не сомневался, — то возникла ситуация, которая кровно касалась всех Клоудов. Лучшее всего мог бы в ней разобраться Джереми Клоуд. Будучи юристом, Джереми Клоуд сумеет решить, как наилучшим образом использовать эту удивительную новость и какие шаги предпринять.

Хотя Роули хотелось бы действовать самому, но он понимал, с некоторым сожалением, что гораздо лучше предоставить дело принципиальному и опытному юристу. Чем скорее Джереми узнает, что происходит, тем лучше. Придя к этой мысли, Роули направился к дому Джереми Клоуда на Хай-стрит.

Маленькая служанка, открывшая дверь, сообщила ему, что мистер и миссис Клоуд обедают. Она собиралась провести его в столовую, но Роули сказал, что лучше подождет в кабинете Джереми, пока они кончат обедать. Ему не особенно хотелось, чтобы при разговоре присутствовала Фрэнсис. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше, пока не выработан план действий.

Он беспокойно шагал взад и вперед по кабинету Джереми. На конторке стояла металлическая коробка с надписью: «Дело покойного сэра Вильямса Джессами». Полки были заставлены толстыми томами по юриспруденции. Висели старые фотографии: Фрэнсис в вечернем платье и ее отец, лорд Эдвард Трентон, в костюме для верховой езды. На одном из столов стоял портрет молодого человека в военной форме: это был Энтони, сын Джереми, убитый на войне.

Роули отвернулся. Он сел в кресло и перевел взгляд на лорда Трентона.

В столовой Фрэнсис говорила мужу:

— Интересно, что нужно Роули?

Джереми устало ответил:

— Возможно, запутался с правительственными анкетами. Никто из фермеров не способен понять даже малую долю всех вопросников, какие

им теперь приходится заполнять. Роули добросовестный парень. Его это беспокоит.

— Он мил, — сказала Фрэнсис, — но ужасно медлителен. И знаешь, мне кажется, что между ним и Лин не все ладно.

Джереми пробормотал рассеянно:

— Лин... О да, конечно. Извини, я... Я... кажется, не в состоянии сосредоточиться. Напряжение...

Фрэнсис поспешно сказала:

— Не думай об этом. Все будет хорошо, уверяю тебя.

— Иногда ты пугаешь меня, Фрэнсис. Ты удивительно бесстрашна. И ты не отдаешь себе отчета...

— Я отдаю себе полный отчет во всем. Я не боюсь. Если хочешь, Джереми, все это даже доставляет мне удовольствие.

— Именно это, дорогая, — сказал Джереми, — и вызывает у меня беспокойство.

Она улыбнулась.

— Иди, — сказала она. — Не заставляй этого сельского джентльмена слишком долго ждать. Иди помоги ему заполнить форму номер 11099 или еще какую-нибудь.

Но когда они вышли из столовой, внизу хлопнула дверь. Появилась служанка Эдна и передала: мистер Роули сказал, что не будет ждать, никакого особо важного дела у него нет.

Глава 13

В тот вторник Лин Марчмонт предприняла большую прогулку. Глухое недовольство собой и беспокойство вызывало в ней потребность обдумать наедине все происходящее.

Несколько дней она не видела Роули. После их довольно бурного расставания в то утро, когда она просила одолжить ей пятьсот фунтов, они уже встречались, как обычно. Лин поняла, что ее требование было неразумно и что Роули имел полное моральное право отказать ей. Но благоразумие никогда не принадлежало к тем качествам, которые нравятся влюбленным.

Внешне между ней и Роули все шло по-прежнему, но внутренне она не была уверена, что все в порядке. Последние дни показались ей невыносимо длинными и скучными, однако даже себе самой она не решалась признаться, что это как-то связано с внезапным отъездом в Лондон Дэвида Хантера и его сестры.

Что до родственников, то они казались Лин в эти дни совершенно невыносимыми. За завтраком мать была в наилучшем настроении и вывела Лин из себя, заявив, что попробует найти второго садовника — «Старому Тому никак не справиться со всеми делами»...

— Но, мамочка, нам это не по средствам! — воскликнула Лин.

— Чепуха. Я убеждена, Лин, что Гордон был бы очень расстроен, если бы увидел, в какое состояние пришел сад. Он всегда требовал, чтобы зеленая изгородь содержалась в порядке, газон был подстрижен, дорожки расчищены. А погляди, на что сейчас похож наш сад. Не сомневаюсь, что Гордон хотел бы навести здесь порядок...

— Даже если бы для этого пришлось занять денег у его вдовы?

— Я же говорила тебе, девочка, Розалин была чрезвычайно мила. Я уверена, она вполне меня поняла. Сейчас, после того как я оплатила все счета, у меня хороший баланс в банке. Если хочешь знать, второй садовник даже поможет нам навести экономию, мы сможем вырастить больше овощей.

— Мы можем купить целую кучу овощей, потратив значительно меньше, чем три фунта в неделю.

— Мы найдем садовника за меньшую плату, дорогая. Сейчас много демобилизованных, они ищут работу. Так пишут в газетах.

Лин сухо сказала:

— Сомневаюсь, что ты их найдешь в Вормсли Вейл. Или в Вормсли Хит...

И хотя разговор на этом закончился, Лин угнетала мысль, что мать рассчитывает на Розалин как на постоянный источник денег. Это вызывало в памяти насмешки Дэвида.

Она вышла погулять, чтобы избавиться от этого раздражения и подавленности. Настроение ее не улучшилось от встречи у почты с тетушкой Кэтти. Тетушка Кэтти, напротив, была полна воодушевления.

— Думаю, Лин, дорогая, что нас ждут прекрасные новости.

— Что вы имеете в виду, тетушка Кэтти.

— Я получила удивительное указание свыше... Просто необычайное... Перед нами выход из всех наших бед. Я столкнулась с препятствием, но снова получила указание: «Пытайся, пытайся и снова пытайся. Если сначала ничего не получится, все равно пытайся...» Я не собираюсь выдавать секреты, Лин, дорогая, и менее всего хотела бы вызывать преждевременные или необоснованные надежды, но я твердо уверена, что скоро наши дела придут в полный порядок. Давно пора. Я очень обеспокоена состоянием твоего дяди. Он слишком много работал во время войны. Ему необходимо оставить практику и посвятить себя исследованиям, но, конечно, без солидного дохода он не может этого сделать. Иногда у него бывают такие странные нервные припадки, меня зла ужасно беспокоит. Он такой странный...

Лин задумчиво кивнула. Перемена в Лайонеле Клоуде не ускользнула от нее, так же как и странные переходы в его настроении. Она подозревала, что время от времени он прибегал к наркотикам, чтобы взбодрить себя, и опасалась, не стал ли он наркоманом. Это могло быть причиной его необыкновенной нервной возбудимости. «Интересно, — думала она, — догадывается ли об этом тетушка Кэтти? Она ведь вовсе не так глупа, как кажется...»

Пройдя дальше по Хай-стрит, Лин мельком увидела дядю Джереми, входившего в свой дом. Лин подумала, что за последние три недели он сильно постарел.

Она ускорила шаг. Ей хотелось уйти из Вормсли Вейл к холмам, на открытое поле. Идя быстрее, она вскоре почувствовала себя более спокойной.

Надо пройти шесть-семь миль и как следует все обдумать. Всегда, всю свою жизнь она была решительной, здравомыслящей девушкой. Всегда знала, чего она хочет и чего не хочет. Никогда до сих пор она не плыла по течению...

Да, а сейчас она подчинилась ходу событий. Она плывет по воле волн. Бесцельное, бессмысленное существование. С тех самых пор, как она демобилизовалась. Ее охватила болезненная тоска по ушедшим военным дням, когда четко были определены обязанности, жизнь распланирована и упорядочена, а решения за тебя принимал кто-то другой.

Но, едва доведя эту мысль до конца, Лин ужаснулась. Неужели не она одна испытывает это? Неужели и это отголосок войны? Верно, здесь нет непосредственной опасности — подводных мин, падающих бомб, свиста пуль, догоняющих машину на пустынной дороге. Но есть другое, и оно еще страшнее — опасность поверить, что жизнь становится легче, если перестать думать...

Она, Лин Марчмонт, уже не та решительная, неглупая девушка, которая вступала в армию. Там ее мысли были поставлены на службу определенному делу. Теперь она снова хозяйка себе, и ей страшно, что ум ее отказывается решать задачи, которые ставит перед ней ее собственная жизнь...

...Люди, которые оставались здесь, не испытывали ничего подобного. Например, Роули...

И сразу же мысли Лин обратились от обобщений абстрактного характера к вопросу, который нужно было решать сегодня же: это главный вопрос, по существу, единственный.

Действительно, хочет ли она выйти замуж за Роули?..

Тени медленно удлинялись. Наползали сумерки. Лин сидела без движения, подперев подбородок руками, на опушке маленькой роции на склоне холма и глядела вниз, где расстилалась долина. Она потеряла счет времени, но чувствовала, что ей почему-то не хочется идти домой, в Вормсли Вейл.

Ниже по склону, налево, виднелась усадьба Лонг Уиллоуз. Там будет ее дом, если она выйдет замуж за Роули.

Если! Так дошло до этого: если? Если? Если?

Какая-то птица вылетела из лесу с испуганным криком, похожим на крик рассерженного ребенка. Дым от проходящего поезда поднялся в воздух и, рассеиваясь, образовал в небе гигантский вопросительный знак.

«Выходить ли мне замуж за Роули? Хочу ли я замуж за Роули? Могу ли я отказаться от брака с Роули?»

Поезд, пыхтя, скрылся в долине, дым медленно рассеялся. Но вопросительный знак остался перед мысленным взором Лин.

До отъезда она любила Роули. «Но домой я вернулась другой, — думала она. — Я уже не прежняя Лин».

В ушах звенела стихотворная строка:

«И жизнь, и мир,
и я сама совсем переменялись...»

А Роули? Вот Роули не изменился.

Да. В этом все дело. Роули не изменился. Роули такой же, каким она оставила его четыре года назад.

Хочет ли она выйти замуж за Роули? Если нет, то чего же она хочет?

В роще, у нее за спиной, затрещали ветки. Кто-то прокладывал себе дорогу. Мужской голос чертыхнулся.

Она вскрикнула:

— Дэвид!

— Лин! — Продираясь сквозь кустарник, он удивленно глядел на нее. — Что вы здесь делаете?

До этого он бежал и слегка запыхался.

— Не знаю. Просто думаю. Сажу и думаю. — Она смущенно засмеялась. — Кажется, уже поздно.

— Вы не знаете, который час?

Она мельком взглянула на свои ручные часы.

— Опять стоят. Я действую парализующе на все часы.

— Не только на часы, — сказал Дэвид. — Это действует ваш электрический заряд. Жизненная сила. Вы — сама жизнь.

Он подошел к ней, и с неясным чувством беспокойства она поднялась на ноги.

— Становится совсем темно. Мне нужно спешить домой. Какой час, Дэвид?

— Четверть десятого. Я должен бежать со всех ног. Мне необходимо поспеть на лондонский поезд девять двадцать.

— Я не знала, что вы вернулись из города.

— Мне надо было взять кое-что из Фэрроубэнка. Но я обязательно должен поспеть на этот поезд. Розалин сама не своя, когда остается в Лондоне ночью одна.

— В гостинице? — В голосе Лин прозвучало презрение.

Дэвид резко сказал:

— Страх не знает логики. Когда переживешь бомбежку...

Лин стало стыдно. С раскаянием в голосе она сказала:

— Извините, я забыла.

С внезапной горечью Дэвид воскликнул:

— Да, это скоро забывается, все забывается. Снова нам ничто не угрожает. Мы опять ручные, опять там, где были, когда заварилась кровавая каша. Прячемся в своих вонючих норках, ищем безопасности. И вы, Лин, вы совершенно такая же, как и все!

Она воскликнула:

— Нет! Я не такая, Дэвид! Я только что думала...

— Обо мне?

Его порыв потряс ее. Он обнял ее, прижал к себе, яростно целовал горячими губами.

— Роули Клоуд? — прошептал он. — Этот олух. Да нет же, Лин, ты моя!

Вдруг так же внезапно, как обнял, он отпустил, почти оттолкнул Лин от себя.

— Я опоздаю на поезд.

Он опрометью бросился бежать вниз по склону.

— Дэвид!..

Он обернулся и крикнул ей:

— Я позвоню тебе, когда доберусь до Лондона...

Она смотрела, как он бежал в сгущающихся сумерках — сильный, мускулистый, легкий.

Выбитая из колеи, со странно стесненным сердцем, не в силах собраться с мыслями, она направилась к дому.

Прежде чем переступить порог, она помедлила... Ей хотелось избежать нежностей матери, ее вопросов... матери, способной занять пятьсот фунтов у людей, которых презирает.

«Мы не имеем права презирать Розалин и Дэвида, — думала Лин, тихо пробираясь к себе наверх. — Мы такие же, как они. Готовы сделать все, что угодно, абсолютно все ради денег...»

Она постояла в комнате, с любопытством разглядывая свое лицо в зеркале.

«Совершенно чужое лицо», — думала она.

Внезапно ее охватил приступ гнева.

«Если бы Роули действительно любил меня, — пронеслось в голове, — он сумел бы достать эти пятьсот фунтов. Сумел бы, непременно сумел. Он не позволил бы; мне чувствовать себя униженной перед Дэвидом... Дэвид сказал, что позвонит мне, когда приедет в Лондон...»

Она сошла вниз как во сне. Сны, думала она, бывают очень опасными...

Глава 14

— Наконец-то ты вернулась, Лин, — с облегчением произнесла Эдела. — А я и не слышала, как ты вошла. Давно ты уже дома?

— Целую вечность. Я была наверху.

— Лучше говори мне, когда возвращаешься. Я беспокоюсь, если ты гуляешь одна в темноте.

— Ну что ты, мамочка, разве я не могу о себе позаботиться сама?

— В последнее время в газетах сообщалось о таких ужасах. Эти демобилизованные пристают к девушкам.

— Наверно, девушки сами хотят, чтобы к ним приставали.

Она улыбнулась довольно грустной улыбкой. Да, девушки хотят острых ощущений. Кому, в конце концов, нужна безопасность?..

— Лин, дорогая, ты не слушаешь меня?

С усилием Лин заставила себя вернуться к действительности. Мать все время о чем-то говорила...

— Что ты сказала, мамочка?

— Я говорила, дорогая, о подружках на твоей свадьбе. Надеюсь, они смогут сшить себе платья на свои талоны. Хорошо, что и ты получила эти спецталоны при демобилизации. Мне ужасно жаль тех девушек, которые, выходя замуж, ничего не имея, кроме обычных карточек. Им, бедняжкам, приходится довольствоваться своими старыми вещами и теми пустяками, которые можно купить по карточкам. А ты, Лин, право, счастливая. Если учесть, что у всех нас почти не осталось приличного белья, то тебе, конечно, повезло...

— О да, очень повезло...

Она беспокойно ходила по комнате, брала в руки какие-то предметы, снова ставила их на место.

— Почему ты так нервничаешь, дорогая? Мне делается как-то не по себе.

— Извини, мамочка.

— Что-нибудь случилось?

— Что могло случиться? — резко ответила Лин.

— Ну не кидайся на меня, дорогая. Так вот, о подружках невесты. Думаю, тебе следует пригласить Мейкри. Ее мать была моей ближайшей подругой, она, безусловно, обидится, если...

— Терпеть не могу Джоан Мейкри и всегда ее ненавидела.

— Знаю, дорогая, но какое это имеет значение? Ее мать обидится, я уверена...

— Мамочка, ведь это моя свадьба.

— Конечно, дорогая, но...

— Если только вообще будет свадьба.

Она не собиралась этого говорить. Слова сами слетели у нее с языка. Она была бы рада их вернуть, но было поздно. Миссис Марчмонт с тревогой смотрела на дочь.

— Лин, дорогая, что это значит?

— О, ничего, мамочка.

— Ты не поссорилась с Роули?

— Нет, разумеется, нет. Не волнуйся, мамочка, все в порядке.

Но Эдела смотрела на дочь в глубокой тревоге, по-матерински почувствовав смятение в ее глазах под нахмуренными бровями.

— Я всегда считала, что тебе будет так спокойно с Роули.

— Кому нужно это спокойствие? — презрительно спросила Лин. И тут же резко повернулась. — Что это? Телефон?

— Нет. А что? Ты ждешь звонка?

Лин покачала головой. Унизительно ждать телефонного звонка. Он сказал, что позвонит ей сегодня. Значит, позвонит непременно. «Ты не в своем уме, — говорила она себе. — Не в своем уме».

...Почему этот человек так притягивает ее? Перед ее глазами возникло его мрачное, нахмуренное лицо. Она попыталась отогнать это воспоминание, попыталась вызвать вместо него в своем воображении широкое добродушное лицо Роули. Его медленную улыбку, его любящий взгляд. «Но разве Роули действительно любит меня?» — думала она. Если бы он действительно любил, он понял бы ее в тот день, когда она пришла и умоляла его достать пятьсот фунтов. Он не был бы тогда так ужасно благоразумен и деловит.

Выйти за Роули, жить на ферме, никогда больше не уезжать, больше не видеть чужого неба, не вдыхать незнакомые запахи... больше не быть свободной...

Резко зазвонил телефон. Лин глубоко вздохнула, прошла через зал и взяла трубку.

— Лин? Это ты? О, я так рада. Я боюсь, дорогая, что я спутала число... день собрания в институте...

Еле слышный сбивчивый голос продолжал. Лин слушала, — вставляла реплики, разуверяла, получала благодарности.

— Мое счастье, дорогая Лин, что ты так добра и всегда все помнишь.

Понять не могу, почему я всегда все путаю...

Лин тоже не могла этого понять. Способность тетушки Кэтти путать простейшие вещи была поистине гениальной...

— Но я всегда говорила, — заключила тетушка Кэтти, — что беда не приходит одна. У нас испортился телефон, и мне пришлось идти звонить по автомату. Когда я вошла в будку, у меня не оказалось двухпенсовой монеты, только полшиллинга... и мне пришлось идти и просить...

Наконец все переживания были исчерпаны. Лин повесила трубку и вернулась в гостиную. Эдела настороженно спросила:

— Кто?..

— Тетушка Кэтти, — быстро ответила Лин.

— Что ей было нужно?

— О, как обычно, она все перепутала...

Лин снова села с книгой, поглядывая на часы. Да, так рано он не мог еще звонить. В пять минут двенадцатого телефон зазвонил снова. На этот раз она не будет надеяться, возможно, это снова тетушка Кэтти...

Но нет. «Вормсли Вейл, тридцать четыре? Лондон вызывает мисс Лин Марчмонт». У нее замерло сердце.

— Мисс Марчмонт у телефона.

— Не кладите трубку.

Она ждала. Шум в трубке. Затем тишина. Телефонная сеть работает все хуже. Она ждала, потом раздраженно постучала по рычагу. Снова ждала.

Другой женский голос без всякого выражения равнодушно произнес:

— Повесьте трубку, пожалуйста. Вас вызовут позднее.

Она повесила трубку, пошла обратно в гостиную... Как только взялась за ручку двери, опять раздался звонок. Она поспешила обратно к телефону.

— Алло?

Мужской голос сказал:

— Вормсли Вейл, тридцать четыре? Лондон вызывает мисс Лин Марчмонт.

— У телефона.

— Одну минуту, пожалуйста! — Потом едва слышно:

— Говорите, Лондон, абонент у телефона...

И затем внезапно голос Дэвида.

— Лин, это вы?

— Дэвид!

— Я должен поговорить с вами.

— Да...

— Послушайте, Лин, мне лучше уйти с вашей дороги...

— Что вы хотите сказать?

— Совсем уехать из Англии. О, что тут сложного? Я уверял Розалин, будто это трудно, просто потому, что не хотел уезжать из Вормсли Вейл. Ну что хорошего из этого выйдет? Вы и я, у нас ничего не получится. Вы прекрасная девушка, Лин, а я... Что касается меня, я отнюдь не праведник, никогда им не был. И не льстите себя надеждой, что стану им ради вас. Я, может быть, и хотел бы, но не получится... Нет, лучше выходите за этого работягу Роули. С ним вы не будете знать ни одного тревожного дня. Со мной вы узнаете ад...

Она все стояла, прижимая трубку и ничего не говоря.

— Лин, вы еще слушаете?

— Да, я слушаю.

— Вы ничего не говорите.

— А что говорить?

— Лин!..

— Да?..

Странно, как ясно она ощущала, несмотря на расстояние, его волнение, его необычное состояние...

Он тихо чертыхнулся:

— Черт побери все на свете! — и повесил трубку.

Миссис Марчмонт появилась в гостиной и спросила:

— Это был?..

— Ошиблись номером, — ответила Лин и поспешно пошла к себе наверх.

Глава 15

Способ, которым будили постояльцев в «Олене» в назначенное ими время, был очень прост. Для этого просто колотили в дверь и громко сообщали, что сейчас «Полдевятого, сэр» или «Восемь часов» — в зависимости от обстоятельств. Утренний чай приносили только в тех случаях, когда постоялец очень на этом настаивал. Поднос, бренча посудой, ставили на коврик перед дверью.

В ту среду утром юная Глэдис проделала обычную процедуру перед дверью комнаты номер пять. Она выкрикнула: «Четверть девятого, сэр» — и с такой силой опустила поднос, что молоко выплеснулось из кувшинчика. Затем она пошла дальше, будить других и исполнять прочие обязанности.

Только в десять часов она обратила внимание на то, что чай пятого номера еще не тронут.

Она несколько раз сильно, постучала в дверь, не получила ответа и вошла в комнату.

Постоялец пятого номера был не из тех джентльменов, которые привыкли долго спать; кроме того, она вспомнила, что перед окном этой комнаты удобная плоская крыша. Глэдис подумала, что, возможно, «пятый» дал деру, не заплатив по счету.

Но человек, записавшийся под именем Инок Арден, не дал деру. Он лежал посреди комнаты лицом вниз, и, хотя Глэдис не имела ни малейших медицинских познаний, она сразу поняла, что он мертв.

Глэдис в ужасе отшатнулась, закричала, выбежала из комнаты и с криком помчалась вниз по лестнице.

— Мисс Липинкот! Ой, мисс Липинкот!..

Мисс Липинкот находилась у себя в комнате, доктор Лайонел Клоуд бинтовал ей порезанную руку. Когда в комнату с криком ворвалась девушка, доктор раздраженно обернулся и уронил бинт.

— Ой, мисс!..

— Ну, в чем дело? — резко спросил доктор.

— В чем дело, Глэдис? — повторила за ним Беатрис.

— О мисс! Джентльмен из пятого номера... Он лежит там на полу, мертвый!..

Доктор пристально посмотрел на девушку, потом на мисс Липинкот.

Беатрис, в свою очередь, переводила взгляд с доктора на Глэдис.

— Чепуха, — неуверенно сказал доктор Клоуд.

— Мертвый, как кочерыжка, — сказала Глэдис и добавила со вкусом:

— Голова совсем разбита.

Доктор посмотрел на мисс Липинкот.

— Может быть, мне...

— Да, пожалуйста, доктор, но, по правде говоря, я как-то не верю...

Все трое, во главе с Глэдис, поспешили наверх. Войдя в номер, доктор Клоуд опустился на колени перед распростертым телом.

Затем он поднял голову и посмотрел на Беатрис. Совсем другим, деловым тоном он сказал:

— Вам следует позвонить в полицейский участок.

Беатрис Липинкот вышла. Глэдис последовала за ней и спросила испуганным шепотом:

— О мисс, вы думаете, что это убийство?

— Держи язык за зубами, Глэдис, — резко сказала Беатрис, взволнованно поправляя прическу. — Если ты будешь называть это убийством, не зная, так ли оно на самом деле, ты можешь попасть под суд за клевету. Да и «Оленю» повредит, если об этом будут много болтать... Можешь приготовить себе чашку чая, тебе надо подкрепиться.

— Да, конечно, мисс. Я никак не опомнюсь. Вам я тоже принесу чая. Вы тоже сама не своя...

Глава 16

Старший инспектор Спенс задумчиво смотрел на Беатрис Липинкот, которая сидела против него, плотно сжав губы.

— Благодарю вас, мисс Липинкот, — сказал он. — Это все, что вы можете припомнить? Я отдал перепечатать на машинке ваши показания, чтобы вы могли прочитать их и, если не возражаете, подписать.

— О Боже! Надеюсь, мне не придется давать показания в суде?

Старший инспектор Спенс ободряюще улыбнулся:

— Ну-ну, может быть, до этого не дойдет, — сказал он не вполне искренне.

— Возможно, это самоубийство, — с надеждой предположила Беатрис.

Инспектор Спенс воздержался от замечания, хотя признавал, что вряд ли можно совершить самоубийство, разmozжив себе затылок каминными щипцами.

Вместо этого он сказал прежним спокойным тоном:

— Никогда не следует торопиться с выводами. Благодарю вас, мисс Липинкот. Очень любезно с вашей стороны, что вы помогли нам вашими своевременными показаниями...

Когда она ушла, он мысленно перечитал эти показания. Он знал все о Беатрис Липинкот и вполне отдавал себе отчет в том, насколько можно полагаться на достоверность ее заявлений. Особенно когда речь идет о подслушанном разговоре. Несколько лишних подробностей для занимательности; еще несколько из-за того, что в пятом номере было совершено убийство. Но если убрать все лишнее, то оставшееся само по себе достаточно подозрительно и неприглядно.

Инспектор Спенс посмотрел на стол, за которым сидел: наручные часы с разбитым стеклом, маленькая золотая зажигалка с инициалами, губная помада в золоченом футляре и тяжелые каминные щипцы, на массивной головке которых видны ржаво-коричневые пятна.

В дверь заглянул сержант Грейвз. Он сообщил, что инспектора хочет видеть мистер Роули Клоуд. Спенс кивнул, и сержант ввел Роули.

Инспектор Спенс знал Роули не хуже, чем Беатрис Липинкот. Если Роули пришел в полицейский участок, значит, ему есть что сказать, и то, что он скажет, будет солидно, надежно, далеко от фантазии. Одним словом, сообщение Роули будет стоить того, чтобы его выслушали. В то же время,

поскольку Роули человек неторопливый, ему понадобится немало времени, чтобы высказаться. Таких людей, как Роули Клоуд, нельзя торопить. Если их торопить, они начнут запинаться, повторяться и займут в два раза больше времени...

— Доброе утро, мистер Роули. Рад вас видеть. Можете вы пролить свет на дело, которым мы занимаемся? Я имею в виду убийство в «Олене».

К некоторому удивлению Спенса, Роули начал с вопроса:

— Вы установили личность убитого?

— Нет, — медленно ответил Спенс. — Не могу этого сказать. Он записался в книге постояльцев — Инок Арден. Но при нем не найдено ничего, что подтвердило бы, что он действительно Инок Арден.

Роули нахмурился:

— Не кажется ли это вам несколько... странным?

Инспектору это показалось чрезвычайно странным, но он не собирался обсуждать это с Роули Клоудом. Он просто сказал любезным тоном:

— Ну, мистер Клоуд, здесь задаю вопросы я. Вчера вечером вы приходили к покойному. Зачем?

— Вы знаете Беатрис Липинкот, инспектор? Из «Оленя»?

— Да, разумеется, — сказал инспектор, надеясь избежать длительного выяснения подробностей. — И уже выслушал ее. Она приходила ко мне с показаниями.

Роули вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Я боялся, что она не захочет быть замешанной в полицейском расследовании. Такие люди, как она, иногда боятся этого. — Инспектор кивнул. — Так вот, Беатрис рассказала мне о разговоре, который подслушала, и мне это показалось... я не знаю, согласитесь ли вы со мной... чрезвычайно подозрительным. Ведь мы... ну... мы заинтересованная сторона...

Инспектор опять кивнул. В свое время он тоже не стоял в стороне от пересудов в связи со смертью Гордона Клоуда и, как большинство местных жителей, считал, что с семьей Клоудов обошлись несправедливо. Он разделял общее мнение, что миссис Гордон «не леди» и что брат миссис Гордон Клоуд из тех молодых людей, которые были очень полезны в рядах командос во время войны, но в мирное время их следует обходить стороной...

— Я полагаю, мне не надо объяснять вам, инспектор, что, если первый муж миссис Гордон жив, положение нашей семьи меняется коренным образом.

Рассказ Беатрис впервые натолкнул меня на мысль, что такое стечение

обстоятельств возможно. Мне это никогда и в голову не приходило. Считал ее вдовой дяди. Должен сказать, что эти новые обстоятельства порядком взволновали меня. Потребовалось время, пока я полностью осмыслил их. Я из тех, кто должен подумать...

Спенс снова кивнул. Он ясно себе представлял, как Роули медленно обдумывает вопрос, снова и снова ворочая его в уме.

— Сначала я подумал, что мне лучше посвятить в это дело своего дядю — того, который адвокат.

— Мистера Джереми Клоуда?

— Да, поэтому я отправился к нему. Наверное, это было в самом начале девятого. Они еще обедали, и я пошел в кабинет Джереми, чтобы подождать его. И продолжал обдумывать это дело...

— Да?

— ...И пришел к заключению, что сам должен кое-что сделать, прежде чем посвящать в дело дядю. Адвокаты, инспектор, все одинаковы, я убедился.

Очень медлительны, очень осторожны и должны быть абсолютно уверены в фактах, прежде чем сделают хотя бы шаг. Информация, которую я имел, получена неофициальным путем, и я подумал, что Джереми, наверное, будет долго уточнять то да се, прежде чем начнет действовать. Я решил, что пойду в «Олень» и сам встречу с этим парнем.

— Так вы и сделали?

— Да. Я сразу пошел обратно в «Олень»...

— В котором часу это было?

Роули помедлил.

— Дайте подумать... Я пришел к дому дяди минут в двадцать девятого или около этого... могу ошибаться на пять минут... А в гостиницу — после половины девятого... Ну, точно не могу сказать... может, без двадцати девять...

— Итак, мистер Клоуд?..

— Я знал, где он находится: Беа называла номер комнаты. Поэтому я сразу поднялся на второй этаж и постучал в дверь, тот сказал «войдите», и я вошел.

Роули помолчал.

— Не думаю, чтоб я хорошо справился с этим делом. Когда я шел туда, я думал, что нахожусь на высоте положения. Но этот парень был довольно-таки умен. Я не сумел выудить из него ничего определенного. Думал, что он испугается, когда я сказал, что он занимается шантажом, но мое замечание, казалось, лишь позабавило его. Он спросил меня, этот нахал, не

собираюсь ли я сам участвовать в сделке. «Вам не удастся вести вашу грязную игру со мной, — сказал я. — Мне-то нечего скрывать». А он нагло ответил, что имел в виду вовсе не то. Дело в том, сказал он, что у него есть кое-что на продажу, так не хочу ли я стать покупателем? «Что вы имеете в виду?» — спросил я. Он ответил: «Сколько заплатите вы или ваша семья, если я передам вам определенные доказательства того, что Роберт Андерхей, по имеющимся сведениям умерший в Африке, на самом деле живет себе и здравствует?» Я спросил его, на кой дьявол нам вообще за это платить? Он засмеялся и сказал: «Потому что сегодня вечером у меня будет клиент, который охотно заплатит весьма солидную сумму за доказательство того, что Роберт Андерхей действительно умер». Потом... потом я несколько вышел из себя и сказал ему, что наша семья не занимается такого рода грязными сделками. Если Андерхей действительно жив, сказал я, это можно легко установить. Я уже уходил, но тут он опять засмеялся и сказал таким странным тоном: «Не думаю, что вам удастся доказать это без моей помощи». Очень странно он это сказал...

— А потом?

— Честно говоря, я пошел домой расстроенный. Мне показалось, что я только запутал дело. Пожалел, что не предоставил старому Джереми разбираться в этой путанице. Ведь адвокаты привыкли иметь дело со скользкими типами.

— В котором часу вы вышли из «Оленя»?

— Понятия не имею. Хотя нет, подождите. Наверно, было почти девять, потому что я слышал позывные перед передачей новостей, когда шел по поселку, — слышал из одного окна...

— А не говорил Арден, кого именно он ждет? Какого «клиента»?

— Нет, не говорил. Я считал, что Дэвида Хантера. Кого же еще?

— Вам не показалось, что он встревожен предстоящей встречей?

— Говорю вам, парень был абсолютно доволен собой и чувствовал себя хозяином положения.

Спенс легким жестом указал на тяжелые каминные щипцы.

— Вы не заметили их на каминной решетке?

— Эти? Нет... по-моему. Огонь не горел...

Он нахмурился, стараясь воспроизвести в памяти обстановку в комнате.

— На каминной решетке были щипцы — это я помню, но не знаю, какие именно. — Он спросил:

— Так это именно ими?..

Спенс кивнул. Роули нахмурился.

— Занятно. Хантер легковес, а Арден был крупным мужчиной и, наверное, сильным...

Инспектор сказал бесстрастно:

— Медицинское заключение гласит, что его ударили сзади и что удары каминными щипцами были нанесены сверху.

— Конечно, он был очень самоуверен, — задумчиво сказал Роули, — но я бы на его месте не поворачивался спиной к человеку, из которого собираюсь выкачать деньги, если к тому же этот человек отважно сражался на войне...

Арден, видимо, не любил осторожничать.

— Будь он поосторожнее, весьма вероятно, он бы был сейчас жив, — сухо заметил инспектор.

— Это было бы здорово! — воскликнул Роули. — Я чувствую, что порядком запутал дело. Если бы только я не напускал на себя всей этой неприступности и высокомерия, мне бы удалось кое-что выудить у него. Надо было притвориться, что сделка меня заинтересовала, но очень уж все это глупо. Кто мы такие, чтобы бороться против Розалин и Дэвида? У них есть деньги. А мы все вместе не собрали бы и пятисот фунтов.

Инспектор взял в руки золотую зажигалку.

— Вам знаком этот предмет?

Роули нахмурил брови. Он медленно произнес:

— Где-то я ее видел, но не могу вспомнить где. Не очень давно. Нет, не могу вспомнить...

Спенс положил зажигалку на стол, минуя протянутую Роули руку, взял губную помаду, раскрыл ее.

— А это?

Роули усмехнулся.

— Ну! Это уж не по моей части, инспектор...

Спенс с задумчивым видом мазнул помадой по тыльной стороне ладони и чуть склонил голову набок, внимательно рассматривая полоску.

— Цвет, который обычно употребляют брюнетки, — заметил он.

— Странные вещи известны вам, полицейским, — сказал Роули и поднялся. — Так вы не знаете, решительно не знаете, кто такой этот покойник?

— А у вас самого есть какие-нибудь догадки, мистер Клоуд?

— У меня только одно соображение, — медленно сказал Роули. — Этот парень был нашим единственным ключом к Андерхею. Теперь, когда он мертв... ну, теперь уж искать Андерхея — все равно что иголку в стоге сена.

— Дело будет предано огласке, мистер Клоуд, — сказал Спенс. — В свое время информацию напечатают. Если Андерхей жив и ему удастся увидеть газету, он, может быть, и объявится.

— Да, — с сомнением сказал Роули. — Может быть.

— Но вы так не думаете?

— Я думаю, — ответил Роули, — что первый раунд выиграл Дэвид Хантер.

— Не уверен, — сказал Спенс.

Когда Роули вышел, Спенс снова взял в руки зажигалку и посмотрел на инициалы «Д.Х.», выгравированные на ней.

— Дорогая работа, — сказал он сержанту Грейвсу. — Не массовое производство. Очень легко установить, где она куплена. Грейторекс или одно из этих роскошных заведений на Бонд-стрит. Разузнайте.

— Слушаюсь, сэр...

Затем инспектор осмотрел ручные часы. Стекло было раздроблено, стрелки остановились на девяти часах и десяти минутах. Он взглянул на сержанта.

— Давали на экспертизу, Грейвс?

— Так точно, сэр. Главная пружина сломана.

— А механизм стрелок?

— В полном порядке, сэр.

— О чем, по вашему мнению, говорят эти часы, Грейвс?

Грейвс сказал осторожно:

— Видимо, часы могут указать время, когда было совершено преступление...

— Когда вы прослужите в полиции с мое, — сказал Спенс, — вы будете относиться с некоторым подозрением к таким удобным уликам, как разбитые часы. Может быть, на этот раз это и есть улика, а может быть — старый трюк. Переведите стрелки на то время, какое вам нужно, разбейте часы — и вы имеете превосходное алиби. Но такого стреляного воробья, как я, вы на это не поймаете. Я считаю, что время преступления точно не установлено.

Медицинское заключение гласит: между восемью и одиннадцатью часами вечера...

Сержант Грейвс кашлянул.

— Эдвард, младший садовник в Фэрроубэнке, говорит, что видел, как Дэвид Хантер выходил из боковой двери в семь часов тридцать минут вечера. Служанки не знали, что он здесь. Они думали, что он в Лондоне с миссис Гордон. Из показаний Эдварда явствует, что Хантер был здесь

поблизости.

— Да, — сказал Спенс. — Интересно услышать, что скажет сам Хантер о том, что он делал вчера вечером.

— Мне кажется, случай бесспорный, сэр, — сказал Грейвс, разглядывая инициалы на зажигалке.

— Гм, — промычал инспектор. — Но надо еще объяснить это. — И он показал на губную помаду.

— Она закатилась под комод, сэр. Может быть, она уже давно была там.

— Я проверял, — сказал Спенс. — В последний раз женщина занимала этот номер три недели назад. Я знаю, что обслуживание в гостиницах сейчас далеко не блестящее, но все же, я думаю, хоть раз в три недели пол под мебелью протирают шваброй. «Олень», в общем, содержится в чистоте и порядке...

— Но ведь нет никаких данных о том, что Арден связан с какой-то женщиной.

— Я знаю, — сказал инспектор. — Поэтому эту помаду я отношу к тому, что называю «неизвестными величинами».

Сержант Грейвс воздержался и не сказал «cherchez la femme»^[2]. У него было прекрасное французское произношение, и он не хотел раздражать этим инспектора Спенса. Сержант Грейвс был тактичным молодым человеком.

Глава 17

Старший инспектор Спенс окинул взглядом Шепердс-Корт, прежде чем переступить его гостеприимный порог. Это солидное, богатое здание скромно стояло по соседству с Шепердс-Маркет.

В холле ноги Спенса утонули в мягком ворсе ковра. Крытый бархатом диванчик, жардиньерка, полная цветущих растений... Прямо перед Спенсом — маленький автоматический лифт, а сбоку — пролет лестницы. Справа в холле была дверь с надписью «Контора». Спенс толкнул ее и вошел.

Он очутился в маленькой комнате, разделенной низкой перегородкой, за которой стояли стол с машинкой и два стула. В конторе никого не было.

Заметив кнопку звонка в перегородке из красного дерева, Спенс нажал ее.

Никто не появился, и он снова позвонил. Через минуту-две открылась дальняя дверь, и вошел некто в блестящей униформе. По виду этого человека можно было принять за иностранного генерала, но его речь выдавала лондонца, причем лондонца необразованного.

— Да, сэр?

— Мне нужна миссис Гордон Клоуд.

— Третий этаж, сэр. Может быть, сначала позвонить?

— Так она здесь? — сказал Спенс. — Я думал, что она за городом.

— Нет, сэр, она здесь с прошлой субботы.

— А мистер Дэвид Хантер?

— Мистер Хантер тоже здесь.

— Он не уезжал?

— Нет, сэр.

— А прошлую ночь он был здесь?

— Послушайте, — внезапно рассвирепел «генерал». — В чем дело? Хотите узнать биографии всех наших постояльцев?

Спенс молча предъявил служебное удостоверение. «Генерал» моментально присмирел и даже проявил желание помочь.

— Прошу прощения, — сказал он. — Но я ведь не мог знать, правда?

— Итак, мистер Хантер прошлую ночь был здесь?

— Да, сэр, здесь. По крайней мере, насколько мне известно. То есть он не говорил, что уходит...

— Вам было бы известно, если бы его не было дома?

— Вообще говоря, не обязательно. Хотя джентльмены и дамы обычно говорят, если собираются уходить. Оставляют распоряжения относительно писем и что отвечать, если им будут звонить.

— Телефонные разговоры ведутся из вашей конторы?

— Нет, в большинстве квартир имеются свои телефоны. Но кое-кто предпочитает не иметь телефона. В таких случаях мы их извещаем по внутреннему аппарату, и они спускаются и говорят из телефонной будки в холле.

— Но в квартире миссис Клоуд есть телефон?

— Да, сэр.

— Значит, по вашим сведениям, они оба были дома прошлой ночью?

— Совершенно верно.

— А где питаются ваши постояльцы?

— У нас есть ресторан, но миссис Клоуд и мистер Хантер не очень часто пользуются им. Обычно они обедают в городе.

— А завтрак?

— Он подается в номера.

— Можете вы установить, был ли им подан завтрак сегодня утром?

— Да, сэр, я это могу узнать у горничной.

Спенс кивнул.

— Я сейчас пойду наверх. Вы сообщите мне об этом, когда я спущусь.

— Хорошо, сэр...

Спенс вошел в лифт и нажал кнопку третьего этажа. На каждой площадке было только по две квартиры. Спенс позвонил у номера девять.

Дэвид Хантер открыл дверь. Он не знал инспектора и резко спросил:

— Ну, что такое?

— Мистер Хантер?

— Да.

— Старший инспектор Спенс из Остширской полиции. Могу я поговорить с вами?

— Прошу прощения, инспектор, — ухмыльнулся тот. — Я думал, вы коммивояжер. Войдите.

Он провел инспектора в очень современную, очаровательную комнату.

Розалин Клоуд стояла у окна. Она обернулась при их появлении.

— Розалин, это старший инспектор Спенс, — сказал Хантер. — Садитесь, инспектор. Выпьете?

— Нет, спасибо, мистер Хантер.

Розалин слегка наклонила голову. Теперь она сидела спиной к окну, крепко сцепив лежащие на коленях руки.

— Курите? — Дэвид предложил сигареты.

— Спасибо. — Спенс взял сигарету, подождал...

Дэвид опустил руку в карман, вынул ее, нахмурился, взял коробок спичек.

Зажег спичку и дал прикурить инспектору.

— Спасибо, сэр.

— Ну? — непринужденно сказал Дэвид, закуривая сам. — Что же приключилось в Вормсли Вейл? Может быть, наша кухарка орудует на черном рынке? Она достает нам отличные продукты, и я всегда недоумевал, не кроется ли за этим какая-нибудь зловещая тайна.

— Дело гораздо серьезнее, — сказал инспектор. — В гостинице «Олень» прошлой ночью умер человек. Его убили. Точнее, ему проломили череп...

Приглушенное восклицание вырвалось у Розалин. Дэвид быстро сказал:

— Прошу вас, инспектор, не вдавайтесь в подробности. Моя сестра очень чувствительна. Если вы будете упоминать о крови и прочих ужасах, она может потерять сознание.

— О, весьма сожалею, — сказал инспектор. — Но там и не было особенных ужасов. Однако это все же настоящее убийство...

Он помолчал. Дэвид поднял брови и спокойно сказал:

— Вы заинтересовали меня... Но к нам-то какое это имеет отношение?

— Мы надеялись, что вы сможете рассказать нам что-либо об этом человеке, мистер Хантер.

— Я?

— Вы заходили к нему в прошлую субботу вечером. Его имя или имя, под которым он зарегистрировался в гостинице, — Инок Арден.

— Да, конечно. Теперь я вспоминаю.

Дэвид говорил спокойно, без смущения.

— Так как же, мистер Хантер?

— Боюсь, инспектор, что не смогу помочь вам. Я почти ничего не знаю об этом человеке.

— Его действительно звали Инок Арден?

— Весьма сомнительно.

— Что он рассказывал вам?

— Обычная история из жизни неудачника. Он упоминал некоторые места, военные эпизоды, называл имена... — Дэвид пожал плечами. — Просто мошенничество, боюсь. Вся его история кажется выдумкой.

— Вы дали ему денег, сэр?

Наступила короткая пауза, затем Дэвид сказал:

— Только одну бумажку, пять фунтов, просто на счастье. Он все-таки был на войне...

— Он называл некоторые имена, вам... известные?

— Да.

— И одно из этих имен — капитан Роберт Андерхей?

Наконец он добился ожидаемого эффекта. Дэвид запнулся. Розалин испуганно вскрикнула.

— Что заставляет вас так думать, инспектор? — спросил, помолчав, Дэвид.

Его глаза смотрели настороженно, испытующе.

— Полученная информация, — бесстрастно ответил инспектор.

Снова последовало недолгое молчание. Инспектор чувствовал, что глаза Дэвида изучают его, стараются оцепить...

Он спокойно ждал.

— Вы имеете представление, инспектор, кем был Роберт Андерхей?

— Полагаю, что вы скажете мне, сэр.

— Роберт Андерхей был первым мужем моей сестры. Он умер в Африке несколько лет тому назад.

— Вы вполне в этом уверены, мистер Хантер? — быстро спросил инспектор.

— Вполне уверен. Ведь это так, правда, Розалин? — Он обернулся к ней.

— О да. — Она говорила быстро, не переводя дыхания. — Роберт умер от лихорадки, тропической лихорадки. Это было так грустно...

— Иногда распространяются слухи, которые не вполне соответствуют действительности, миссис Клоуд.

Она ничего не ответила и смотрела не на него, а на брата. Затем через мгновение она повторила:

— Роберт умер.

— Из информации, имеющейся в моем распоряжении, следует, что этот человек, Инок Арден, называл себя другом покойного Андерхея и сообщил вам, мистер Хантер, что Роберт Андерхей жив.

Дэвид покачал головой.

— Ерунда, — сказал он. — Абсолютная ерунда.

— Вы решительно утверждаете, что имя Роберта Андерхея не упоминалось?

— О! — Чарующе улыбнулся Дэвид. — Почему же? Конечно, упоминалось.

Бедняга был знаком с Андерхеем...

— Не было здесь шантажа, мистер Хантер?

— Шантажа? Я вас не понимаю, инспектор.

— Неужели не понимаете, мистер Хантер? Между прочим — прошу понять, что это чистая проформа, — где вы были вчера... скажем, между семью и одиннадцатью вечера?

— Предположим — и это тоже чистая проформа, инспектор, — что я откажусь отвечать.

— Не кажется ли вам, что вы ведете себя по-детски, мистер Хантер?

— Не думаю. Я не люблю, никогда не любил, чтобы меня запугивали...

Инспектор подумал, что это, по всей вероятности, правда. Он и раньше встречал свидетелей типа Дэвида Хантера. Свидетелей, которые упирались из упрямства, а совсем не потому, что им надо было скрывать что-то. Казалось, сам факт, что их просили дать отчет, куда они ходили и что делали, пробуждал в них мрачное упорство и замкнутость. Они как будто задавались целью доставить суду как можно больше затруднений.

Инспектор Спенс, хотя он и считал себя человеком без предубеждений, тем не менее пришел в Шепердс-Корт с весьма твердой уверенностью, что Дэвид Хантер — убийца. Сейчас он в первый раз усомнился в этом. Ребячливость, с которой Дэвид отказался отвечать на вопросы, вызвала в нем сомнения.

Спенс посмотрел на Розалин Клоуд. Она отозвалась тотчас же.

— Дэвид, почему ты не хочешь сказать?

— Правильно, миссис Клоуд. Мы ведь только хотим выяснить дело...

Дэвид яростно прервал его:

— Перестаньте запугивать мою сестру, слышите? Какое вам дело, где я был — здесь, в Вормсли Вейл или в Тимбукту?

Спенс сказал предостерегающе:

— Вы будете вызваны на судебное дознание, мистер Хантер, и там уж вам волей-неволей придется отвечать на вопросы.

— В таком случае, я подожду дознания... А теперь, инспектор, будьте любезны убраться отсюда.

— Очень хорошо, сэр.

Инспектор невозмутимо поднялся.

— Но сначала я должен кое о чем попросить миссис Клоуд.

— Я не хочу, чтобы беспокоили мою сестру.

— Понятно. Но я должен попросить ее посмотреть на тело и попробовать опознать его. Я вправе требовать это. Миссис Клоуд все равно

рано или поздно придется через это пройти. Так почему бы ей не спуститься со мной сейчас и не покончить с этим делом? Один из свидетелей слышал из уст покойного мистера Ардена, что тот знал Роберта Андерхея, следовательно, он мог знать и миссис Андерхей, и потому миссис Андерхей могла знать его. Если его имя не Инок Арден, мы должны установить, как его звали на самом деле...

Неожиданно для инспектора Розалин Клоуд поднялась.

— Конечно, я пойду, — сказала она.

Спенс ожидал новой вспышки от Дэвида, но, к его удивлению, тот усмехнулся.

— Браво, Розалин! — сказал он. — Должен сознаться, мне и самому любопытно. В конце концов, может, ты и установишь настоящее имя этого малого.

Спенс спросил:

— В Вормсли Вейл вы его не видели?

Она покачала головой.

— Я в Лондоне с прошлой субботы.

— Арден приехал в пятницу вечером.

Розалин спросила:

— Вы хотите, чтобы я поехала с вами сейчас же?

Она задала этот вопрос с покорностью послушной маленькой девочки.

Инспектор был невольно тронут. Он не ожидал такого послушания и готовности.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны, миссис Клоуд, — сказал он.

— Чем скорее мы установим некоторые факты, тем лучше. К сожалению, у меня здесь нет служебного автомобиля.

Дэвид подошел к телефону.

— Я вызову такси. Это превысит установленные расходы, но вы, я полагаю, выдержите, старший инспектор.

— Думаю, что все будет в порядке, мистер Хантер. Я жду вас внизу...

Спенс спустился в лифте и еще раз открыл дверь конторы. «Генерал» уже ждал его.

— Ну?

— В обеих постелях прошлой ночью спали, сэр. Ванными полотенцами пользовались. Завтрак был подан в номер в девять тридцать.

— А вы не знаете, в какое время вернулся вчера вечером мистер Хантер?

— Боюсь, что больше ничего не могу сообщить вам, сэр.

«Ну, с этим покончено», — подумал Спенс. Он пытался понять, скрывалось ли за отказом Дэвида говорить что-нибудь еще кроме чисто ребяческого упрямства. Хантер не может не видеть, что над ним нависла угроза обвинения в убийстве. Он, безусловно, должен понимать, что чем скорее все расскажет, тем лучше. Противодействие полиции всегда опасно. «Но именно поэтому оно должно нравиться Дэвиду Хантеру», — уныло подумал Спенс.

По дороге они почти не разговаривали. Когда прибыли в морг, Розалин Клоуд была очень бледна. Руки ее дрожали. Дэвид, видимо, беспокоился за нее. Он говорил с ней, как с маленьким ребенком:

— Это всего минута-две, глупышка. Это пустяки, совсем пустяки. Не беспокойся. Ты войдешь с инспектором, а я подожду тебя. И совсем нечего бояться. Он будет выглядеть так, как будто просто уснул...

Она слегка кивнула ему и протянула руку. Он пожал ее.

— Ну, теперь будь храброй девочкой...

Следуя за инспектором, она сказала своим кротким голосом:

— Вы, должно быть, думаете, инспектор, что я ужасная трусиха. Но когда все в доме мертвы — все мертвы, кроме вас, — в ту ужасную ночь в Лондоне...

Он мягко сказал:

— Я понимаю, миссис Клоуд. Я знаю, что вы пережили тяжелое потрясение во время бомбежки, когда был убит ваш муж. Но и в самом деле, это займет одну-две минуты...

По знаку Спенса простыню отвернули. Розалин Клоуд стояла, глядя вниз на человека, который называл себя Иноком Арденом. Спенс, скромно отступив в сторону, внимательно наблюдал за ней.

Она смотрела на мертвеца пристально и как бы удивленно. Она не вздрогнула и не проявила никакого волнения, никакого признака того, что узнала его, — просто долгим удивленным взглядом посмотрела на него. Потом очень спокойно, будто делает нечто само собой разумеющееся, она перекрестилась.

— Господи, упокой душу его, — произнесла она. — Я никогда в жизни не видела этого человека. Я не знаю, кто он.

Спенс подумал: «Ты или одна из лучших актрис, каких я только видел, или говоришь правду...»

Позднее Спенс позвонил Роули Клоуду.

— Я водил туда вдову, — сказал он. — Она утверждает, что это не Роберт Андерхей и что она никогда прежде не видела его. Этот вопрос решен...

Последовала пауза. Затем Роули медленно произнес:

— Решен ли?

— Я думаю, присяжные поверят ей. Конечно, при отсутствии прямых доказательств противоположного.

— Да... — ответил Роули и повесил трубку.

Нахмурившись, он достал телефонную книгу — не местную, а лондонскую.

Его указательный палец методически проследовал вниз от буквы П. Вскоре он нашел то, что искал.

Часть вторая

Глава 1

Эркюль Пуаро аккуратно сложил последнюю из газет, за которыми посылал своего друга Джорджа. Они дали довольно скудную информацию. Медицинская экспертиза показала, что череп убитого был проломлен несколькими тяжелыми ударами. Судебное дознание отложено на две недели. Всех, кто может дать какие-либо сведения о человеке по имени Инок Арден, недавно прибывшем, как предполагается, из Кейптауна, просят связаться с главным констеблем в Остшире.

Пуаро сложил газеты аккуратной стопкой и предался размышлениям. Дело заинтересовало его. Возможно, он не обратил бы внимания на первое маленькое сообщение об этом убийстве, если бы не визит миссис Лайонел Клоуд. Этот визит очень ярко напомнил ему события того дня в клубе во время воздушного налета. Он отчетливо вспомнил, как голос майора Портера сказал: «Быть может, некий Инок Арден появится где-нибудь в тысяче миль отсюда и начнет новую жизнь». И теперь Пуаро мучительно хотелось узнать побольше об этом человеке, по имени Инок Арден, который умер насильственной смертью в Вормсли Вейл.

Он припомнил, что немного знаком со старшим инспектором Спенсом из Остширской полиции, а также что молодой Мелон живет не очень далеко от Вормсли Хит и этот Мелон знает Джереми Клоуда.

Пока он обдумывал, звонить ли ему по телефону молодому Мелону, вошел Джордж и объявил, что какой-то мистер Роули Клоуд хотел бы его видеть.

— Ага, — сказал Эркюль Пуаро с удовлетворением. — Проводите его сюда.

Вошел красивый взволнованный молодой человек и, казалось, не знал, с чего начать.

— Ну, мистер Клоуд, — пришел ему на помощь Пуаро, — что же я могу сделать для вас?

Роули Клоуд с некоторым сомнением оглядел Пуаро. Пышные усы, безукоризненный костюм, белые гетры, остроконечные лакированные ботинки — все это заметно вызывало недоверие сдержанного молодого человека.

Пуаро прекрасно понимал это и забавлялся.

Роули начал довольно тяжеловесно:

— Боюсь, что я должен объяснить, кто я, и все такое. Вам незнакомо

мое имя...

Пуаро прервал его:

— О нет, я прекрасно знаю ваше имя. Видите ли, на прошлой неделе у меня была ваша тетушка.

— Моя тетка? — Роули открыл рот.

Он смотрел на Пуаро с безграничным изумлением. Было так ясно, что это для него новость, что Пуаро отказался от своего первоначального предположения о связи этих двух визитов. Сперва ему показалось совпадением, хотя и примечательным, что за такой короткий срок два члена семьи Клоуд выбрали именно его для консультации, но секундой позже он сообразил, что здесь не совпадение, а просто поступки, естественно вытекающие из одной первопричины.

Вслух Пуаро сказал:

— Насколько я понимаю, миссис Лайонел Клоуд — ваша тетушка?

Пожалуй, Роули удивился еще больше. Он переспросил крайне недоверчиво:

— Тетушка Кэтти?.. Но... Может, вы хотите сказать, миссис Джереми Клоуд?

Пуаро покачал головой.

— Но какого черта тетушка Кэтти?..

Пуаро сдержанно ответил:

— Насколько я понял, ее послало ко мне Провидение.

— О Господи!.. — вздохнул Роули. Казалось, ответ Пуаро доставил ему облегчение и позабавил его. Он сказал, как бы успокаивая Пуаро:

— Она вполне безобидна, уверяю вас.

— Не знаю, — ответил Пуаро.

— Что вы имеете в виду?

— Да разве кто-нибудь когда-нибудь бывает вполне безобидным?

Роули широко открыл глаза. Пуаро вздохнул.

— Вы пришли попросить меня о чем-то? Да? — мягко напомнил он.

Лицо Роули снова приняло озабоченное выражение.

— Боюсь, это довольно длинная история...

Пуаро тоже боялся этого. Он сильно подозревал, что Роули не такой человек, который быстро дойдет до сути Дела. Он откинулся в кресле и полузакрыв глаза, когда Роули начал:

— Мой дядя, покойный Гордон Клоуд...

— Я все знаю о Гордоне Клоуде, — пришел ему на помощь Пуаро.

— Хорошо. Тогда мне не надо объяснять. Он женился за несколько недель до смерти на молодой вдове по имени Андерхей. После его смерти

она поселилась в Вормсли Вейл — она и ее брат. Мы все считали, что ее первый муж умер от лихорадки в Африке. Но теперь выясняется, что, может, это и не так.

— А, — выпрямился в кресле Пуаро. — А что привело вас к этому предположению?

Роули описал появление мистера Инока Ардена в Вормсли Вейл.

— Быть может, вы видели в газетах...

— Да, видел, — снова помог ему Пуаро.

Роули продолжал. Он описал свое первое впечатление от этого Ардена, свое посещение «Оленя», письмо, которое он получил от Беатрис Липинкот и наконец разговор, который подслушала Беатрис.

— Конечно, — сказал Роули, — нельзя быть вполне уверенным в том, что именно это она и слышала. Может, она слегка преувеличивает или даже не так поняла.

— Она рассказала об этом полиции?

Роули кивнул.

— Я ей посоветовал это сделать.

— Я не совсем понимаю, простите меня, почему вы пришли ко мне, мистер Клоуд? Вы хотите, чтобы я расследовал это... убийство? Ибо я полагаю, что это убийство.

— О Боже! Нет, я вовсе не этого хочу, — сказал Роули. — Это дело полиции. Он, безусловно, убит. Нет, я хочу вот чего: чтобы вы узнали, кто был этот парень.

Глаза Пуаро сузились.

— А вы как думаете, кто он был?

— Я думаю... Инок Арден — не настоящее имя. Черт, это просто цитата. Теннисон. Я все выяснил: Инок Арден — это парень, который возвращается и видит, что его жена вышла замуж за другого.

— Так вы думаете, — спокойно спросил Пуаро, — что Инок Арден был сам Роберт Андерхей?

Роули ответил медленно:

— Он мог бы им быть. Примерно тот же возраст, внешность и прочее. Все, что слышала Беатрис, я перебирал в уме снова и снова. Конечно, она не может помнить в точности, что они говорили. Парень сказал, что дела у Роберта Андерхея плохи, здоровье его расстроено и ему нужны деньги. Может быть, все это он говорил о себе? Он, кажется, сказал что-то о том, что Дэвиду Хантеру не понравилось бы, если бы Андерхей оказался в Вормсли Вейл. Это ведь звучит так, будто он уже там под вымышленным именем.

— А какие свидетельские показания имеются у следствия относительно личности покойного?

— Ничего определенного. Только заявление служащих «Оленя», что это тот самый человек, который прибыл и зарегистрировался как Инок Арден.

— А документы?

— У него не было документов.

— Что? — Пуаро выпрямился в изумлении. — Совсем никаких бумаг?

— Никаких. Несколько пар носков, рубашка, зубная щетка и прочее, но никаких бумаг.

— Ни паспорта? Ни писем? Не было даже продовольственных карточек?

— Совсем ничего.

— Это очень интересно, — сказал Пуаро. — Да, очень интересно.

Роули продолжал:

— Дэвид Хантер, брат Розалин, приходил к нему на следующий день после его приезда. Он рассказал полиции, будто получил от этого человека письмо, в котором говорилось, что тот был другом Роберта Андерхея и сейчас находится в затруднительном положении. По просьбе сестры Хантер пошел в «Олень», повидался с этим человеком и дал ему пять фунтов. Так говорит он, и можете побиться об заклад, что он будет придерживаться этой версии. Разумеется, полиция держит в секрете то, что подслушала Беатрис.

— Дэвид Хантер говорит, что раньше не был знаком с этим человеком?

— Так он говорит. Во всяком случае, насколько я понимаю, Хантер никогда не встречался с Андерхеем.

— А как Розалин Клоуд?

— Полиция попросила ее взглянуть на труп и сказать, знала ли она убитого. Розалин утверждает, что он ей совершенно незнаком.

— Ну что ж, — сказал Пуаро. — Вот он, ответ на ваш вопрос.

— Не думаю, — возразил Роули резко. — Если мертвец — Андерхей, это значит, что Розалин никогда не была законной женой моего дяди и не имеет права ни на один пенни из его денег. Вы думаете, при этих обстоятельствах она опознала бы Андерхея?

— Так вы не верите ей?

— Я вообще этой парочке не верю.

— Но, без сомнения, есть множество других людей, которые могли бы наверняка сказать, Андерхей ли этот человек.

— Оказывается, найти их не так уж просто. Потому-то я и хочу, чтоб

вы этим занялись. Найдите кого-нибудь, кто знал Андерхея. Видимо, у него не осталось родственников в Англии, он всегда был нелюдимым, одиноким человеком. Я полагаю, что могут быть старые слуги... друзья... ведь кто-нибудь да есть, но война разбросала людей. Я не знаю, с какого боку приниматься за это дело... И кроме того, у меня нет времени. Я фермер, у меня не хватает рабочих рук.

— Почему вы избрали именно меня? — спросил Эркюль Пуаро.

Казалось, Роули затрудняется дать ответ.

Слабая усмешка промелькнула в глазах Пуаро.

— Указание Провидения? — пробормотал он.

— О Господи, нет! — пришел в ужас Роули. — Дело в том, что... — Он колебался. — Я слышал, как один знакомый говорил о вас. Что вы волшебник, творите чудеса в делах такого рода. Я не знаю, сколько вы берете... Думаю, что дорого... Мы довольно-таки бедны... Но этот расход мы как-нибудь осилим. То есть если вы возьметесь помочь нам.

Эркюль Пуаро медленно сказал:

— Да, думаю, что смогу помочь вам.

Его память, очень точная и ясная, вернула его к прошлому. Человек, который всем надоедает в клубе. Шуршащие газеты. Монотонный голос.

Имя... Он тогда слышал это имя... Сейчас он вспомнит его... Если нет, он сможет спросить у Мелона... Нет, он вспомнил. Портер. Майор Портер.

Эркюль Пуаро поднялся на ноги.

— Не можете ли вы еще раз прийти ко мне сегодня к вечеру, мистер Клоуд?

— Право... не знаю. Наверно, смогу. Но ведь вы же не успеете ничего сделать за такое короткое время?

Он смотрел на Пуаро со священным ужасом и недоверием. Пуаро не было чуждо ничто человеческое, и он не мог упустить случая порисоваться.

Вспомнив своего блестящего предшественника, он торжественно сказал:

— У меня свой метод, мистер Клоуд.

Было ясно, что слова эти произвели впечатление. Выражение лица Роули стало чрезвычайно почтительным.

— Да... Конечно... В самом деле... Я ведь не знаю, как делаются такие дела.

Пуаро не стал его просвещать. Когда Роули ушел, он сел и написал короткую записку. Отдав ее Джорджу, он велел отнести ее в клуб «Коронэйшн» и подождать ответа.

Ответ был вполне удовлетворительным. Майор Портер свидетельствует свое почтение мосье Эркюлю Пуаро и будет счастлив видеть его и его друга в пять часов пополудни в Кэмпден-Хилл, на улице Эджвей, 79.

В половине пятого снова появился Роули Клоуд.

— Есть успехи, мосье Пуаро?

— О да, мистер Клоуд. Сейчас мы с вами пойдем к одному старому другу капитана Роберта Андерхея.

— Что? — раскрыл рот Роули. Он глядел на Пуаро с таким изумлением, с каким маленький мальчик смотрит на фокусника, достающего кролика из шляпы.

— Но это невероятно! Я не понимаю, как вы это делаете. Да ведь прошло всего несколько часов!

Пуаро снисходительно махнул рукой и сделал попытку казаться скромным. В его намерения не входило открывать Роули, каким простым путем он совершил этот фокус, а его тщеславию льстило, что он так порастил простоватого Роули.

Они вышли вдвоем, окликнули такси и поехали в Кэмпден-Хилл.

Майор Портер занимал второй этаж маленького обветшалого домика.

Веселая, цветущего вида женщина открыла им и провела наверх. Они очутились в квадратной комнате с книжными полками по стенам и несколькими довольно плохими гравюрами на спортивные сюжеты. На полу лежали два хороших ковра, приятной блеклой расцветки, но очень потертые. Пуаро заметил, что в центре комнаты пол как бы заново окрашен, в то время как по краям краска на полу стерлась. Он понял, что до недавнего времени здесь были другие, лучшие ковры, теперь проданные. Он поднял глаза и увидел человека, стоявшего навытяжку у камина в прекрасно сшитом, но поношенном костюме. Пуаро догадался, что майору Портеру, офицеру в отставке, живется нелегко. Налоги и все повышающиеся цены тяжело били по карману старого служаки. Но есть вещи, понял Пуаро, к которым майор так привык, что ни за что не откажется от них. Например, от своего клуба.

Майор Портер отрывисто сказал:

— Боюсь, не могу припомнить, где я встречал вас, мосье Пуаро. В клубе, говорите? Года два назад? Имя ваше, разумеется, знаю.

— А это, — сказал Пуаро, — мистер Роули Клоуд.

Майор Портер коротко кивнул в знак приветствия.

— Здравствуйте, сэр, — сказал он. — К сожалению, не могу предложить вам стакан хереса. Дело в том, что мой поставщик вина

потерял свои погреба во время налетов. Есть джин. Отвратительная штука, я считаю. Или, может, пива?

Они согласились выпить пива. Майор Портер достал портсигар.

— Курите?

Пуаро взял сигарету. Майор чиркнул спичку и зажег сигарету.

— А вы ведь не курите, — сказал он Роули. — Не возражаете, если я закурю трубку? — И он закурил сам, сильно затягиваясь и выпуская густые клубы дыма.

— Итак, — спросил майор, когда все эти приготовления были закончены, — в чем же дело?

Он перевел взгляд с одного на другого.

Пуаро сказал:

— Вы, быть может, читали в газете о смерти человека в Вормсли Вейл?

Портер покачал головой.

— Возможно.

— Его звали Арден. Инок Арден.

Портер снова покачал головой.

— Его нашли в гостинице «Олень» с разmozженным затылком.

Портер нахмурился.

— Дайте подумать... Да, что-то читал об этом, кажется... несколько дней назад.

— Да-да. Здесь у меня фотография — газетная фотография... и боюсь, не очень четкая... Мы хотели бы знать вот что, майор Портер: не видели ли вы этого человека когда-нибудь раньше?

Он передал в руки Портера лучшую из всех фотографий умершего, которую ему удалось найти.

Майор Портер взял и, нахмуясь, глядел на нее.

— Минуточку...

Майор достал очки, надел их и посмотрел на фотографию более пристально.

Внезапно он вздрогнул:

— Господи помилуй! Черт меня возьми!

— Вы знаете этого человека, майор?

— Конечно, знаю. Это Андерхей. Роберт Андерхей!

— Вы уверены в этом? — В голосе Роули звучало торжество.

— Конечно, уверен. Роберт Андерхей! Могу поклясться!

Глава 2

Зазвонил телефон, и Лин взяла трубку. Голос Роули:

— Лин?

— Роули?

Ее голос звучал печально. Он сказал:

— Куда ты пропала? Я ни разу не видел тебя за эти дни.

— Да знаешь... все домашние хлопоты. Бегаешь с корзинкой, стоишь в очередях то за рыбой, то за совершенно отвратительным печеньем. Все в этом роде. Домашний уют!

— Я хочу повидать тебя. У меня есть новости.

— Насчет чего?

Он усмехнулся.

— Хорошие новости. Приходи к роще. Мы там пашем.

Хорошие новости? Лин положила трубку. Какие могут быть хорошие новости у Роули? Денежные? Может быть, он выручил за бычка больше, чем ожидал?

Нет, подумала она, здесь должно быть что-нибудь более серьезное.

Когда она полем подходила к роще, Роули бросил трактор и пошел ей навстречу.

— Хелло, Лин!

— Роули, ты выглядишь как-то... по-новому!

Он довольно засмеялся:

— Я думаю! Еще бы! Наши дела приняли хороший оборот, Лин!

— Какие дела? Что такое?

— Ты помнишь, старый Джереми упоминал человека по имени Эркюль Пуаро?

— Эркюль Пуаро? — Лин наморщила лоб. — Да, что-то вспоминаю...

— Очень давно, еще во время войны. Они были в этом его старомодном клубе во время воздушного налета.

— Ну? — нетерпеливо спросила Лип. — Этот человек был странно одет и все такое. Француз или бельгиец. Забавный малый, но очень и очень дельный.

Лин подняла брови:

— Но ведь он... сыщик?

— Верно. Ну, так знаешь, тот парень, которого прикончили в «Олене»... Я тебе не говорил, но возникла мысль, что, может быть, он —

первый муж Розалин Клоуд.

Лин засмеялась.

— Только потому, что он называл себя Инок Арден? Нелепая мысль!

— Не такая уж нелепая, девочка моя. Старик Спенс водил Розалин взглянуть на него. И она без колебания поклялась, что это не ее муж.

— Значит, с этим покончено?

— Было бы покончено, — сказал Роули, — если бы не я!

— Ты? А что сделал ты?

— Я пошел к этому Эркюлю Пуаро. Рассказал ему, что нам нужно еще одно свидетельство. Спросил, не мог бы он раздобыть кого-нибудь, кто лично знал Роберта Андерхея? Честное слово, он просто фокусник, этот малый. Точно кролика из шляпы, он вытащил человека, который был лучшим другом Андерхея, и все за несколько часов. Старикана зовут Портер... — Роули остановился, затем снова засмеялся тем же возбужденным смехом, который так удивил и испугал Лин. — Теперь выслушай большой секрет, Лин. Инспектор взял с меня клятву молчать, но мне хотелось, чтобы ты знала. Этот убитый — Роберт Андерхей.

— Что? — Лин отшатнулась. Она тупо уставилась на Роули.

— Роберт Андерхей собственной персоной. Портер ничуть не сомневался. Теперь понимаешь, Лин, — голос Роули звенел, — мы взяли верх! В конце концов мы взяли верх! Мы победили этих проклятых обманщиков!

— Каких проклятых обманщиков?

— Хантера и его сестру. Они уберутся отсюда. Розалин не получит деньги Гордона. Их получим мы. Они наши! Остается в силе завещание Гордона, которое он составил до женитьбы на Розалин, и по этому завещанию все будет разделено между нами. Я получу четвертую часть. Понимаешь? Если ее первый муж был жив, когда она вышла замуж за Гордона, то, значит, она вовсе и не выходила замуж за Гордона.

— А ты... Ты уверен в том, что все это так?

Он пристально посмотрел на нее и, казалось, впервые был слегка озадачен.

— Конечно, уверен! Это очень просто. Теперь все в порядке: так, как хотел Гордон, так, будто эта бесценная парочка никогда не вмешивалась в нашу жизнь.

«Все так... Но нельзя же, — подумала Лин, — зачеркнуть то, что случилось. Нельзя притворяться, что этого никогда не было».

Она медленно сказала:

— Что они будут делать?

Она видела, что до этой минуты такой вопрос и в голову не приходил Роули.

— Я не знаю. Полагаю, вернутся туда, откуда приехали. Я думаю, знаешь... — Она видела, как он медленно обдумывает этот вопрос. — Да, я думаю, нам следует что-нибудь сделать для нее. Верно, что она вышла за Гордона, ничего не зная. Насколько я понимаю, она действительно считала, что ее первый муж умер. Это не ее вина. Да, мы должны что-нибудь сделать для нее — дать ей приличное годовое содержание. Мы все должны договориться между собой.

— Она тебе нравится, да? — спросила Лин.

— Пожалуй. — Он подумал. — Чем-то нравится. Она славная девочка. И понимает толк в коровах.

— А я нет, — сказала Лин.

— О, ты научишься, — великодушно сказал Роули.

— А что будет с Дэвидом? — спросила Лин.

Роули нахмурился.

— К черту Дэвида! Деньги ни при каких обстоятельствах ему не принадлежали. Он просто явился и бесцеремонно жил за счет своей сестры.

— Нет, Роули. Не так, не так. Он не приживальщик... Он... он, может быть, искатель приключений...

— И гнусный убийца!

У нее дух захватило.

— Что это значит?

— Ну, а кто же, ты думаешь, убил Андерхея?

Она воскликнула:

— Я не верю этому! Не верю!

— Конечно, он убил Андерхея! Кто еще мог это сделать? Он был здесь в тот день. Приехал из Лондона поездом пять тридцать. Я встречал груз на станции и видел его мельком издали.

Лин резко сказала:

— Он вернулся вечером в Лондон.

— После того, как убил Андерхея, — с торжеством ответил Роули.

— Не говори так, Роули. В котором часу был убит Андерхей?

— Сейчас... Я точно не знаю. — Роули помедлил, подумал. — Мы не узнаем этого раньше завтрашнего дня, когда начнется судебное дознание. Между девятью и десятью, мне кажется.

— Дэвид уехал обратно в Лондон поездом девять двадцать.

— Послушай, Лин, откуда ты это знаешь?

— Я... Я встретила его... Он бежал на этот поезд.

— Откуда ты знаешь, что он поспел на него?

— Потому что позднее он звонил мне из Лондона по телефону.

Роули сердито нахмурился.

— Какого дьявола ему было звонить тебе? Послушай, Лин, будь я проклят, если...

— О, какое это имеет значение, Роули? Во всяком случае, это доказывает, что он попал на поезд.

— Вполне мог успеть убить Андерхея и прибежать на поезд.

— Нет, не мог, если тот был убит после девяти.

— Ну хорошо, возможно, что он убит незадолго до девяти.

Но в голосе его прозвучало сомнение.

Лин полузакрыла глаза. Так вот она, правда? Когда, задыхаясь и чертыхаясь, Дэвид выбежал из рожи — неужели это был убийца, только что совершивший преступление? Ее обнимал убийца?..

Она вспомнила его странное возбуждение, безрассудность и смелость.

Могло убийство так подействовать на него? Могло. Ей приходилось признать это. Разве Дэвид и убийство так уж несовместимы? Мог бы он убить человека, который никогда ему не делал зла, выходца из прошлого? Человек, единственное преступление которого состояло в том, что он стоял между Розалин и большим наследством, между Дэвидом и возможностью пользоваться деньгами Розалин.

Она пробормотала:

— С чего бы ему убивать Андерхея?

— Боже, Лин, как ты можешь спрашивать? Я только что объяснил тебе! Если Андерхей жив, деньги Гордона получаем мы! К тому же Андерхей шантажировал его.

А вот это больше похоже на правду. Дэвид мог убить шантажиста. Пожалуй, он именно так поступил бы с шантажистом. Да, это похоже на правду. Спешка Дэвида, его возбуждение, его яростное, почти гневное объятие. И позднее его отречение от нее. «Мне лучше обратиться с вашего пути»... Да, все сходилось...

Откуда-то издалека до нее донесся голос Роули:

— Что с тобой, Лин? Ты здорова?

— Да, конечно.

— Ради Бога, не гляди так мрачно. — Он повернулся, посмотрел вниз с холма на ферму Лонг Уиллоуз. — Слава Богу, теперь мы сможем немного приукрасить это место, ввести некоторые приспособления, облегчающие труд, подготовить его для тебя. Я не хочу, чтобы ты жила в грязи, Лин.

Да, этот дом должен стать ее домом. Их с Роули домом...

А в какой-то день в восемь часов утра Дэвид будет предан смерти через повешение...

Глава 3

Дэвид, с бледным решительным лицом и настороженными глазами, положил руки на плечи Розалин.

— Все будет хорошо. Говорю тебе, все будет хорошо. Но ты должна не терять голову и поступать в точности так, как я тебе говорю.

— А если тебя арестуют? Ты ведь говорил. Ты говорил, что тебя могут взять.

— Да, это возможно. Но ненадолго. Ненадолго, если ты не потеряешь голову.

— Я сделаю все, что ты скажешь, Дэвид.

— Вот и хорошо! Тебе надо только придерживаться того, что ты сказала. Повторяй, что умерший не Роберт Андерхей, твой муж.

— Они поймают меня, заставят сказать то, чего я не хочу.

— Нет, этого они не сделают. Все хорошо, говорю тебе.

— Нет, все плохо. Все было плохо с самого начала. Взять деньги, которые нам не принадлежат. Я ночами лежу без сна, думая об этом, Дэвид. Взять то, что не принадлежит нам... Господь наказывает нас за наши грехи...

Он глядел на нее, нахмурясь. Она надломилась, да, определенно она надломилась. В ней всегда была эта религиозность. Совесть ее никогда не была спокойна. Теперь, если только ему не посчастливится, она совершенно сдаст. Здесь можно сделать только одно.

— Послушай, Розалин, — мягко сказал он. — Ты хочешь, чтобы меня повесили?

Ее глаза расширились от ужаса.

— О Дэвид! Ты не будешь... Они не смогут...

— Лишь один человек может довести меня до петли — это ты. Если только ты дашь им возможность предположить — взглядом, знаком или словом, — что убитый может быть Андерхеем, ты наденешь мне петлю на шею. Тебе это понятно?

Да, это дошло до нее. Она глядела на него огромными испуганными глазами.

— Я такая глупенькая, Дэвид.

— Нет, вовсе нет. Во всяком случае, здесь тебе не надо быть умной. Тебе только надо будет повторить под присягой, что покойный — не твой муж. Ты ведь сможешь это сделать?

Она кивнула.

— Если хочешь, представься глупой. Делай вид, будто ты не совсем понимаешь, о чем тебя спрашивают. От этого вреда не будет. Но твердо стой на том, о чем мы с тобой условились. Гейторн позаботится о тебе. Он очень хороший адвокат по уголовным делам, поэтому я пригласил его. Он будет присутствовать на дознании и защитит тебя от всех лишних вопросов. Но даже ему говори то же самое. Ради Бога, не пытайся быть умной и не думай, что сможешь помочь мне каким-нибудь своим способом.

— Я все сделаю, Дэвид. Сделаю все в точности так, как ты говоришь.

— Умница. Когда все это кончится, мы уедем... на юг Франции или в Америку... А пока позаботься о своем здоровье. Не лежи по ночам без сна, мучаясь и изматывая себя. Принимай то снотворное, которое прописал тебе доктор Клоуд, бромид или что там. Принимай каждый вечер по порошку, гляди веселее и помни, что скоро настанут лучшие времена.

— А теперь, — он посмотрел на часы, — пора идти на дознание. Оно начнется в одиннадцать.

Он еще раз оглянулся на прекрасную просторную гостиную. Красота, комфорт, богатство... Он пользовался всем этим. Прекрасный дом этот Фэрроубэнк. Быть может, он видит его в последний раз...

Он влип в историю, это ясно. Но даже теперь он ни о чем не жалеет. И в будущем он тоже будет ловить удачу. «Прилив бывает и в делах людей...»

Дэвид взглянул на Розалин. Та следила за ним большими умоляющими глазами. Инстинктивно он понял, чего она ждет.

— Я не убивал его, Розалин, — мягко сказал Дэвид. — Клянусь тебе в этом каждым святым твоего календаря!

Глава 4

Судебное дознание проходило в Корнмаркет.

Коронный судья, мистер Пэбмарт, маленький суетливый человек в очках, был абсолютно уверен, что он — самое важное лицо.

Рядом с ним высилось тучное тело старшего инспектора Спенса. В скромном отдалении от них сидел небольшой человек, по виду иностранец, с пышными черными усами. Семья Клоудов: мистер и миссис Джереми Клоуд, мистер и миссис Лайонел Клоуд, Роули Клоуд, миссис Марчмонт и Лин — все они были здесь. Майор Портер сидел отдельно. Он беспокоился, ему было явно не по себе. Дэвид и Розалин прибыли последними и сели отдельно.

Коронер Пэбмарт откашлялся и, взглянув на присяжных (девять уважаемых местных граждан), начал процедуру.

— Доктор Лайонел Клоуд... Вы были у больной в «Олене» с врачебным визитом, когда за вами пришла Глэдис Айткин. Что она сказала?

— Она сообщила мне, что жилец из пятого номера лежит на полу мертвый...

— И поэтому вы пошли в номер пять?

— Да.

— Пожалуйста, опишите, что вы там увидели.

Доктор Клоуд описал. Труп человека... вниз лицом... повреждение черепа... затылок... каминные щипцы.

— Вы пришли к выводу, что повреждения были нанесены этими каминными щипцами?

— Некоторые из них — без сомнения, щипцами.

— И что, было нанесено несколько ударов?

— Да. Я не произвел детального осмотра, считая, что следует позвать полицию до того, как кто-либо притронется к трупу или изменит его положение.

— Вы поступили правильно. Человек был мертв?

— Да. Он был мертв уже несколько часов.

— Сколько времени, по вашему мнению, прошло с момента наступления смерти?

— Я затрудняюсь утверждать с уверенностью, но по крайней мере одиннадцать часов... Впрочем, вполне вероятно, что тринадцать или четырнадцать... Ну, скажем, это могло произойти между семью тридцатью

и девятью тридцатью предшествующего вечера.

— Благодарю вас, мистер Клоуд.

Затем вышел полицейский хирург, давший полное, со знанием дела, описание ран. На нижней челюсти была ссадина и опухоль, а по затылочной кости нанесено пять или шесть ударов, из них некоторые уже после смерти.

— Напавший на Ардена убийца, очевидно, был в ярости?

— Безусловно.

— Большая ли сила требовалась, чтобы нанести подобные удары?

— Н-нет, не то чтобы сила. Можно было без особого напряжения замахнуться щипцами, если схватить их за концы ручек. Тяжелый стальной шар, головка щипцов, превращает их в грозное оружие. Даже очень слабый человек мог бы нанести эти повреждения, если бы действовал в припадке ярости.

— Благодарю вас, доктор.

Последовали подробности, касающиеся убитого: хорошо упитан, здоров, около сорока пяти лет. Никаких признаков недомогания или болезни — сердце, легкие и прочее в хорошем состоянии.

Беатрис Липинкот дала показания о прибытии покойного в гостиницу. Он зарегистрировался как Инок Арден из Кейптауна.

— Покойный предъявил продовольственную карточку?

— Нет, сэр.

— А вы ее у него просили?

— Не сразу. Я не знала, на сколько дней он остановится.

— Но впоследствии вы попросили ее?

— Да, сэр. Он прибыл в пятницу, а в субботу я сказала, что если он пробудет больше пяти дней, то пусть, пожалуйста, даст мне свою продовольственную карточку.

— Что он ответил?

— Он сказал, что даст ее.

— Но на самом деле не дал?

— Нет.

— Он не говорил, что потерял ее? Или что у него ее нет?

— О нет. Он только сказал: «Я разыщу и принесу ее вам».

— Мисс Липинкот, слышали вы в субботу вечером какой-нибудь разговор?

С пространством объяснением, насколько необходимо ей было посетить комнату номер четыре, Беатрис Липинкот рассказала свою историю. Коронер ловко направлял ее показания.

— Благодарю вас. Вы кому-нибудь говорили об этом подслушанном разговоре?

— Да, я рассказала мистеру Роули Клоуду.

— Почему вы рассказали это мистеру Роули Клоуду?

— Я думала, что ему следует знать.

Беатрис покраснела.

Поднялся высокий худой человек — мистер Гейторн — и попросил разрешения задать вопрос.

— Во время этого разговора между покойным и мистером Дэвидом Хантером упомянул ли хоть раз покойный, что он сам и есть Роберт Андерхей?

— Нет, нет, этого он не говорил.

— Значит, он говорил о Роберте Андерхее так, как будто Роберт Андерхей был другое лицо?

— Д-да...

— Благодарю вас, мистер коронер, это все, что я хотел выяснить.

Беатрис Липинкот села, и вызвали Роули Клоуда.

Он подтвердил, что Беатрис все ему рассказала, и сообщил о своем разговоре с покойным.

— Так его последние слова были: «Не думаю, чтобы вам удалось доказать это без моей помощи?» И под словом «это» подразумевался тот факт, что Роберт Андерхей жив?

— Так он сказал. И засмеялся.

— Он засмеялся? А как вы поняли его слова?

— Ну... Я подумал, что он пытается заставить меня предложить ему что-то, но... позднее... мне показалось...

— Ну, мистер Клоуд, что вам показалось позднее — едва ли существенно.

Верно ли, что в результате этого разговора вы решили попытаться найти человека, который бы знал покойного Роберта Андерхея? И что при помощи некоторого лица вам это удалось?

Роули кивнул:

— Это верно.

— Который был час, когда вы ушли от покойного?

— Насколько я могу установить, было без пяти девять.

— Каким образом вы это устанавливаете?

— Когда я шел по улице, я слышал в открытое окно позывные девятичасовой передачи новостей.

— Покойный упоминал, в котором часу он ожидает посетителя?

— Он сказал: «С минуты на минуту».

— Он не называл никаких имен?

— Нет...

— Вы свободны, свидетель Клоуд. Дэвид Хантер!

По залу прошел легкий шум. Все обитатели Вормсли Вейл вытянули шеи, чтобы взглянуть на высокого, стройного, резкого в движениях молодого человека, который с вызывающим видом стоял перед коронером.

С предварительными вопросами было покончено быстро. Затем коронер продолжал:

— Вы пошли к покойному в субботу?

— Да. Я получил от него письмо с просьбой о помощи и с упоминанием, что он знал в Африке первого мужа моей сестры.

— У вас есть это письмо?

— Нет. Я не храню писем.

— Вы слышали показания, данные Беатрис Липинкот о вашем разговоре с покойным. Это верные показания?

— Абсолютно неверные. Покойный говорил о том, что знал моего первого шурина, жаловался на свои Собственные неудачи и просил денег, которые, как это обычно бывает, он обещал вернуть.

— Он говорил вам, что Роберт Андерхей еще жив?

Дэвид улыбнулся.

— Конечно нет. Он сказал: «Будь Роберт Андерхей еще жив, я знаю, что он помог бы мне».

— Но это совершенно не то, что говорит нам Беатрис Липинкот.

— Те, кто подслушивает, — сказал Дэвид, — обычно слышат только часть того, что происходит, и часто все в целом понимают неверно, благодаря тому, что восстанавливают недостающие детали с помощью собственного богатого воображения...

Беатрис сердито задвигалась и воскликнула:

— Ну уж!..

Коронер повелительно сказал:

— Соблюдайте тишину!

— Итак, мистер Хантер, вы были у покойного еще раз, во вторник вечером?

— Нет, не был.

— Вы слышали, мистер Клоуд сказал, что покойный ждал посетителя?

— Возможно, что он ждал посетителя. Но если это так, значит, он ждал кого-то другого. Я уже раньше дал ему пятифунтовую бумажку и считал, что этого вполне достаточно. Доказательств того, что он когда-либо

был знаком с Робертом Андерхеем, нет. А моя сестра, после того как наследовала после мужа большое состояние, стала мишенью для всевозможных любителей писать письма с просьбами и для всех местных попрошайек.

И он спокойно обвел глазами присутствующих Клоудов.

— Мистер Хантер, не скажете ли вы нам, где вы были во вторник вечером?

— Разузнайте сами, — сказал Дэвид.

— Мистер Хантер! — Коронер постучал по столу. — Так говорить в высшей степени глупо и безрассудно.

— Зачем я буду говорить вам, где я был и что делал? У меня будет для этого достаточно времени после того, как вы обвините меня в убийстве этого человека.

— Если вы будете упорствовать, это может случиться раньше, чем вы думаете. Вы узнаете это, мистер Хантер?

Наклонившись, Дэвид взял в руку золотую зажигалку. Его лицо приняло озадаченное выражение. Возвращая ее, он медленно сказал:

— Да, это моя.

— Когда вы пользовались ею в последний раз?

— Я потерял ее... — Он замолчал.

— Да, мистер Хантер? — Голос коронера звучал вкрадчиво.

Гейторн беспокойно зашевелился, будто собираясь заговорить. Но Дэвид опередил его.

— В последний раз она была у меня в пятницу — в пятницу утром. Не помню, чтобы я видел ее с тех пор.

Мистер Гейторн поднялся.

— С вашего позволения, коронер. Мистер Хантер, вы посетили покойного в субботу вечером. Не могло ли случиться, что вы тогда и оставили у него эту зажигалку?

— Вполне вероятно, — ответил Дэвид медленно. — Я уверен, что с пятницы ее не видел... А где ее нашли? — прибавил он.

Коронер сказал:

— Мы поговорим об этом позднее. Теперь вы можете сесть, мистер Хантер.

Дэвид медленно вернулся к своему месту. Он наклонился и шепотом заговорил с Розалин.

— Майор Портер!

Что-то бормоча и покашливая, майор Портер занял свидетельское место. Он стоял выпрямившись, как на параде. Только движение, которым

он облизнул губы, показывало, как он нервничает.

— Вы Джордж Дуглас Портер, отставной майор королевской африканской пехоты?

— Да.

— Хорошо ли вы знали Роберта Андерхея?

Голосом, годным для плац-парада, майор Портер перечислил места и даты встреч.

— Вы видели тело покойного?

— Да.

— Вы можете опознать это тело?

— Да. Это тело Роберта Андерхея.

Взволнованный гул прошел по залу.

— Вы положительно утверждаете это, без малейшего колебания?

— Да.

— Вы не могли ошибиться?

— Нет, не мог.

— Благодарю вас, майор Портер. Миссис Гордон Клоуд!

Розалин поднялась. Она прошла мимо майора Портера. Он посмотрел на нее с некоторым любопытством. Она даже не взглянула на него.

— Миссис Клоуд, полиция показывала вам тело покойного?

Она содрогнулась.

— Да.

— Вы утверждаете, что это тело совершенно незнакомого вам человека.

— Да.

— Принимая во внимание только что сделанное мистером Портером заявление, не хотите ли взять обратно или изменить ваше собственное заявление?

— Нет.

— Вы по-прежнему утверждаете, что это тело не вашего мужа, не Роберта Андерхея?

— Это не тело моего мужа. Это человек, которого я не видала никогда в жизни.

— Но послушайте, миссис Клоуд, майор Портер определенно опознал тело своего друга Роберта Андерхея.

Без выражения Розалин произнесла:

— Майор Портер ошибается.

— В этом суде вы даете показания не под присягой, миссис Клоуд. Но, по всей вероятности, в скором времени вам придется давать показания под

присягой в другом суде. Готовы ли вы там поклясться, что это не тело вашего мужа, Роберта Андерхея, а тело неизвестного вам человека?

— Я готова поклясться, что это тело не моего мужа, а совершенно неизвестного мне человека.

Голос ее не дрогнул и звучал ясно. Глаза твердо встретили взгляд coronera.

Он пробормотал:

— Вы можете сесть.

Затем, сняв пенсне, он обратился к присяжным: они здесь для того, чтобы установить, как умер этот человек. Впрочем, вопрос довольно ясен: не может быть и речи о несчастном случае или о самоубийстве. Нет также указаний на непреднамеренное убийство. Остается только одно решение — преднамеренное убийство. Что же касается личности убитого, ясности добиться не удалось.

Они слышали, как один свидетель, прямой и честный человек, на слова которого можно положиться, сказал, что это тело его друга, Роберта Андерхея. С другой стороны, смерть Роберта Андерхея от лихорадки была зафиксирована в 1945 году, и в то время у местных властей этот случай не вызвал никаких сомнений. В противоположность заявлению майора Портера, вдова Роберта Андерхея, ныне миссис Гордон Клоуд, твердо заявляет, что это тело не Роберта Андерхея. Это два диаметрально противоположных утверждения. Исходя из вопроса об установлении личности, они должны решить, нет ли какой-либо улики против того, чьей рукой совершено это убийство. Они могут считать, что ряд улик указывает на одно лицо, но потребуется еще множество доказательств, прежде чем можно будет возбудить судебное дело: доказательства, мотивы и обстоятельства преступления. Нужно будет установить, видел ли кто-нибудь этого человека вблизи места преступления в соответствующее время. Если этих данных нет, наилучшим решением будет: «Преднамеренное убийство без достаточных улик, указывающих, кем оно совершено». Такое решение позволит полиции произвести необходимые допросы.

Затем он отпустил присяжных обдумать решение.

Они затратили на это три четверти часа.

Они вернулись с решением: «Преднамеренное убийство, в котором обвиняется Дэвид Хантер».

Глава 5

— Я боялся, что они вынесут такой приговор, неодобрительно произнес коронер. — Предубеждение местных жителей. Чувство преобладает над логикой!

Коронер, главный констебль, старший инспектор Спенс и Эркюль Пуаро совещались после судебного дознания.

— Вы сделали все, что могли, — сказал главный констебль.

— Такое решение, мягко выражаясь, преждевременно, — сказал, нахмурясь, Спенс. — И это затруднит наши действия. Вы знакомы с мосье Эркюлем Пуаро, господа? Он способствовал отысканию Портера.

Коронер любезно сказал:

— Я слышал о вас, мосье Пуаро.

Пуаро сделал безуспешную попытку казаться скромным.

— Мосье Пуаро заинтересовался этим делом, — сказал с усмешкой Спенс.

— Да, правда, — подтвердил Пуаро. — Я был замешан в него, можно сказать, когда еще и дела-то не было.

И в ответ на их полные любопытства взгляды он рассказал о странной сцене в клубе, когда он впервые услышал имя Роберта Андерхея.

— Это подкрепит показание Портера, когда дело дойдет до суда, — задумчиво сказал главный констебль. — Это означает, что Андерхей действительно замыслил симулировать смерть и говорил, что думает использовать имя Инока Ардена.

Инспектор Спенс пробормотал:

— Да, но будет ли это считаться достаточно веским доказательством?

Слова, сказанные человеком, которого уже нет в живых.

— Это, может быть, и не будет считаться веским доказательством, — ответил Пуаро, — но это вызывает очень интересные соображения.

— Нам-то нужны не соображения, а какие-то конкретные факты, — сказал Спенс. — Нужно найти кого-нибудь, кто видел Дэвида Хантера в «Олене» или вблизи от него в субботу вечером.

— Это, должно быть, легко, — заметил главный констебль, хмурясь.

— Если бы это было за границей, в моей стране, это было бы легко, — сказал Пуаро. — Там было бы маленькое кафе, где кто-то постоянно пьет кофе по вечерам. Но в провинциальной Англии!.. — Он развел руками.

Инспектор кивнул.

— Часть людей сидит в трактире и не выйдет оттуда до закрытия, а остальные у себя дома слушают девятичасовую передачу известий. Если вы пройдетесь по главной улице между восемью тридцатью и девятью часами, улица будет совершенно пуста. Ни души.

— Он на это рассчитывал? — задумчиво предположил констебль.

— Может быть, — ответил Спенс, у которого был довольно несчастный вид.

Затем главный констебль и коронер ушли. Спенс и Пуаро остались вдвоем.

— Вам не нравится это дело, не правда ли? — с сочувствием спросил Пуаро.

— Этот молодой человек раздражает меня, — сказал Спенс. — С такими людьми никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Когда они вовсе и не виноваты, они держатся так, как вел бы себя преступник. А когда они виновны, вы могли бы поклясться, что они чисты как ангелы.

— Вы думаете, что он виновен? — спросил Пуаро.

— А вы? — ответил вопросом Спенс.

Пуаро развел руками.

— Хотел бы я знать, — сказал он, — какие именно факты говорят против него.

— Вы имеете в виду не точные улики, а все факты, которые дают возможность строить предположения?

Пуаро кивнул.

— Зажигалка, — сказал Спенс.

— Где вы ее нашли?

— Под телом.

— Отпечатки пальцев?

— Никаких.

— А, — сказал Пуаро.

— Да, — сказал Спенс. — Мне это и самому не очень нравится. Затем — часы этого человека остановились на девяти десяти. Это вполне соответствует медицинскому заключению и показанию Роули Клоуда, что Андерхей с минуты на минуту ждал посетителя.

Пуаро кивнул.

— Да, все очень точно сходится.

— По-моему, мистер Пуаро, нельзя не принимать во внимание, — продолжал Спенс, — что Дэвид — единственный человек (точнее говоря, он и его сестра), у которого есть хоть тень заинтересованности в убийстве. Или Дэвид Хантер убил Андерхея, или же Андерхей был убит неким

приедем, который следовал за ним по каким-то причинам, о которых мы ничего не знаем. Это кажется совершенно не правдоподобным.

— О, с этим я согласен.

— Видите ли, в Вормсли Вейл нет никого, кто был бы заинтересован в преступлении, разве что, по совпадению, здесь живет кто-то, кроме Хантера, кто был связан с убитым в прошлом. Я никогда не исключаю возможности совпадения, но в данном случае нет ни намека на что-нибудь подобное.

Роберт Андерхей был чужим для всех, кроме этих брата и сестры.

Пуаро кивнул.

— Семья Клоудов должна была бы беречь Роберта Андерхея как зеницу ока.

Роберт Андерхей, живой и здоровый, означал бы для них огромное состояние, которое они поделили бы между собой.

— И снова, мой друг, я с жаром соглашаюсь с вами. Роберт Андерхей, живой и здоровый, — это как раз то, что им было нужно.

— Итак, мы приходим к прежнему выводу: Розалин и Дэвид Хантер — единственные два человека, у которых есть мотивы к преступлению. Розалин была в Лондоне. Но Дэвид, как мы знаем, был в Вормсли Вейл в тот день. Он прибыл на станцию Вормсли Хит в пять тридцать.

— Итак, мы имеем мотив, написанный крупными буквами, и тот факт, что с пяти тридцати и до какого-то не установленного времени Хантер был здесь.

— Точно. Теперь возьмем рассказ Беатрис Липинкот. Я верю этому рассказу. Она действительно подслушала то, о чем рассказывает, хотя, возможно, несколько все приукрасила — ведь это так свойственно человеческой природе.

— Да, свойственно, вы правы!

— Помимо того, что я хорошо знаю эту девушку, я верю ей и потому, что некоторые вещи она просто не могла бы выдумать. Например, она никогда прежде не слышала о Роберте Андерхее. Поэтому я верю ее рассказу о том, что произошло между этими двумя мужчинами, а не рассказу Дэвида Хантера.

— Я тоже, — сказал Пуаро. — Она произвела на меня впечатление необыкновенно правдивой свидетельницы.

— У нас есть подтверждение, что ее рассказ правдив. Как вы думаете, для чего брат и сестра отправились в Лондон?

— Это один из самых интересных для меня вопросов.

— Видите ли, денежное положение таково: Розалин имеет только

пожизненный доход с собственности Гордона Клоуда. Она не может касаться капитала, не считая, кажется, тысячи фунтов. Но драгоценности принадлежат ей. Так вот: первое, что она сделала в городе, это отнесла несколько наиболее ценных вещей на Бонд-стрит и продала их. Ей срочно нужна была большая сумма денег — иными словами, ей надо было заплатить шантажисту.

— Вы называете это уликой против Дэвида Хантера?

— А вы нет?

Пуаро покачал головой.

— Доказательством, что шантаж имел место, это может быть. Но доказательством намерения совершить убийство — нет. Это несовместимо, мой дорогой. Или молодой человек собирался платить, или же он задумал убийство. Вы нашли доказательство того, что он собирался заплатить.

— Да-да... Может быть и так. Но он мог изменить свое решение.

Пуаро пожал плечами.

— Я знаю людей такого типа, — задумчиво продолжал инспектор. — Это люди, которые хорошо проявили себя во время войны. Колоссальная отвага. Дерзость. Безрассудное пренебрежение собственной безопасностью. Эти люди пойдут на что угодно. Обычно они получают ордена, но заметьте: чаще посмертно. Да, во время войны такой человек — герой. Но в мирное время... в мирное время такие люди часто кончают тюрьмой. Они любят опасность, не умеют идти прямо, и им наплевать на общество... И наконец, они ни во что не ставят человеческую жизнь.

Пуаро кивнул.

— Говорю вам, — повторил инспектор, — я знаю людей такого рода.

На несколько минут наступило молчание.

— Ну что ж, — сказал наконец Пуаро. — Мы пришли к выводу, что перед нами тип человека, способного на убийство. Но это все. Мы не продвинулись ни на йоту.

Спенс взглянул на него с любопытством.

— Вы сильно заинтересовались этим делом, мосье Пуаро?

— Да.

— А почему, разрешите спросить?

— Честно говоря, я и сам не вполне понимаю, — развел руками Пуаро. — Может быть, потому, что когда два года назад я сидел в клубе моего приятеля и очень неважно себя чувствовал (я не люблю воздушных налетов, я не смельчак, хотя мне и удастся скрывать это), так вот, я говорю, когда я сидел в курительной клуба моего приятеля с отвратительным чувством вот здесь, — Пуаро выразительно погладил свой желудок, — там

что-то бубнил клубный надоеда, добрейший майор Портер. Он рассказывал длинную историю, которую никто не слушал, кроме меня. А я слушал потому, что хотел отвлечься от мыслей о бомбах, и потому, что факты, о которых он рассказывал, показались мне интересными и наводящими на размышления... И я еще тогда подумал о возможных последствиях той ситуации, о которой рассказывал майор. И теперь действительно кое-что произошло.

— Но нечто неожиданное, да?

— Наоборот, — возразил Пуаро. — Произошло именно то, чего можно было ожидать, и это само по себе является примечательным.

— Вы ожидали, что произойдет убийство? — недоверчиво спросил Спенс.

— Нет, нет, нет!.. Но жена вторично выходит замуж. Существует возможность, что первый муж жив? Да, он жив. Он может появиться? Да, он появляется. Отсюда возможен шантаж. Шантаж происходит. Есть возможность заставить шантажиста молчать? Клянусь, его заставили замолчать!

— Ну, — сказал Спенс, с некоторым недоумением глядя на Пуаро, — я полагаю, все эти дела происходят примерно одинаково. Это обычный вид преступления — шантаж, приведший к убийству.

— Вы хотите сказать — неинтересный? Обычно — нет. Но данный случай интересен, потому что, видите ли, — безмятежно сказал Пуаро, — в нем все не правильно.

— Не правильно? Я не понимаю, почему вы называете его не правильным.

— Потому что в нем нет ничего... как бы это сказать... ничего такого, что имело бы правильные очертания...

Спенс удивленно смотрел на Пуаро.

— Главный инспектор Джепп, — заметил он, — всегда говорил, что у вас уклончивые суждения. Дайте мне хоть один пример того, что вы называете не правильным.

— Ну, умерший человек, например. Он совершенно не правильный. Разве вы этого не чувствуете? Ну да, может быть, у меня богатое воображение. Тогда возьмем такой пункт: Андерхей прибывает в «Олень». Он пишет Дэвиду Хантеру. Хантер получает письмо на следующий день... наверно, за завтраком.

— Да, это так. Он говорил, что получил письмо от Ардена в это время.

— Это было первое сообщение — не правда ли? — о прибытии Андерхея в Вормсли Вейл. И что же он делает прежде всего? Спрашивает

сестру в Лондон...

— Это вполне понятно, — сказал Спенс. — Он хочет развязать себе руки, чтобы по-своему направить события. Он опасается, что женщина проявит слабость. Он верховодит в семье. Миссис Клоуд у него совершенно под пятой.

— О да, это сразу видно... Итак, он посылает ее в Лондон и навещает этого Инока Ардена. Мы имеем довольно ясное представление об их разговоре благодаря Беатрис Липинкот, и что сразу бросается в глаза — Дэвид Хантер не уверен, был ли человек, с которым он разговаривал, Робертом Андерхеем или нет. Он подозревал, что это так, но не знал точно.

— Но в этом нет ничего странного, мосье Пуаро. Розалин Хантер вышла замуж за Андерхея в Кейптауне и поехала с ним прямо в Нигерию. Хантер и Андерхей никогда не встречались. Поэтому, хотя, как вы говорите, Хантер подозревал, что Арден — это Андерхей, он не мог знать этого наверняка, потому что никогда не встречал этого человека.

Пуаро задумчиво посмотрел на инспектора Спенса.

— Так, значит, вы не видите в этом ничего... странного? — спросил он.

— Я знаю, к чему вы клоните. Почему Андерхей не сказал прямо, что он Андерхей? Ну, я думаю, это тоже объяснимо. Респектабельные люди, когда они совершают что-нибудь нечестное, любят сохранять видимость респектабельности. Они любят представить дело в таком виде, чтоб самим остаться незапятнанными, так сказать... Нет, я не думаю, что в этом есть что-то странное. Нужно понимать человеческую природу.

— Да, — сказал Пуаро. — Человеческая природа. Вот, по-видимому, настоящий ответ на вопрос, почему я так заинтересовался этим делом. На судебном дознании я оглядывался вокруг, смотрел на всех присутствующих, особенно на Клоудов. Их так много, все они связаны общими интересами, все так различны по своим характерам, мыслям и чувствам. И все они много лет зависели от одного сильного человека, главы семьи, от Гордона Клоуда! Я не хочу сказать — целиком зависели. У всех у них есть свои средства к существованию. Но все они, сознательно или бессознательно, опирались на Гордона, искали в нем опору. А что происходит, спрошу я вас, старший инспектор, что происходит с плющом, когда дуб, вокруг которого он вился, рухнет?

— Ну, это едва ли вопрос по моей части, — сказал Спенс.

— Вы думаете, не по вашей? А я думаю, по вашей. Характер человека, мой дорогой, не застывает. Он может набираться сил. А может и вырождаться. Каков человек наделе, становится видно только тогда, когда

приходит испытание, то есть тот момент, когда вы или устоите на собственных ногах, или упадете.

— Не знаю, право, к чему вы клоните, мосье Пуаро. — Спенс был явно сбит с толку. — Во всяком случае, теперь у Клоудов все в порядке. Или будет все в порядке, когда останутся позади все формальности.

На это, напомнил ему Пуаро, может уйти много времени. Еще надо опровергнуть показания миссис Гордон Клоуд. В конце концов, должна ведь женщина узнать своего мужа, увидев его.

Он наклонил голову немного набок и вопросительно смотрел на огромного старшего инспектора.

— А разве два миллиона фунтов не стоят того, чтобы ради них не узнать собственного мужа? — цинично спросил инспектор. — И кроме того, если он не был Робертом Андерхеем, почему же он убит?

— Да, — пробормотал Пуаро, — в этом-то и вопрос.

Глава 6

Пуаро вышел из полицейского участка, погруженный в мрачные размышления.

Его шаги все замедлялись. На базарной площади он остановился и огляделся.

Рядом был дом доктора Клоуда со старой латунной вывеской. Немного дальше — почтовое отделение. На другой стороне — дом Джереми Клоуда. Прямо перед Пуаро, несколько в глубине, стояла католическая церковь — скромное, небольшое здание, казавшееся увядшей фиалкой по сравнению с внушительным храмом Святой Марии, который высился посреди площади, символизируя господство протестантской религии.

Повинуясь какому-то импульсу, Пуаро вошел в ворота католической церкви и, миновав паперть, оказался внутри. Он снял шляпу и опустился на скамью.

Его мысли были прерваны звуком подавленных горестных рыданий.

Пуаро повернул голову. На другой стороне прохода стояла коленопреклоненная женщина в темном платье, закрыв лицо руками. Вот она встала, и Пуаро, глаза которого расширились от любопытства, встал и последовал за ней. Он узнал Розалин Клоуд.

Она остановилась под аркой, стараясь успокоиться. И тут Пуаро очень мягко заговорил с ней.

— Мадам, не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Она не удивилась и ответила с наивной простотой огорченного ребенка:

— Нет. Никто, никто не может помочь мне.

— Вы в большой беде, не так ли?

— Дэвида забрали, — сказала она. — Я совсем одна. Они говорят, что он убил... Но он не убивал! Нет!

Она посмотрела на Пуаро и проговорила:

— Вы были там сегодня? На судебном дознании. Я видела вас.

— Да. Если я могу помочь вам, мадам, я буду очень рад сделать это.

— Я боюсь. Дэвид говорил, что со мной ничего не случится, пока он будет рядом. Но теперь, когда его посадили, я боюсь. Он сказал: они все хотят моей смерти. Это страшно даже сказать. Но, наверно, это так и есть.

— Позвольте мне помочь вам, мадам.

Она покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Никто не может мне помочь. Я даже не могу пойти к исповеди. Я должна нести всю тяжесть своего греха совсем одна. Господь отвернулся от меня. Я не могу надеяться на милосердие божье.

Затравленный взгляд ее был полон печали.

— Я должна была бы исповедаться в своих грехах, исповедаться. Если бы я могла исповедаться!..

— Почему вы не можете исповедаться? Вы ведь для этого пришли в церковь, правда?

— Я пришла найти утешение... Но какое может быть утешение для меня? Я грешница.

— Мы все грешники.

— Но вы могли бы раскаяться... Я хотела сказать... рассказать... — Она снова закрыла лицо руками. — О, сколько лжи, сколько лжи...

— Вы солгали о своем муже? О Роберте Андерхее? Так это был Роберт Андерхей, тот убитый?

Она резко повернулась к нему. Ее глаза приняло подозрительное, настороженное выражение. Она резко выкрикнула:

— Говорю вам, это не был мой муж. И нисколько не похож на него!

— Умерший вовсе не был похож на вашего мужа?

— Нет! — сказала она упрямо.

— Скажите мне, — сказал Пуаро, — как выглядел ваш муж?

Ее глаза пристально взглянули на него. Затем лицо ее тревожно застыло, а глаза потемнели от страха.

Она выкрикнула:

— Я не хочу говорить с вами!

Быстро пройдя мимо него, она побежала вниз по тропинке и вышла через ворота на базарную площадь.

Пуаро не пытался следовать за ней и только удовлетворенно кивнул головой.

— Ага, — сказал он себе. — Значит, вот в чем дело!

И медленно вышел на площадь.

После некоторого колебания он двинулся по Хай-стрит, пока не подошел к гостинице «Олень», которая была последним зданием перед открытым полем.

В дверях «Оленя» он встретил Роули Клоуда и Лин Марчмонт.

Пуаро с интересом взглянул на Лин. Красивая девушка, подумал он, и притом умная. Лично его этот тип не восхищает. Он предпочитает что-нибудь более мягкое, женственное. «Лин Марчмонт, — подумал он, — по существу — современный тип, хотя с таким же успехом можно этот тип

назвать и елизаветинским. Такие женщины сами решают свою судьбу, они не стесняются в выражениях, и в мужчинах им нравится предприимчивость и дерзость...»

— Мы очень благодарны вам, мосье Пуаро, — сказал Роули. — Ей-богу, это было похоже на фокус.

«Да, это так и было», — подумал Пуаро. Если задают вопрос, ответ на который знаешь заранее, то вовсе не трудно представить его в виде фокуса.

Ему очень нравилось, что для простака Роули появление майора Портера как бы из небытия казалось таким же загадочным, как появление множества кроликов из шляпы фокусника.

— Как вы это делаете, не могу понять, — продолжал Роули.

Пуаро не посвящал его. Ведь фокусник не сообщает зрителям, каким образом осуществлен фокус.

— Во всяком случае, Лин и я бесконечно вам благодарны.

Лин Марчмонт, подумал Пуаро, не выглядит особенно благодарной. Вокруг глаз у нее тени, пальцы нервно сжимаются.

— Это внесет огромные изменения в нашу будущую семейную жизнь, — сказал Роули.

Лин перебила резко:

— Откуда ты знаешь? Я уверена, что потребуются всевозможные формальности и прочее.

— Так вы женитесь? И когда? — вежливо спросил Пуаро.

— В июне.

— А давно вы помолвлены?

— Почти шесть лет, — сказал Роули. — Лин только что вернулась из армии.

Она была в Женских вспомогательных частях содействия флоту.

— А военнотружущим запрещено выходить замуж?

Лин коротко сказала:

— Я была за морем.

Пуаро заметил недовольный взгляд Роули. Затем Роули сказал:

— Пошли, Лин. Я думаю, мосье Пуаро торопится вернуться в город.

Пуаро с улыбкой сказал:

— Я не возвращаюсь в город.

— Что? — Роули остановился как вкопанный.

— Я ненадолго остаюсь здесь, в «Олене».

— Но... Но почему?

— Здесь прекрасный пейзаж, — ответил Пуаро безмятежно.

Роули неуверенно сказал:

— Да, конечно. Пейзаж здесь красивый... Но разве вы... Разве вас не ждут дела?

— Я кое-что скопил, — сказал Пуаро улыбаясь. — Мне не приходится чрезмерно много работать. Нет, я могу наслаждаться бездельем и проводить время там, где захочется. А сейчас мне пришла фантазия пожить в Вормсли Вейл.

Он заметил, что Лин Марчмонт подняла голову и пристально посмотрела на него. А Роули, показалось ему, был слегка раздражен.

— Вы, наверно, играете в гольф? — спросил он. — В Вормсли Хит отели гораздо лучше. Совершенно изумительное там место.

— Меня сейчас интересует только Вормсли Вейл, — ответил Пуаро.

Лин сказала:

— Пойдем, Роули.

Роули неохотно последовал за ней. В дверях Лин остановилась и затем быстро вернулась. Она тихо заговорила с Пуаро:

— Дэвида Хантера арестовали после дознания. А вы... вы думаете, на это есть основания?

— Мадемуазель, они не могли поступить иначе после такого решения присяжных.

— Меня интересует, считаете ли вы, что это сделал он?

— А вы что думаете? — спросил Пуаро.

Но Роули уже вернулся за ней. Ее лицо окаменело. Она сказала:

— До свидания, мосье Пуаро. Я... я надеюсь, мы еще увидимся.

— Что ж, вероятно, увидимся, — пробормотал Пуаро...

Договорившись с Беатрис Липинкот о комнате, он снова вышел. Теперь он направился к дому доктора Лайонела Клоуда.

Дверь открыла тетушка Кэтти.

— О! — сказала она отступая. — Мосье Пуаро!

— К вашим услугам, мадам, — поклонился Пуаро. — Я пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

— Это очень мило с вашей стороны, конечно. Да... Ну... Войдите, пожалуйста. Садитесь, я уберу этот томик мадам Блавацкой... И может быть, чашечку чая?.. Только бисквит ужасно черствый. Я хотела пойти к булочнику за свежим, иногда по средам у них бывает рулет с вареньем, но дознание спутало все мои хозяйственные планы.

Пуаро сказал, что считает это вполне понятным.

Как ему показалось, известие о том, что он остается в Вормсли Вейл, привело в раздражение Роули Клоуда, да и тетушка Кэтти была не слишком гостеприимной. Она смотрела на него почти с ужасом. Наклонившись

вперед, она произнесла хриплым заговорщическим шепотом:

— Ни слова моему мужу, прошу вас, о том, что я была у вас и советовалась с вами насчет... насчет... ну, вы знаете о чем.

— Ни звука не пророню.

— Я имею в виду... Конечно, в то время я и понятия не имела... что Роберт Андерхей, бедняга, — это так трагично — был в самом Вормсли Вейл. Это все еще кажется мне совершенно невероятным совпадением!

— Все было бы гораздо проще, — согласился Пуаро, — если бы спиритический столик направил вас не ко мне, а прямо к «Оленю».

Тетушка Кэтти немного повеселела при упоминании о спиритическом столике.

— Пути, по которым все движется в потустороннем мире, неисповедимы, — сказала она. — Но я ощущаю, мосье Пуаро, что во всем этом есть особое значение. А вы не чувствуете этого? Что все в жизни имеет значение?

— Да, разумеется, мадам. Даже в том, что я сижу сейчас здесь, в вашей гостиной, и в этом есть особое значение.

— О, в самом деле? — Миссис Клоуд выглядела несколько ошарашенной. — В самом деле есть? Да, наверно, это так... Вы возвращаетесь в Лондон, конечно?

— Не сразу. Я остаюсь на несколько дней в «Олене».

— В «Олене»? Ах да, в «Олене»! Но это там, где... О мосье Пуаро, вы думаете, что это благоразумно?

— Я был направлен к «Оленю», — сказал Пуаро торжественно.

— Направлены? Что вы хотите сказать?

— Направлен вами.

— Но я никогда не хотела... Я хочу сказать, не имела ни малейшего понятия. Это все так ужасно, вы не находите?

Пуаро печально покачал головой и сказал:

— Я только что разговаривал с мистером Роули Клоудом и мисс Марчмонт. Я слышал, они женятся. И довольно скоро.

Тетушка Кэтти немедленно повеселела.

— Милая Лин, она такая прелестная, и у нее такая хорошая память на цифры. А у меня совсем нет памяти на цифры, никогда их не могу запомнить. То, что Лин дома, — просто благодать божья. Когда я запутываюсь, она всегда выручает меня. Милая девочка, надеюсь, она будет счастлива. Роули, конечно, замечательный молодой человек, но, знаете, возможно, несколько скучноват. Я хочу сказать — скучноват для девушки, которая столько поездила по свету, как Лин. А Роули, понимаете, всю войну

был здесь... С этой стороны все в порядке... Никакой трусости или увиливания, как это было в Бурскую войну... Но я хочу сказать, что это немного ограничило его представления.

— Шесть лет помолвки — хорошая проверка чувств.

— О да! Но я думаю, что эти девушки возвращаются домой какими-то беспокойными... И если встречается кто-либо иной... Кто-нибудь, кто вел, быть может, жизнь, полную приключений...

— Например, как Дэвид Хантер?

— Между ними ничего нет, — взволнованно сказала тетушка Кэтти. — Совершенно ничего. Я в этом твердо уверена! Было бы ужасно, если бы что-нибудь было, не правда ли, раз он оказался убийцей... Да еще своего собственного деверя! О нет, мосье Пуаро, пожалуйста, не покидайте нас с мыслью, что между Лин и Дэвидом существует какая-то привязанность. Наоборот, они даже ссорились каждый раз, как встречались... Я чувствую только, что... О Господи, кажется, идет мой муж! Так вы помните, мосье Пуаро, ни слова о нашей первой встрече! Мой бедный муженек так рассердится, если он подумает, что... О Лайонел, дорогой, это мосье Пуаро, который так кстати привел майора опознать убитого.

Доктор Клоуд выглядел усталым и измученным. Его глаза, светло-голубые, с крошечными зрачками, неопределенно блуждали по комнате.

— Как поживаете, мосье Пуаро? Возвращаетесь в город?

«Боже милостивый! Еще один выпроваживает меня обратно в Лондон», — подумал Пуаро.

Вслух он сказал:

— Нет, я остаюсь на день-другой в «Олене».

— В «Олене»? — Доктор Клоуд нахмурился. — Так полиция хочет, чтобы вы здесь немного побыли?

— Нет, я сам этого хочу.

— В самом деле? — Доктор вдруг взглянул быстрым острым взглядом. — Значит, вы не удовлетворены дознанием?

— Почему вы так думаете, доктор Клоуд?

— А разве не так?

Хлопоча о чае, миссис Клоуд вышла из комнаты. Доктор продолжал:

— Очевидно, вы чувствуете что-то неладное?

Пуаро был поражен.

— Странно, что вы говорите об этом. Значит, вы сами это ощущаете?

Клоуд заколебался.

— Н-нет... Скорее... возможно, это просто ощущение нереальности. В романах шантажистов всегда убивают. А как в действительной жизни: да

или нет? Логический ответ — да. Но это кажется неестественным.

— Что-нибудь неубедительно с медицинской точки зрения? Я спрашиваю неофициально, конечно.

Доктор Клоуд задумчиво сказал:

— Нет, не думаю.

— Да, что-то есть. Я вижу, что-то есть.

Когда Пуаро хотел, его голос приобретал почти гипнотическую силу.

Доктор Клоуд нахмурился, а затем сказал с некоторым колебанием.

— Конечно, у меня нет опыта в уголовных делах. Во всяком случае, медицинское свидетельство не есть нечто точное и бесспорное, как думают профаны и писатели. Мы можем ошибаться — медицина может ошибаться. Что такое диагноз? Догадка, основанная на очень немногих фактах и на неясных предположениях, которые указывают не одно, а несколько решений. Я вполне уверенно произношу диагноз «корь», так как за свою жизнь видел сотни случаев кори и знаю все разнообразие ее многочисленных признаков и симптомов. Чрезвычайно редко встречается то, что учебники называют «типичный случай кори». В моей практике мне попадались странные случаи. Я видел женщину уже на операционном столе, приготовленную к удалению аппендикса, а в последнюю минуту распознали паратиф! Я видел, как ребенку с кожным заболеванием серьезный и знающий молодой врач поставил диагноз тяжелого случая авитаминоза, а пришел местный ветеринар и разъяснил матери, что у кошки глисты и что ребенок подхватил их! Доктора, как и все другие, могут быть жертвами предвзятой идеи. Вот мы видим человека, по всей вероятности, убитого, и лежащие рядом с ним каминные щипцы со следами крови. Было бы бессмысленно говорить, что его убили чем-то иным, а не щипцами. И все же, будучи совершенно незнаком с другими случаями, когда человеку проламывали голову, я предположил бы, что это сделано чем-то иным... О, я не знаю чем, но чем-то не таким гладким и круглым, с более острыми гранями... чем-то вроде кирпича.

— Но вы об этом не говорили на дознании?

— Нет, потому что я не уверен. Дженкинс, судебный врач, не сомневался в выводах, а он человек, с мнением которого считаются. Но это была предвзятая идея — оружие, лежащее рядом с телом. Может ли быть, что рана нанесена этими щипцами? Да, может быть. Но если бы вам показали только рану и спросили, чем она нанесена... Ну, я не знаю, быть может, вы не сказали бы этого вслух, так как это звучит бессмысленно, но... можно было бы предположить, что их было двое: один стукнул его кирпичом, а другой — щипцами...

Доктор остановился, с сомнением покачал головой.

— Звучит бессмысленно, да?

— А не мог он упасть на что-нибудь острое?

Доктор Клоуд покачал головой.

— Он лежал вниз лицом посреди комнаты на толстом старом ковре.

Доктор замолчал, так как вошла жена.

— А вот и Кэтти с бурдой, — сказал он после паузы.

Тетушка Кэтти несла поднос, на котором была посуда, половина хлебца и немного варенья на дне вазочки.

— Я думаю, чайник кипел, — с сомнением заметила она, поднимая крышку чайника и заглядывая в него.

Доктор Клоуд снова фыркнул, пробормотал: «Бурда!» — и вышел из комнаты.

Тетушка Кэтти сказала:

— Бедный Лайонел, его нервы ужасно расшатаны после войны. Он слишком много работал. Так много врачей тогда уехало. Он не давал себе отдыха. Выезжал к больным днем и ночью. Удивительно, как он совсем не свалился. Конечно, он рассчитывал уйти на покой сразу же по окончании войны. Это было условлено с Гордоном. Вы знаете, любимое занятие моего мужа — ботаника, и особенно лечебные травы, применявшиеся в средние века. Он пишет об этом книгу. Он так ждал спокойной жизни, возможности заняться исследованиями. Но затем, когда Гордон умер при таких обстоятельствах... Ну, вы знаете, как обстоят сейчас дела. Налоги и прочее. Он не может оставить практику, и это делает его желчным. И в самом деле, это несправедливо. То, что Гордон умер, не оставив завещания, пошатнуло мою веру. Я хочу сказать, что не вижу в этом какого-то высшего промысла. Ничего не могу поделать, но мне это кажется ошибкой.

Она вздохнула. Затем немного оживилась.

— Но, с другой стороны, я получила отрадное заверение из потустороннего мира: «Мужество и терпение — и будет найден выход». И в самом деле, когда сегодня этот милый майор Портер встал и сказал таким твердым мужественным голосом, что бедняга убитый — Роберт Андерхей, тут я увидела, что выход найден! Удивительно, не правда ли, мосье Пуаро, что все оборачивается к лучшему?

— Даже убийство! — сказал Эркюль Пуаро.

Глава 7

Пуаро вошел в гостиницу «Олень» в задумчивом настроении и слегка поеживаясь, так как дул резкий восточный ветер. Холл был пуст. Он открыл дверь направо. В комнате пахло застоявшимся дымом, и огонь почти потух.

Пуаро на цыпочках подошел к двери в конце холла, на которой была надпись «Только для постоянных жильцов». Здесь огонь горел хорошо, но в большом кресле, уютно грея ноги у огня, сидела монументальная старая леди, которая взглянула на Пуаро так яростно, что он с извинениями ретировался.

Некоторое время он стоял в холле, глядя то на застекленную дверь пустой конторы, то на дверь с надписью «Кофейная». По собственному опыту Пуаро хорошо знал, что кофе в деревенских гостиницах подается неохотно и только к завтраку, и даже тогда его главной составной частью является водянистое горячее молоко. Здесь маленькие чашечки мутной жидкости, называемой «черным кофе», подавались не в кофейной, а в гостиной. Виндзорский суп, бифштекс по-венски и паровой пудинг, составлявшие обед, можно было получить в кофейной ровно в семь. А до тех пор в просторных помещениях «Оленя» царила полнейшая тишина.

Погрузившись в размышления, Пуаро пошел вверх по лестнице. Вместо того чтобы свернуть налево, где была его собственная комната номер одиннадцать, он свернул направо и остановился перед дверью пятого номера. Огляделся.

Тишина и пустота. Пуаро открыл дверь и вошел.

Полиция в комнате больше не появлялась. Видно было, что здесь недавно сделали уборку. На полу не было ковра. Очевидно, старый толстый ковер пошел в чистку. Одежда была сложена на кровати аккуратной стопкой.

Прикрыв за собой дверь, Пуаро обошел комнату и осмотрел ее меблировку: письменный стол, старомодный, хорошего красного дерева комод, высокий гардероб из того же материала (вероятно, тот, который маскировал дверь в четвертый номер), большая металлическая двуспальная кровать, умывальник с холодной и горячей водой — дань современности и недостатку прислуги, большое, но довольно неудобное кресло, два стула, тяжелый мраморный камин с прямыми углами и старомодной викторианской решеткой, кочерга и совок, принадлежащие к тому же набору, что и каминные щипцы.

У камина Пуаро наклонился и осмотрел его. Послужив палец, он провел им по правому углу камина. Палец слегка почернел. Он повторил эту операцию другим пальцем у левого угла камина. На этот раз палец был совершенно чист.

«Так», — сказал себе Пуаро.

Он осмотрел умывальник. Затем подошел к окну. Оно выходило на какую-то плоскую кровлю (крыша гаража, догадался он) и на маленькую улицу. Отсюда нетрудно забраться в номер и уйти незамеченным. Впрочем, так же легко подняться сюда незамеченным и по лестнице. Он только что сам это проделал.

Пуаро спокойно удалился, бесшумно закрыв за собой дверь. Он пошел в свою комнату. В ней было очень холодно. Он снова спустился в холл, поколебался, но потом, подгоняемый вечерним холодом, решительно вошел в комнату «Только для постоянных жильцов», придвинул к огню второе кресло и сел.

Монументальная старая леди вблизи выглядела еще более устрашающей. У нее были серо-стальные волосы, пышно растущие усы, и, когда она заговорила, выяснилось, что у нее глубокий, внушающий ужас голос.

— Эта гостиная, — сказала она, — предназначена только для лиц, проживающих в отеле.

— Я проживаю в этом отеле, — ответил Эркюль Пуаро.

Старая леди минуты две размышляла, прежде чем возобновить атаку, затем сказала тоном обвинения:

— Вы иностранец.

— Да, — ответил Эркюль Пуаро.

— По моему мнению, — сказала старая леди, — вы все должны вернуться.

— Куда вернуться? — спросил Пуаро.

— Туда, откуда и приехали, — твердо заявила старая леди; как бы подводя итог, прибавила:

— Иностранцы! — и фыркнула.

— Это было бы трудно, — мягко сказал Пуаро.

— Чепуха, — отрезала старая леди. — А за что же мы сражались в этой войне? За то, чтобы все могли вернуться на свои места и жить там.

Пуаро не стал спорить. Он уже знал, что у каждого человека существует своя версия того, «за что мы сражались в этой войне».

Воцарилась враждебная тишина.

— Я не знаю, что за времена теперь наступают, — сказала старая

леди. — Просто не знаю. Каждый год я приезжаю и останавливаюсь здесь. Мой муж умер здесь шестнадцать лет назад. Он похоронен здесь. Я каждый год приезжаю на месяц.

— Благочестивое паломничество, — сказал Пуаро вежливо.

— И каждый год дела обстоят все хуже и хуже. Никакого обслуживания. Несъедобная пища. Бифштекс по-венски, как бы не так! Бифштексы делают из огузка или из филея, а не из тощей конины...

Пуаро печально покачал головой.

— Одно хорошо: они закрыли этот аэродром, — сказала старая леди. — Просто позор, когда молодые летчики приходили сюда с этими ужасными девицами. Ну и девицы! Не знаю, о чем только думают их матери. Разрешать им так шляться! Я порицаю правительство: матерей посылают работать на заводах, освобождают только тех, у кого маленькие дети. Чепуха и ерунда! За маленьким ребенком каждый может присмотреть. Младенец не побежит за солдатами. А за девушками от четырнадцати до восемнадцати лет действительно надо смотреть. Им нужны матери. Только они могут знать, что у дочек на уме. Солдаты! Летчики! Только об этом девчонки и думают... Американцы! Негры! Поляки...

Возмущение старой леди было так велико, что она закашлялась. Когда кашель прошел, она продолжала, все больше распаляясь:

— Почему вокруг их лагерей колючая проволока? Чтобы солдаты не приставали к девушкам? Нет, чтобы девушки не приставали к солдатам! Они просто помешаны на мужчинах. Посмотрите, как они одеваются. Брюки! А некоторые дуры носят шорты! Они не делали бы этого, если бы знали, как это выглядит сзади!

— Я согласен с вами, мадам...

— А что они носят на головах?! Шляпы? Нет, скрученный кусок материи, а лица покрывают краской и пудрой. Грязное пятно вокруг рта. Красные ногти не только на руках, но и на ногах!..

Старая леди сделала передышку и выжидательно посмотрела на Пуаро. Он вздохнул и покачал головой.

— Даже в церкви, — продолжала старая леди, — без шляпы. Иногда даже без этих глупых шарфов. Только эти безобразные, завитые перманентом волосы. Волосы? Никто сейчас и не знает, что такое волосы. Когда я была молода, я могла сидеть на своих волосах!..

Пуаро бросил украдкой взгляд на серо-стальные букли. Казалось невероятным, что эта свирепая старая леди когда-то была молода.

— На днях одна из них заглянула сюда, — продолжала старая леди. — Повязанная оранжевым шарфом, накрашенная и напудренная. Я

посмотрела на нее. Я только посмотрела на нее! И она ушла обратно!

— Она не принадлежала к постоянным жильцам, — продолжала старая леди. — Ни одна подобная особа здесь не останавливается, слава Богу. Так что же ей понадобилось в спальне мужчины? Отвратительно, иначе не назовешь. Я сказала об этой девице хозяйке, этой Липинкот, но она так же испорчена, как и все, — готова бежать на край света ради любого, кто носит брюки.

У Пуаро пробудился легкий интерес к рассказу.

— Та женщина вышла из спальни мужчины? — переспросил он.

Старая леди с жаром ухватилась за эту тему.

— Да, именно так. Я видела ее своими собственными глазами. Из пятого номера.

— А в какой день это было?

— Накануне того дня, когда поднялся весь этот шум с убитым мужчиной. Какой позор, что все это случилось здесь. Раньше это было очень приличное старомодное местечко. А теперь...

— А в котором часу дня это было?

— Дня? Это было вовсе не днем. Вечером. Даже поздно вечером. Совершенный позор! После десяти. Я ложусь спать в четверть одиннадцатого. И вот она выходит из номера пятого, наглая бесстыдница, пялится на меня, затем снова скрывается в номере, смеясь и болтая с тем мужчиной.

— Вы слышали его голос?

— Я же говорю вам. Она исчезает за дверью, а он кричит: «Уходи, убирайся отсюда, я уже сыт по горло!» Красиво, когда мужчина так разговаривает с девушкой! Но они сами виноваты. Нахалки!..

— Вы этого не рассказывали полиции? — спросил Пуаро.

Она пронзила его взглядом василиска^[3] и, шатаясь, поднялась с кресла. Возвышаясь над ним и глядя сверху вниз, она произнесла:

— У меня никогда никаких дел с полицией не было. С полицией! Вот еще! Я — и полиция?!

Бросив последний злобный взгляд на Пуаро и дрожа от ярости, она вышла из комнаты.

Несколько минут Пуаро сидел, задумчиво поглаживая усы, а затем пошел искать Беатрис Липинкот.

— О да, мосье Пуаро, вы имеете в виду старую миссис Лидбеттер? Вдова каноника Лидбеттера, она каждый год приезжает сюда, но, конечно, между нами говоря, она — сущее наказание. Иногда она ужасно груба с людьми и, кажется, не понимает, что в наше время многое изменилось.

Правда, ей почти восемьдесят.

— Но она в ясном уме? Она сознает, что говорит?

— О да! Она весьма проницательная старая леди. Иногда даже слишком.

— Вы не знаете, что за молодая женщина приходила к убитому во вторник вечером?

Лицо Беатрис выразило удивление.

— Я не помню, чтобы молодая женщина приходила к нему. Как она выглядела?

— На голове у нее был оранжевый шарф, лицо, насколько я понял, сильно накрашено. Она была в номере и говорила с Арденом во вторник в десять пятнадцать вечера.

— Честное слово, мосье Пуаро, понятия не имею!

Задумавшись, Пуаро отправился искать инспектора Спенса.

Спенс выслушал рассказ Пуаро молча. Затем он откинулся в кресле и медленно кивнул головой.

— Странно, не правда ли? — сказал он. — Как часто нам приходится возвращаться к той же старой формуле: «Cherchez la femme».

Французское произношение инспектора было не так хорошо, как у сержанта Грейвса, но он гордился им. Он встал и пересек комнату. Затем вернулся, держа что-то в руке. Это была губная помада в золоченом картонном футлярике.

— У нас с самого начала было свидетельство того, что в деле может быть замешана женщина, — сказал он.

Пуаро взял помаду и слегка мазнул ею по тыльной стороне ладони.

— Хорошего качества, — сказал он. — Темно-вишневый цвет, обычно употребляемый брюнетками.

— Да. Она была найдена на полу в пятом номере. Закатилась под комод, и вполне допустимо, что пролежала там некоторое время. Никаких отпечатков пальцев. Но теперь ведь нет такого разнообразия губной помады, как раньше. Всего несколько цветов.

— И разумеется, вы уже провели расследование?

Спенс улыбнулся.

— Да, — сказал он, — мы уже провели расследование, как вы называете. Розалин Клоуд употребляет такую помаду. И Лин Марчмонт. Фрэнсис Клоуд использует более мягкий оттенок. Миссис Лайонел Клоуд совсем не красит губы. Миссис Марчмонт предпочитает бледно-розовый цвет. Беатрис Липинкот, видимо, не употребляет такой дорогой помады, ее служанка Глэдис — тоже...

Он остановился.

— Вы досконально все разузнали, — сказал Пуаро.

— Не достаточно досконально. Теперь похоже, будто в деле замешан кто-то посторонний — быть может, какая-нибудь женщина, которую Андерхей знал раньше.

— И которая была у него во вторник в десять пятнадцать вечера?

— Да, — сказал Спенс и прибавил со вздохом:

— Это снимает подозрения с Дэвида Хантера.

— Вы уверены?

— Да. Его светлость наконец соизволили дать показания. После того как его поверенный приходил и увещевал его. Вот его собственный отчет о том, где он был.

Пуаро читал аккуратно отпечатанную записку:

«Выехал из Лондона в Вормсли Хит поездом четыре шестнадцать. Прибыл туда в пять тридцать. Пошел в Фэрроубэнк пешеходной тропой».

— Причина его приезда, — вставил старший инспектор, — необходимость, по его словам, взять некоторые вещи, оставшиеся здесь, письма и бумаги, чековую книжку, а также посмотреть, не вернулись ли рубашки из стирки.

Разумеется, рубашек еще не было. Честное слово, стирка в наши дни превращается в целую проблему. Уже четыре недели, как у нас взяли стирку, в доме не осталось ни одного чистого полотенца, и теперь моя жена сама стирает все мои вещи...

После этого по-человечески очень понятного отступления старший инспектор вернулся к показаниям Дэвида.

«Ушел из Фэрроубэнка в семь двадцать пять и утверждает, что, опоздав на поезд семь тридцать, пошел погулять, потому что до девяти двадцати поезда нет...»

— В каком направлении он отправился гулять?

Инспектор посмотрел на свои записи.

— Говорит, что к Даунс Копс, Бэтс Хилл и Лонг Ридж.

— То есть полный круг в обход Белой виллы.

— Честное слово, вы на лету усваиваете местную географию, мосье Пуаро!

Пуаро улыбнулся и покачал головой.

— Нет, я не знаю перечисленных вами мест. Я просто угадал.

— Ах так, просто угадали? — Инспектор покосился на Пуаро. — Затем, по его словам, когда он поднялся на Лонг Ридж, он понял, что должен поторапливаться, и помчался напрямик к станции Вормсли Хит. Он

еле-еле поспел на поезд, прибыл на вокзал Виктории в десять сорок пять, пошел в Шепердс-Корт, прибыл туда в одиннадцать часов. Последнее подтверждает миссис Гордон Клоуд.

— А чем подтверждается все остальное?

— Подтверждения есть, хотя их крайне мало. Роули Клоуд и другие видели, как он приехал в Вормсли Хит. Служанок не было дома (у Дэвида, конечно, есть свой ключ), так что они его не видели, но нашли в библиотеке окурки папиросы, весьма их заинтриговавший, а также обнаружили беспорядок в бельеовом шкафу. Затем один из садовников, работавший допоздна — закрывал теплицы, кажется, — заметил его. Мисс Марчмонт встретила его у Мардонского леса, когда он бежал к поезду.

— Кто-нибудь видел, успел ли он на поезд?

— Нет, но он позвонил по телефону из Лондона мисс Марчмонт в одиннадцать ноль пять.

— Это проверено?

— Да, мы уже получили ответ на запрос о звонках по этому номеру. Был телефонный разговор в кредит в одиннадцать ноль четыре, с Вормсли Вейл, номер 34. Это номер мисс Марчмонт.

— Очень, очень интересно, — пробормотал Пуаро.

Но Спенс продолжал старательно и методично:

— Роули Клоуд ушел от Ардена без пяти девять. Он совершенно уверен, что не раньше. Примерно в девять десять Лин Марчмонт видит Дэвида Хантера у Мардонского леса. Предположим даже, что он пробежал всю дорогу от «Оленя», — было ли у него время встретиться с Арденом, поспорить с ним, убить его и добраться до леса? Мы тщательно рассчитали все, и не думаю, что это возможно. Однако теперь мы начинаем сначала. Арден вовсе не был убит в девять часов, он еще был жив в четверть одиннадцатого, если только это не приснилось вашей старой леди. Он был убит или той женщиной, которая обронила свою губную помаду, женщиной в оранжевом шарфе, или кем-то, кто вошел после ухода этой женщины. И тот, кто совершил убийство, предусмотрительно перевел стрелки часов назад, на девять десять...

— Что сильно осложнило бы положение Хантера, если бы он не встретил случайно Лин Марчмонт в том месте, где он никак не мог ожидать ее встретить, — сказал Пуаро.

— Да, осложнило бы. Поезд девять двадцать — последний из Вормсли Хит. Уже темнело. Этим поездом всегда едут игроки в гольф. Никто не заметил бы Дэвида, да станционные служащие и не знают его в лицо. А в Лондоне он не взял такси. Так что в этом случае только слова его сестры

подтверждали бы, что он действительно вернулся в Шепердс-Корт тогда, когда он говорит.

Пуаро молчал, и Спенс спросил:

— О чем вы думаете, мосье Пуаро?

Пуаро сказал:

— Продолжительная прогулка вокруг Белой виллы. Встреча в Мардонском лесу. Позднее — телефонный звонок... А Лин Марчмонт помолвлена с Роули Клоудом... Очень бы мне хотелось знать, о чем они тогда говорили по телефону?

— Вами движет свойственное людям любопытство?

— О да! — ответил Пуаро. — Мною всегда движет именно такого рода любопытство.

Глава 8

Становилось поздно, но Пуаро хотел нанести еще один визит. Он подошел к дому Джереми Клоуда. Там маленькая, смышленная на вид служанка провела его в кабинет, в котором хозяина не было.

Оставшись один, Пуаро с интересом огляделся. Даже дома у Джереми все очень правильно и сухо, как пыль, подумал он. На письменном столе стоял большой портрет Гордона Клоуда. Другая выцветшая фотография изображала лорда Эдварда Трентона верхом на коне. Пуаро рассматривал этот портрет, когда вошел Джереми Клоуд.

— А, простите, — в некотором смущении Пуаро поставил назад фотографию.

— Отец моей жены, — сказал Джереми с горделивой ноткой в голосе. — И одна из его лучших лошадей Честнат. Пришла второй на дерби тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Вы интересуетесь скачками?

— Увы, нет.

— Поглощают массу денег, — сухо сказал Джереми. — Лорд Эдвард обанкротился из-за них, был вынужден уехать за границу и жить там. Да, этот спорт — дорогое удовольствие.

Но все же в его голосе по-прежнему звучала та же горделивая нотка.

Пуаро решил, что сам Джереми скорее выбросил бы деньги на улицу, чем вложил в лошадей, но люди, поступающие так, вызывают у него тайное восхищение. Клоуд продолжал:

— Чем могу быть полезен, мосье Пуаро? Вся наша семья в долгу перед вами за то, что вы разыскали майора Портера, который опознал убитого.

— Кажется, вся семья ликует по этому поводу, — сказал Пуаро.

— О, это несколько преждевременная радость, — сухо возразил Джереми. — Еще много воды должно утек. Ведь смерть Андерхея в Африке была установлена. Нужны годы, чтобы опровергнуть такого рода факт. К тому же показания Розалин были очень определены. Она произвела хорошее впечатление на суд...

Казалось, Джереми Клоуд не хотел рассчитывать на какое-либо улучшение в своем будущем.

Затем, раздраженным и усталым жестом отодвинув какие-то бумаги, он сказал:

— Но вы хотели видеть меня.

— Я хотел спросить вас, мистер Клоуд, вполне ли вы уверены, что ваш брат не оставил завещания? Я имею в виду завещания, сделанного после женитьбы...

На лице Джереми отразилось удивление.

— Не думаю, чтобы когда-нибудь возникало такое предположение. И до отъезда из Нью-Йорка он, безусловно, не делал завещания.

— Он мог его составить за два дня пребывания в Лондоне.

— У юриста?

— Или написать его самолично.

— И заверить его? А кто бы его мог заверить?

— В доме было трое слуг, — напомнил ему Пуаро. — Трое слуг, которые погибли в ту же ночь, что и он.

— Гм... Да... Но даже в том случае, если он поступил, как вы предполагаете, завещание тоже погибло при бомбежке.

— Ну, это еще вопрос. Недавно множество документов, которые считались полностью утраченными, было расшифровано новым способом. Например, документы, испепеленные внутри домашних сейфов, но не настолько поврежденные, чтобы их не удалось прочитать.

— В самом деле, мосье Пуаро, ваша идея чрезвычайно интересна. Чрезвычайно интересна. Но я не думаю... Нет, я просто не верю, чтобы из этого что-нибудь вышло... Насколько мне известно, в доме на Шеффилд-Террас не было сейфа. Гордон все ценные бумаги и прочее держал в своей конторе, а там завещания, безусловно, не было.

— Но ведь можно сделать запрос, — настаивал Пуаро. — Навести справки. Вы можете уполномочить меня сделать это?

— О, конечно, конечно. Было бы очень любезно с вашей стороны заняться этим. Но, боюсь, у меня нет никакой веры в успех этой затеи. Разве что случайно... Так вы, значит, сразу возвращаетесь в Лондон?

Глаза Пуаро сузились: в тоне Джереми прозвучало явное нетерпение.

«Возвращаетесь в Лондон»... Неужели они все хотят, чтобы он ушел с дороги?

Прежде чем он смог ответить, открылась дверь и вошла Фрэнсис Клоуд.

Пуаро поразили два обстоятельства. Во-первых, то, что она выглядела совершенно больной. Во-вторых, очень сильное сходство ее с фотографией отца.

— Мосье Пуаро пришел навестить нас, дорогая, — сказал без всякой необходимости Джереми.

Она пожала ему руку, и Джереми Клоуд немедленно сообщил ей

предложение Пуаро поискать завещание.

Фрэнсис выразила сомнение.

— Очень мало шансов, мне кажется.

— Мосье Пуаро возвращается в Лондон и любезно предложил навести справки.

— Насколько я знаю, майор Портер возглавлял противовоздушную оборону в этом районе, — сказал Пуаро.

Странное выражение мелькнуло на лице миссис Клоуд.

— А кто такой этот майор Портер?

Пуаро пожал плечами.

— Офицер в отставке, живущий на пенсию.

— Он действительно был в Африке?

Пуаро с любопытством посмотрел на нее.

— Конечно, мадам. А почему бы и нет?

Она сказала с отсутствующим видом:

— Не знаю. Он изумил меня.

— Да, миссис Клоуд, — произнес Пуаро. — Это мне понятно.

Она быстро взглянула на него. Что-то похожее на страх промелькнуло в ее глазах.

Повернувшись к мужу, она сказала:

— Джереми, мне очень жаль Розалин. Она совсем одна в Фэрроубэнке и, наверно, очень подавлена арестом Дэвида. Ты не будешь возражать, если я приглашу ее пожить пока здесь, у нас?

— А ты думаешь, что это было бы желательно, дорогая? — спросил Джереми с сомнением в голосе.

— О, желательно? Я не знаю, но нужно быть гуманным. Она так беспомощна.

— Вряд ли она согласится.

— Но, во всяком случае, я могу пригласить ее.

Адвокат спокойно сказал:

— Ну, сделай так, если от этого почувствуешь себя счастливее.

— Счастливее?

Это слово вырвалось у нее со странной горечью. Затем она быстро взглянула на Пуаро.

Пуаро вежливо пробормотал:

— Разрешите мне попрощаться с вами.

Она проводила его в переднюю.

— Вы возвращаетесь в Лондон?

— Я поеду туда завтра, но самое большее на двадцать четыре часа. А

потом я вернусь в гостиницу «Олень», где вы найдете меня, мадам, если я вам понадоблюсь.

Она резко спросила:

— Зачем вы можете мне понадобиться?

Пуаро не ответил на вопрос и просто повторил:

— Я буду в «Олене»...

Позже, в ту же ночь, Фрэнсис Клоуд говорила мужу:

— Я не верю, что этот человек едет в Лондон по той причине, которую называет. Я не верю всем этим разговорам о том, что Гордон составил завещание. А ты веришь этому, Джереми?

Безнадежный, усталый голос ответил ей:

— Нет, Фрэнсис, нет, он едет по какой-то другой причине.

— По какой?

— Понятия не имею.

Фрэнсис спросила:

— А что мы будем делать, Джереми? Что нам теперь делать?

Помолчав, он ответил:

— Я думаю, Фрэнсис, остается делать только одно...

Глава 9

Испросив у Джереми Клоуда необходимые полномочия и документы, Пуаро быстро получил ответы на все свои вопросы. Ответы были вполне определены.

Дом был разрушен до основания. Участок был расчищен только совсем недавно, при подготовке к новой стройке. Никого не осталось в живых, кроме Дэвида Хантера и миссис Клоуд. В доме находилось трое слуг: Фредерик Гейм, Элизабет Гейм и Эйлин Карриган. Все трое погибли сразу. Гордон Клоуд был вынесен живым, но скончался по дороге в больницу, не приходя в сознание.

Пуаро записал фамилии и адреса родственников троих слуг. «Возможно, — объяснил он, — что слуги сообщали своим друзьям какие-нибудь сплетни или пересуды, и это может дать мне ключ к некоторым крайне необходимым сведениям...»

Чиновник, с которым он говорил, был настроен очень скептически. Геймы были родом из Дорсета, а Эйлин Карриган — из графства Корк.

Затем Пуаро направил стопы к квартире майора Портера. Он помнил слова Портера, что тот прежде возглавлял противовоздушную оборону, и надеялся, что майор мог быть на дежурстве в ту самую ночь и видеть что-либо из происшедшего на Шеффилд-Террас.

Были у Пуаро и другие причины желать разговора с майором Портером.

Свернув за угол улицы Эджвей, он был поражен, увидев полицейского в форме возле того самого дома, куда он направлялся. Мальчишки и другие какие-то люди стояли кольцом, глядя на окна дома.

Сердце Пуаро упало: по этим признакам он понял, что произошло.

Констебль преградил Пуаро путь.

— Туда нельзя, сэр, — сказал он.

— Что случилось?

— Вы ведь не живете в этом доме, сэр?

Пуаро покачал головой.

— К кому вы шли?

— Я хотел видеть майора Портера.

— Вы его друг, сэр?

— Не могу претендовать на звание друга. А что случилось?

— Джентльмен застрелился, насколько я понимаю. А вот и инспектор.

Дверь открылась, и вышли двое. Один из них был местным инспектором, а в другом Пуаро узнал сержанта Грейвса из Вормсли Вейл. Сержант тоже узнал Пуаро и познакомил его с инспектором.

— Лучше войдем, — сказал инспектор.

Все трое вошли в дом.

— Они телефонировали в Вормсли Вейл, — объяснил Грейвс. — И старший инспектор Спенс послал меня сюда.

— Самоубийство?

Инспектор ответил:

— Да. Кажется, ясный случай. Не знаю, может, на него подействовало то, что ему пришлось давать показания на дознании. Иногда это странно действует на людей. Но он, насколько я понял, последнее время вообще был в подавленном настроении. Финансовые трудности и так далее. Застрелился из собственного револьвера.

Пуаро спросил:

— Вы разрешите мне пройти наверх?

— Если хотите, мосье Пуаро. Проведите, сержант.

— Да, сэр.

Грейвс повел Пуаро в комнату на втором этаже. Комната выглядела так же, как ее помнил Пуаро: блеклых цветов старые ковры, книги. Майор Портер сидел в большом кресле. Его поза была почти естественной, только голова упала вперед. Правая рука повисла сбоку, и под ней, на ковре, лежал револьвер. В воздухе до сих пор чувствовался очень слабый запах пороха.

— Считают, что это произошло часа два назад, — сказал Грейвс. — Никто не слышал выстрела. Хозяйка ходила за покупками.

Пуаро хмурился, глядя на неподвижную фигуру Портера с маленькой опаленной ранкой на правом виске.

— Уже составили себе представление, почему он это сделал, мосье Пуаро? — спросил Грейвс.

Он относился к Пуаро почтительно, потому что видел почтительное отношение к нему инспектора Спенса. По его же личному мнению, Пуаро был тоже одним из этих ужасных старых отставников.

Пуаро с отсутствующим видом ответил:

— Да-да, причина была очень основательная. Трудность не в этом.

Его взгляд упал на маленький столик слева от майора Портера. На нем стояла большая, тяжелая стеклянная пепельница, лежала трубка и коробок спичек. Ничего больше. Он обвел комнату глазами. Затем подошел к бюро, крышка которого была открыта.

Здесь все было очень аккуратно. Бумаги тщательно сложены. В центре

— маленькое пресс-папье, письменный прибор с ручкой и двумя карандашами, пачка чистой бумаги и марки. Все в полном порядке. Обычная жизнь и упорядоченная смерть... Ну, конечно... в этом все дело... вот чего не хватает! Он спросил у Грейвса:

— Он не оставил никакой записки? Никакого письма к коронеру?

Грейвс покачал головой.

— Нет, не оставил. А от бывшего военного можно было этого ожидать.

— Да, это очень странно...

Пунктуальный в жизни, майор Портер оказался не пунктуальным в смерти.

То, что Портер не оставил записки, думал Пуаро, было не правильно.

— Это будет ударом для Клоудов, — сказал Грейвс. — Для них это означает потерю позиций. Им придется выискивать еще кого-нибудь, кто близко знал Андерхея...

Он в нетерпении переступил с ноги на ногу.

— Хотите еще что-нибудь посмотреть, мосье Пуаро?

Пуаро отрицательно покачал головой и вслед за Грейвсом вышел из комнаты.

На лестнице они встретили хозяйку. Она явно наслаждалась своей причастностью к волнующему событию и сразу начала тараторить. Грейвс проворно удалился, предоставив одному Пуаро выслушивать ее болтовню.

— Просто не могу перевести дыхание. Сердце, вот это что. Грудная жаба. От нее умерла моя мать, упала замертво, идя по рынку. Я сама чуть не упала, когда нашла его... О, во мне все перевернулось! Никогда ничего подобного не ожидала, хотя он уже давно был в подавленном настроении. Беспокоился из-за денег, я думаю, и жил впроголодь. А ведь никогда не позволял угостить себя чем-нибудь. И потом, вчера ему пришлось ехать в Остшир, в Вормсли Вейл, давать показания в суде. Это подействовало на его разум, это точно. Он выглядел ужасно, когда вернулся. Шагал по комнате всю ночь. Взад и вперед, взад и вперед. Там человек был убит, и его большой друг, как говорят. Бедняга, это потрясло его. Взад и вперед, взад и вперед. А потом я пошла за покупками, мне пришлось долго простоять в очереди за рыбой, и я поднялась спросить, не выпьет ли он чашку чая, а он сидит, несчастный, револьвер выпал из руки, а сам откинулся в кресле. Это ужасно на меня подействовало, честное слово. Пришлось звать полицию и все такое... И я спрашиваю: каким же становится мир?

— Мир становится трудным для жизни, — медленно ответил Пуаро, — и это касается всех, кроме сильных.

Глава 10

Был девятый час, когда Пуаро вернулся в «Олень». Его ждала записка от Фрэнсис Клоуд с просьбой прийти к ней. Он пошел тотчас же.

Фрэнсис ждала его в гостиной. Этой комнаты он раньше не видел. Открытые окна выходили в обнесенный высоким забором сад, где в полном цвету стояли груши. На столах были вазы с тюльпанами. Навощенная старая мебель сияла, медь решетки и угольные щипцы весело поблескивали. В камине горел яркий огонь.

«Очень красивая комната», — подумал Пуаро.

— Вы сказали, что я захочу вас видеть, мосье Пуаро. Вы были совершенно правы. Мне надо кое-что сказать. И я думаю, лучше всего рассказать это вам.

— Всегда легче, мадам, рассказывать новость тому, кто уже прекрасно знает, в чем она заключается.

— Вы думаете, что знаете, о чем я собираюсь рассказать?

Пуаро кивнул.

— С каких пор?..

Она оставила вопрос неоконченным, но он поспешно ответил:

— С того момента, как я увидел фотографию вашего отца. В вашей семье очень сильны черты фамильного сходства. Нельзя было бы сомневаться в том, что вы и он — родственники. И так же сильно проявлялось это сходство у человека, который пришел сюда под именем Инока Ардена.

Она вздохнула — глубокий, печальный вздох.

— Да-да, вы правы, хотя у бедного Чарлза была борода. Это был мой двоюродный брат, мосье Пуаро. Я никогда не знала его хорошо, но когда мы были маленькими детьми, мы играли вместе... А теперь я привела его к смерти — к отвратительной, жалкой смерти...

Минуты две они молчали. Затем Пуаро мягко сказал:

— Вы расскажете мне...

Она очнулась.

— Да, это надо рассказать. Мы были в отчаянном денежном положении — вот с чего все началось. Мой муж... у моего мужа были серьезные неприятности... самые скверные неприятности. Ему угрожало бесчестье, быть может, тюрьма... Да, собственно, и сейчас еще угрожает... Поверьте, мосье Пуаро, тот план, который я составила и осуществила, —

это мой план, муж не имеет к нему ни малейшего отношения. Подобные планы вообще ему совершенно несвойственны — для него это слишком рискованно. Я же никогда не боялась риска. И должно быть, всегда была неразборчива в средствах. Например, я прежде всего попросила в долг у Розалин Клоуд. Не знаю, дала бы она мне денег или нет, будь она одна. Но вмешался ее брат. Он был в отвратительном настроении и нанес мне — так я считаю — незаслуженное оскорбление.

Поэтому, обдумывая свой план и приводя его в исполнение, я не испытывала никаких угрызений совести. Надо вам сказать, что в прошлом году мой муж пересказал мне довольно интересный разговор, который он слышал в клубе.

Насколько я знаю, вы присутствовали при этом разговоре, поэтому я не буду вдаваться в подробности. Он позволял предположить, что первый муж Розалин не умер — и в таком случае, разумеется, у нее не было бы никаких прав на деньги Гордона. Конечно, это было лишь неясное предположение, но оно засело в нашем сознании как некий слабый шанс, который мог бы осуществиться. И мне внезапно пришло в голову, что можно кое-что сделать, используя это предположение. Чарлз, мой кузен, жил в деревне, в очень бедственном положении. Он побывал в тюрьме и был совершенно беспринципен, но на войне держался хорошо. Я попросила его помочь нам... Конечно, это был шантаж, не более и не менее. Но мы думали, что у нас хорошие шансы на успешное завершение этого дела. В худшем случае, думала я, Дэвид Хантер откажется платить. Я не думала, что он мог бы обратиться в полицию: люди, подобные ему, не любят полицию...

Ее голос зазвучал глуше.

— Наш план как будто бы удался. Обмануть Дэвида оказалось легче, чем мы думали. Конечно, Чарлз не мог прямо выдавать себя за Роберта Андерхея. Розалин в один момент разоблачила бы его. Но, к счастью, она переехала в Лондон, и это дало Чарлзу возможность, по крайней мере, намекнуть, что, может быть, он сам и есть Роберт Андерхей. Итак, как я уже говорила, Дэвид, казалось, попался на нашу удочку. А вместо этого...

Голос ее теперь задрожал.

— Нам следовало знать, что Дэвид — опасный человек. Чарлз умер... убит... А если бы не я, он был бы жив. Я послала его на смерть...

Спустя некоторое время она продолжала сухим тоном:

— Вы можете представить себе, что я испытываю с тех пор.

— Тем не менее, — сказал Пуаро, — вы быстро сообразили, как действовать дальше. Это вы подговорили майора Портера опознать в вашем

кузене Роберта Андерхея?..

Но она прервала его:

— Нет, клянусь вам, нет! — повторяла она со страстью. — Только не это! Никто не был удивлен больше меня... Удивлен? Да нет, я была просто ошарашена, когда этот майор Портер вышел и заявил, что Чарлз — наш Чарлз! — это Роберт Андерхей. Я этого не могла понять... И до сих пор не понимаю.

— Но кто-то ходил к майору Портеру. Кто-то уговорил его или подкупил, чтобы он опознал в убитом Андерхея...

Фрэнсис решительно сказала:

— Только не я. И не Джереми. Ни он, ни я не способны на это. О, я понимаю, для вас это звучит абсурдно! Вы считаете, что раз я способна на шантаж, то так же легко пошла бы и на мошенничество. Но для меня между шантажом и мошенничеством лежит пропасть. Вы должны понять: я была внутренне убеждена — да и сейчас тоже, — что мы имеем право на часть денег Гордона. Я была готова добыть обманом то, что мне не удалось получить честным путем. Но сознательно, обдуманно лишить Розалин всего, ложно показав, что она вовсе не жена Гордона... О нет, уверяю вас, мосье Пуаро, этого я не могла бы сделать. Прошу вас, прошу, верьте мне.

— Я считаю, — медленно сказал Пуаро, — что каждый способен только на определенного рода дурные поступки. Я верю вам.

Затем он пристально взглянул на нее.

— Вам известно, миссис Клоуд, что майор Портер сегодня днем застрелился?

Она отпрянула. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас.

— О нет, мосье Пуаро, не может быть!

— Да, мадам. Видите ли, майор Портер был честным человеком. Он оказался в тяжелом материальном положении, и, когда пришло искушение, он, как и многие другие, не смог устоять. Ему могло показаться, он мог убедить себя, что его ложь морально оправдана. Он уже раньше был глубоко предубежден против женщины, на которой женился его друг Андерхей. Он считал, что она низко поступила с его другом. А затем эта бессердечная маленькая авантюристка вышла замуж за миллионера и завладела состоянием своего второго мужа в ущерб его собственной родне. Портеру, наверно, казалось заманчивым вставлять ей палки в колеса. Ему казалось, она заслужила это. И кроме того, опознав убитого, он обеспечил бы себе будущее. Когда Клоудов восстановили бы в правах, он, Портер, получил бы свою долю... Да, я вижу, как велико было искушение. Но, как и многим людям его типа, ему не хватало воображения. Он никогда не

предполагал, что будет чувствовать себя так ужасно во время дознания. Это было заметно. А в ближайшем будущем ему предстояло повторить ту же ложь под присягой. И не только это: был арестован человек, обвиненный в убийстве, и ложное опознание убитого дало очень весомое подтверждение этому обвинению. Майор вернулся домой, честно посмотрел фактам в лицо и избрал тот выход, который казался ему наилучшим.

— Он застрелился?

— Да.

Фрэнсис пробормотала:

— Он не сказал, кто... Кто?

Пуаро медленно покачал головой.

— Нет. У него был свой кодекс чести. Никаких указаний на того, кто уговорил его совершить клятвопреступление.

Пуаро пристально смотрел на женщину. Да, несомненно, она испытала облегчение при этом известии. Но это было естественно в любом случае...

Она встала и подошла к окну, потом сказала:

— Итак, мы в том же положении, что были вначале...

Хотел бы знать Пуаро, о чем она сейчас думала.

Глава 11

На следующее утро инспектор Спенс употребил почти то же выражение, что и Фрэнсис.

— Итак, мы снова там, где начинали, — сказал он со вздохом. — Мы должны узнать, кто же на самом деле был этот Инок Арден.

— Это я вам могу сказать, инспектор, — сказал Пуаро. — Его настоящее имя Чарлз Трентон.

— Чарлз Трентон! — Инспектор свистнул. — Гм, один из этих Трентонов... Так, надо думать, это она его подтолкнула... то есть миссис Джереми... Однако мы вряд ли сможем доказать ее связь с этим делом. Чарлз Трентон. Мне кажется, я припоминаю...

Пуаро кивнул.

— Да. Он был под судом.

— Помню. Если не ошибаюсь, мошенничество в отелях. Являлся обычно в «Ритц», выходил оттуда, как будто живет там, и покупал «роллс-ройс» при условии, что будет его испытывать все утро, объезжал самые дорогие магазины и покупал вещи, и могу вас заверить, что чеки, данные человеком, которого у входа ждет «роллс», чтоб отвезти его покупки в «Ритц», не будут подвергаться сомнению. Кроме того, у него прекрасные манеры, он отлично воспитан. Он действительно живет в отеле неделю, другую, а затем, как только начинают возникать подозрения, спокойно удаляется, распродавая по дешевке различные предметы приятелям, к которым заезжает... Чарлз Трентон... Гм... — Инспектор посмотрел на Пуаро. — Так вы все это разузнали, да?

— Каковы успехи в деле против Дэвида Хантера?

— Нам придется освободить его. В тот вечер у Ардена была женщина. Мы основываемся не только на рассказе этой старой ведьмы. Джимми Пирс шел домой — его выставили из «Стога сена», он становится задирой после двух стаканов, — так вот, он видел, как какая-то женщина вышла из «Оленя» и заняла телефонную будку около почты. Это было сразу после десяти часов. Говорит, что это была совсем незнакомая ему женщина, которая, как он думает, останавливалась в «Олене». «Потаскушка из Лондона», — вот как он ее назвал.

— Он близко видел ее?

— Нет, с другой стороны улицы. Кто же, в самом деле, она была, мосье Пуаро?

— Он не говорил, как она была одета?

— Твидовое пальто, оранжевый шарф на голове, в брюках и сильно намазана. Совпадает с описанием старой леди.

— Да, совпадает. — Пуаро нахмурился.

Спенс спросил:

— Так кто же она? Откуда она взялась, куда исчезла? Вы знаете наше железнодорожное расписание. Поезд девять двадцать — последний на Лондон. А в обратном направлении — десять ноль три. Может, эта женщина околачивалась тут всю ночь и уехала в Лондон на поезде шесть восемнадцать утра? Может, у нее была своя машина? Может, она уехала с попутной?.. Мы разослали запросы по всем окрестностям — никакого результата.

— А как насчет поезда шесть восемнадцать?

— Он всегда переполнен и, кстати, большей частью мужчинами. Я думаю, что женщина была бы замечена — именно женщина такого типа. Конечно, она могла приехать и уехать на машине, но на машину сразу обращают внимание в Вормсли Вейл в нынешние времена. Мы ведь в стороне от магистрали.

— В ту ночь не была замечена машина?

— Только машина доктора Клоуда. Он выезжал к больному. Надо думать, кто-нибудь обратил внимание на неизвестную женщину в машине.

— Это не обязательно была неизвестная, — медленно сказал Пуаро. — Человек слегка пьяный, да еще на расстоянии сотни ярдов, мог и не узнать местную жительницу, не очень хорошо ему знакомую. Особенно если она оделась иначе, чем здесь принято...

Спенс посмотрел на него вопросительно.

— Узнал бы этот молодой Пирс, например, Лин Марчмонт? Она уезжала на несколько лет.

— Лин Марчмонт была в это время в Белой вилле со своей матерью, — сказал Спенс.

— Вы уверены?

— Миссис Лайонел Клоуд — эта ненормальная жена доктора — говорит, что она звонила ей туда по телефону в десять минут одиннадцатого. Розалин Клоуд была в Лондоне. Миссис Джереми... Ну, ее я никогда не видел в брюках, да она почти не красится. И ее никак нельзя назвать молодой.

— Мой дорогой, — Пуаро наклонился вперед, — в темную ночь, при тусклом свете уличных фонарей, разве узнаешь возраст женщины, к тому же еще накрашенной?

— Послушайте, Пуаро, — спросил Спенс, — к чему вы клоните?

Пуаро снова откинулся на стуле и сощурил глаза.

— Брюки, твидовое пальто, оранжевый шарф, закутывающий голову, много краски, потерянная помада. Это наводит да размышления...

— Можно подумать, что вы дельфийский оракул, — проворчал инспектор. — Хотя я понятия не имею, что это такое, но зато молодой Грейвс тоже любит щеголять подобными словечками, которые ничуть не помогают ему в сыскной деятельности. Еще будут какие-нибудь таинственные заявления, мосье Пуаро?

— Я уже говорил вам, — сказал Пуаро, — что это дело не правильных очертаний. В качестве примера я привел мертвеца, который был не правилен как Андерхей. Ясно, что Андерхей был чудаком с рыцарскими убеждениями, старомодным и консервативным. Человек в «Олене» был шантажистом; в нем не было ничего ни рыцарского, ни старомодного, ни консервативного, да и особенно чудаковатым его не назовешь — поэтому ясно, что он не был Андерхеем. Он не мог быть Андерхеем, потому что люди не меняются. Интересно здесь только то, что Портер назвал его Андерхеем.

— Это и привело вас к миссис Джереми?

— К миссис Джереми меня привело сходство. Очень определенные черты лица. Трентоновский профиль. Если разрешите мне неуместную шутку, в качестве Чарлза Трентона мертвец имел правильные очертания... Но есть еще много вопросов, на которые нам нужны ответы. Почему Дэвид Хантер так легко позволил себя шантажировать? Можно с уверенностью ответить? Нет. Итак, он тоже действует не в соответствии со своим характером. Затем Розалин Клоуд. Все ее поведение необъяснимо, но одно мне особенно хотелось бы знать: почему она боится? Почему она думает, что с ней обязательно случится что-нибудь дурное теперь, когда рядом нет больше ее защитника — брата? Кто-то... или что-то является причиной этого страха. И ведь не то чтобы она боялась потерять состояние, нет, она боится большего. Может быть, и она боится за свою жизнь...

— Боже милостивый! Мосье Пуаро, не думаете же вы...

— Вспомните, Спенс, вы только что сказали, что мы снова там, где начинали. Это значит, что и семья Клоудов там, где была. Роберт Андерхей умер в Африке. И жизнь Розалин стоит между ними и обладанием деньгами Гордона Клоуда...

— Вы в самом деле думаете, что кто-нибудь из них мог бы сделать это?

— Да, думаю. Розалин Клоуд двадцать шесть лет, и хотя психически

она неустойчива, но физически вполне сильна и здорова. Она может прожить до семидесяти, может еще дольше. Но пусть хотя бы еще только сорок четыре года. Не находите ли вы, инспектор, что кое-кому сорок четыре года могут показаться слишком большим сроком?..

Глава 12

Когда Пуаро вышел из полицейского участка, с ним почти сразу поздоровалась тетушка Кэтти. Она несла множество покупок и подошла к нему, задыхаясь от нетерпения.

— Это так ужасно — то, что произошло с майором Портером, — сказала она.

— Я знаю, его взгляд на жизнь был слишком материалистический. Армейская рутина, знаете ли, так ограничивает кругозор, и, хотя он столько времени провел в Индии, боюсь, что он прошел там мимо духовных ценностей. Ах, мосье Пуаро, упущенные возможности! Как это всегда печально!..

Во время этой взволнованной речи тетушка Кэтти, видимо, совсем забыла о своих покупках. Один из пакетов внезапно упал у нее из рук, и из него вывалилась в грязь тощая треска. Тетушка Кэтти так засуетилась, что, пока Пуаро спасал треску, выпустила из рук второй пакет — и банка с патокой весело покатилась по Хай-стрит.

— Большое спасибо, мосье Пуаро! — Тетушка Кэтти приняла в объятия треску, и Пуаро побежал за патокой. — О, благодарю вас... я такая неловкая... но уж очень я расстроилась. Этот несчастный человек... Да, она липкая, но мне, право, неловко воспользоваться вашим носовым платком... Ну, это очень любезно с вашей стороны... Так вот, я говорю, что в жизни мы умираем, а в смерти мы живем... Я нисколько не удивлюсь, если увижу астральное тело кого-нибудь из моих дорогих умерших друзей. Можно, знаете ли, даже встретить их на улице. Да вот совсем недавно, вечером, я...

— Разрешите? — Пуаро засунул треску в глубину сумки. — Да, так вы сказали?..

— Астральные тела, — сказала тетушка Кэтти. — Я попросила двухпенсовую монету, потому что у меня были только полупенсовые. Но в то же время я подумала, что это лицо мне знакомо. Я только не могла припомнить, чье оно... Да так и не припомнила... Но теперь я думаю, что, наверно, это кто-то, кто ушел в иной мир... может быть, уже давно... поэтому мое воспоминание было совсем смутным... Просто замечательно, что Провидение посылает нам людей, которые нам нужны, даже если мы нуждаемся только в монете для телефона. О Бог мой, какая очередь у булочника! Наверно, получили рулет с вареньем или пирожные. Надеюсь, я

еще успею...

Миссис Лайонел пустилась бежать через дорогу и присоединилась к очереди угрюмых женщин, вытянувшейся около кондитерского магазина.

Пуаро пошел дальше по Хай-стрит. Он не свернул к «Оленю». Вместо этого он направился к Белой вилле.

Ему очень хотелось поговорить с Лин Марчмонт, и он подозревал, что и Лин Марчмонт не прочь будет побеседовать с ним.

Было чудесное утро, совсем летнее, но все же с весенней свежестью, которая летом исчезает.

Пуаро свернул с дороги. Он увидел пешеходную тропу, ведущую вверх, мимо усадьбы Лонг Уиллоуз, к склону холма над Фэрроубэнком. Этим путем шел Чарлз Трентон со станции в пятницу, незадолго до смерти. По пути вниз, на склоне холма, он встретил поднимавшуюся Розалин Клоуд. Он не узнал ее, что было неудивительно, поскольку он не был Робертом Андерхеем, и она, естественно, по той же причине не узнала его. Но когда ей показали труп, она поклялась, что никогда прежде не видела этого человека. Сказала ли она так ради безопасности или в тот день она настолько была погружена в свои мысли, что даже не взглянула в лицо человеку, мимо которого прошла по тропе? Если так, то о чем она думала? Не думала ли она, случайно, о Роули Клоуде?

Пуаро свернул по боковой дорожке, которая вела к Белой вилле. Сад Белой виллы выглядел чудесно. В нем было много цветущих кустов сирени и золотых шаров, а в центре лужайки — старая развесистая яблоня. Под этой яблоней в шезлонге сидела Лин Марчмонт.

Она нервно вскочила, когда Пуаро церемонно пожелал ей доброго утра.

— Вы испугали меня, мосье Пуаро! Я не слыхала, как вы подошли по траве. Так вы еще здесь, в Вормсли Вейл?

— Я все еще здесь.

— Почему?

Пуаро пожал плечами.

— Это прелестное, уединенное место, где можно отдохнуть. Я отдыхаю.

— Я рада, что вы здесь, — сказала Лин.

— Так вы не скажете мне, как все остальные в вашей семье: «Когда вы вернетесь в Лондон, мосье Пуаро?» — и не будете с нетерпением ждать ответа?

— Они хотят, чтобы вы вернулись в Лондон?

— Кажется, так.

— Нет, я этого не хочу.

— Это я вижу. А почему, мадемуазель?

— Потому что это значит, что вы не успокоились. Не поверили в то, что это сделал Дэвид Хантер.

— А вам так сильно хочется, чтобы он... оказался невиновным?

Он заметил, как слабый румянец разлился под ее бронзовым загаром.

— Естественно, я не хочу, чтобы человека повесили за преступление, которого он не совершал.

— Естественно... О да!

— А полицейские просто предубеждены против него, потому что он дразнит их. Это худшее в Дэвиде: он любит дразнить людей.

— Полиция предубеждена не настолько, как вы думаете, мисс Марчмонт. Предубеждены были присяжные. Они отказались последовать совету коронера. Они вынесли приговор о виновности Дэвида, поэтому полиция была вынуждена арестовать его. Но могу вам сообщить, что полиция далеко не удовлетворена доказательствами в деле Дэвида.

Она спросила живо:

— Так, значит, они могут отпустить его?

Пуаро пожал плечами.

— А кто, вы думаете, совершил убийство, мосье Пуаро?

Пуаро медленно произнес:

— В тот вечер в «Олене» была какая-то женщина.

Лин воскликнула:

— Я ничего не понимаю. Когда мы думали, что этот человек — Роберт Андерхей, все казалось так просто. Почему майор Портер застрелился? Мы снова там, где начинали.

— Вы — третий человек, произносящий эту фразу.

— Да? — удивилась она. А что вы делаете теперь, мосье Пуаро?

— Разговариваю с людьми. Вот что я делаю. Просто разговариваю с людьми.

— И не спрашиваете их об убийстве?

Пуаро покачал головой.

— Нет, я только... как бы это сказать... собираю сплетни.

— И это помогает?

— Иногда да. Вас удивило бы, как много я знаю о повседневной жизни в Вормсли Вейл за последние несколько недель. Я знаю, кто куда ходил гулять, кого встречал, а иногда — что они говорили. Например, я знаю, что этот Арден шел в деревню по тропе мимо усадьбы Фэрроубэнк и спросил мистера Роули Клоуда о дороге, что у него не было багажа, — только

рюкзак. Я знаю, что Розалин Клоуд перед тем провела больше часа на ферме с Роули Клоудом и что там чувствовала себя счастливой, а это так необычно для нее.

— Да, — подтвердила Лин. — Роули говорил мне. Он сказал, что она была похожа на служанку, получившую выходной день.

— Ага, он так сказал? — Пуаро помолчал, затем продолжал:

— Да, я знаю кучу историй о том, кто куда ходил. И я слышал кучу историй о людях, находящихся в затруднительном материальном положении. Например, о вас и о вашей матери.

— Это не секрет, — сказала Лин. — Мы все пытались выжать деньги из Розалин. Вы это имели в виду, да?

— Я этого не говорил.

— Но это правда! И я полагаю, вы слышали сплетни обо мне и Роули и Дэвиде.

— Но вы собираетесь выйти замуж за Роули Клоуда?

— Собираюсь ли? Если б я сама знала... Именно это я пыталась решить в тот день, когда Дэвид выбежал из лесу. Эта мысль была похожа на большой вопросительный знак в моем мозгу. Что мне делать? Что мне делать? Даже поезд в долине, казалось, задавал тот же вопрос. Паровозный дым в небе стоял в форме вопросительного знака.

На лице Пуаро появилось странное выражение.

Неверно поняв его, Лин воскликнула:

— О, неужели вы не видите, мосье Пуаро, как все это трудно? Вопрос вовсе не в Дэвиде. Дело во мне! Я изменилась. Я была в отъезде три... почти четыре года. Теперь я вернулась, но вернулась другим человеком. И это общая трагедия. Люди возвращаются домой изменившимися, должны снова приспособливаться к прежней жизни. Нельзя уехать, жить по-иному и не измениться.

— Вы не правы, — сказал Пуаро. — Трагедия жизни состоит в том, что люди не меняются.

Она изумленно посмотрела на него, покачала головой. Он настаивал:

— Да-да. Это так. Но почему вы уехали одной из первых?

— Почему? Я ушла в армию, пошла служить.

— Да-да. Но почему вы вступили в армию в числе первых? Вы были помолвлены. Вы любили Роули Клоуда. Ведь вы могли бы работать на ферме, здесь, в Вормсли Вейл?

— Могла бы, наверно. Но я не хотела...

— Вы хотели уехать отсюда. Вы хотели побывать за границей, увидеть жизнь. Вы хотели, быть может, уехать от Роули Клоуда. И теперь вы

неспокойны, вам все еще хочется... уехать! О нет, мадемуазель, люди не меняются!

— Когда я была на Востоке, я тосковала по дому! — воскликнула Лин, как бы защищаясь.

— Да-да. Вам хотелось быть там, где вас не было. И так, может быть, с вами будет всегда. Вы мысленно рисуете себе картину, например, как Лин Марчмонт возвращается домой... Но эта картина не осуществляется, так как та Лин Марчмонт, которую вы воображаете, не настоящая Лин Марчмонт. Это та Лин Марчмонт, какой вы хотели бы быть.

Лин спросила с горечью:

— Значит, по-вашему, я никогда и нигде не буду довольна?

— Я этого не говорю. Но я утверждаю: когда вы уезжали, вы не были счастливы от своей помолвки с Роули, и теперь, когда вы вернулись, вы по-прежнему несчастливы.

Лин сорвала листок и задумчиво покусывала его.

— Чертовски здорово вы во всем разбираетесь, мосье Пуаро.

— Это мое ремесло, — скромно ответил Пуаро. — Я думаю, есть еще одна истина, которую вы пока не poznали.

— Вы имеете в виду Дэвида? Вы думаете, я люблю Дэвида?

— Ну, это вам самой решать, — пробормотал Пуаро сдержанно.

— А я не знаю! Что-то есть в Дэвиде, чего я боюсь. Но что-то и притягивает меня... — Она минуту помолчала, а затем продолжала:

— Вчера я говорила с его бригадным генералом. Когда он услышал, что Дэвид арестован, он приехал сюда узнать, чем может помочь. Генерал рассказывал мне, каким невероятно смелым был Дэвид. Он сказал, что Дэвид был одним из самых храбрых людей, какие когда-либо служили под его началом. И все же, знаете, мосье Пуаро, несмотря на все, что он говорил, на все его похвалы, у меня было такое чувство, будто он не совсем уверен, не абсолютно уверен, что Дэвид не сделал этого...

— И вы тоже не уверены?

Лин криво и как-то жалко улыбнулась.

— Нет... Видите ли, я никогда не доверяла Дэвиду. А разве можно любить человека, которому не доверяешь?

— К несчастью, можно.

— Я всегда была несправедлива к Дэвиду, потому что никогда не доверяла ему... Я многому верила из грязных местных сплетен... Верила намекам, что Дэвид вовсе и не Дэвид Хантер, а просто дружок Розалин Клоуд... Мне стало стыдно, когда я встретила этого бригадного генерала и он рассказал мне, что знал Дэвида еще мальчиком, в Ирландии.

— Это поразительно, — пробормотал Пуаро, — как люди любят хватать палку не с того конца.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что сказал. Вспомните: в ту ночь, когда произошло убийство, звонила вам по телефону миссис Клоуд — я имею в виду жену доктора?

— Тетушка Кэтти? Да, звонила.

— О чем был разговор?

— Какая-то невероятная путаница с какими-то отчетами...

— Она говорила из своего дома?

— Да нет, ее телефон был как раз не в порядке. Ей пришлось идти в автомат.

— В десять минут одиннадцатого?

— Около этого. Наши часы никогда не показывают время точно.

— Около этого, — задумчиво повторил Пуаро и деликатно продолжал:

— Это был не единственный ваш телефонный разговор в тот вечер?

— Нет, — коротко ответила Лин.

— Дэвид Хантер звонил вам из Лондона?

— Да. — Внезапно она вспыхнула. — Я полагаю, вы хотите знать, что он сказал?

— О, я бы не осмелился...

— Да, пожалуйста, можете это узнать! Он сказал, что уезжает... исчезает из моей жизни. Он сказал, что не даст мне счастья и что он никогда не стал бы праведником... даже ради меня.

— И поскольку это была, вероятно, правда, вам она не понравилась, — сказал Пуаро.

— Надеюсь, он уедет — то есть если его полностью оправдают... Я надеюсь, они оба уедут в Америку или еще куда-нибудь. Тогда, быть может, мы сумеем перестать думать о них... Будем учиться стоять на собственных ногах... Мы перестанем источать недоброжелательство...

— Недоброжелательство?

— Да. Впервые я почувствовала это однажды вечером у тетушки Кэтти. Она устраивала вечеринку. Может быть, потому, что я недавно вернулась из-за границы и нервы у меня были напряжены. Я почувствовала, как это недоброжелательство витает вокруг нас в воздухе. Против нее — против Розалин Клоуд. Разве вы не понимаете? Мы желали ее смерти — все мы! Желали, чтобы она умерла... А это ужасно — желать, чтобы кто-то, кто никогда не сделал вам ни малейшего зла, умер...

— Ее смерть, разумеется, — единственное, что может принести пользу

вашей семье. — Пуаро говорил бодрым тоном делового человека и практика.

— Вы хотели сказать, польза с материальной точки прения. Уже одно пребывание Розалин здесь причинило нам во всех отношениях много вреда. Завидовать человеку, негодовать на него, попрошайничать вредно для всякого. И теперь она совсем одна здесь, в Фэрроубэнке. Она похожа на привидение, она выглядит испуганной до смерти, она выглядит... О! Она выглядит так, будто теряет рассудок. И не разрешает нам помочь ей. Никому из нас. Мы все пытались. Мама приглашала ее погостить у нас, тетя Фрэнсис приглашала ее к себе. Даже тетушка Кэтти ходила к ней и предложила, что поживет у нее в Фэрроубэнке. Но она теперь не хочет иметь с нами ничего общего, и я не виню ее. Она даже не хотела повидаться с бригадным генералом Дэвида. Я думаю, она больна, больна от беспокойства, страха и горя. А мы ничего не делаем для нее, потому что она не разрешает нам.

— А вы пытались? Вы лично?

— Да, — сказала Лин. — Я ходила туда вчера. Я спросила, не могу ли сделать что-нибудь. Она посмотрела на меня... — Вдруг Лин содрогнулась. — Мне кажется, она ненавидит меня. Она ответила: «От вас я и подавно не приму помощи». Дэвид, я думаю, сказал ей, чтобы она оставалась в Фэрроубэнке, а она всегда делает то, что скажет ей Дэвид. Роули носил ей яйца и масло из Лонг Уиллоуз. По-моему, один только Роули из всех нас ей симпатичен. Она поблагодарила его и сказала, что он всегда к ней добр. И правда: Роули добрый.

— Есть люди, — сказал Пуаро, — к которым испытываешь большую симпатию, большую жалость, люди, которым приходится нести слишком большую тяжесть. Розалин Клоуд мне очень жаль. Если бы я мог, я бы помог ей. Даже сейчас, если бы она согласилась меня выслушать...

С внезапной решимостью он поднялся.

— Послушайте, мадемуазель, — сказал он, — пойдемте в Фэрроубэнк.

— Вы хотите, чтобы и я пошла с вами?

— Если вы готовы быть великодушной и отзывчивой.

Лин воскликнула:

— Да, я готова. Конечно, готова!

Глава 13

Минут через пять они уже подходили к усадьбе Фэрроубэнк. Подъездная аллея извивалась по склону между тщательно подстриженными купами рододендронов. Ни забот, ни затрат не жалел Гордон Клоуд, чтобы сделать Фэрроубэнк нарядным и пышным.

Горничная, которая открыла им дверь, казалась удивленной и сомневалась, смогут ли они увидеть миссис Клоуд.

— Мадам еще не вставала, — сказала она.

Однако же она ввела их в гостиную и пошла наверх сообщить о приходе гостей.

Пуаро огляделся. Он сравнивал эту комнату с гостиной Фрэнсис Клоуд. Та была уютна и отражала характер хозяйки. А гостиная в Фэрроубэнке была безлична, говорила только о богатстве, слегка облагороженном хорошим вкусом. Об этом позаботился Гордон Клоуд: все в комнате было хорошего качества и отлично выполнено, но не было никакого признака личного выбора, ничто не указывало на вкус хозяйки комнаты. Розалин жила здесь, в Фэрроубэнке, как мог жить иностранный турист в «Ритце» или в «Савойе».

«Любопытно, — подумал Пуаро, — а другая...»

Лин прервала нить его размышлений, спросив, о чем он думает и почему у него такой хмурый вид.

— Говорят, мадемуазель, что грех искупается смертью. Но мне кажется, иногда за грех можно расплачиваться и роскошью. И легче ли такое наказание — быть оторванной от привычной жизни? А когда она промелькнет вдали, путь к ней уже прегражден...

Он остановился. Горничная, отбросив всю свою чопорную сдержанность и став просто пожилой испуганной женщиной, вбежала в комнату и, заикаясь, давась словами, проговорила:

— О мисс Марчмонт... о сэр... хозяйка... наверху... ей очень плохо... она не отвечает, я не могла разбудить ее, а рука ее совсем холодная...

Круто повернувшись, Пуаро выбежал из комнаты. Лин и служанка последовали за ним. Он помчался наверх, на второй этаж. Горничная указала на открытую дверь прямо перед лестницей.

Это была большая нарядная спальня. В открытые окна ярко светило солнце, освещаая дорогие ковры на полу.

В широкой резной кровати лежала Розалин. Казалось, она спала. Ее

длинные темные ресницы были опущены, голова очень естественно лежала на подушке. В одной руке Розалин держала скомканный носовой платок. Она была похожа на опечаленного ребенка, который плакал до тех пор, пока не уснул.

Пуаро схватил ее руку и пощупал пульс. Рука была холодна как лед. Это подтвердило то, о чем он уже догадался.

Он тихо сказал Лин:

— Она уже давно мертва. Она умерла во сне.

— О сэр! О, что же мы будем делать? — Горничная расплакалась.

— Кто ее врач?

— Дядя Лайонел, — ответила Лин.

Пуаро приказал горничной вызвать по телефону доктора Клоуда, и она вышла из комнаты, все еще всхлипывая.

Пуаро взад и вперед шагал по комнате. На белой картонной коробочке, лежащей возле кровати, он увидел надпись: «По одному порошку перед сном».

Обернув руку носовым платком, Пуаро открыл коробочку. Там оставалось еще три порошка. Он прошел через комнату к камину, затем к письменному столу.

Стул перед ним был отодвинут, бювар открыт. В бюваре лежал лист бумаги со словами, нацарапанными детским неоформившимся почерком: «Я не знаю, что делать... Я не могу больше... Я была так грешна. Я должна кому-нибудь рассказать и успокоиться... Я сначала не хотела быть такой дурной. Я не знала, что из этого произойдет. Я должна записать...»

Последние слова обрывались ровной чертой. Перо лежало отброшенное.

Пуаро стоял и глядел на эту записку. Лин все еще стояла у кровати, глядя на мертвую молодую женщину.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвался Дэвид.

— Дэвид, — кинулась к нему Лин. — Вас освободили? Я так рада...

Он отмахнулся от ее слов и от нее, почти грубо отстранив с дороги, и склонился над неподвижной белой фигурой.

— Роза! Розалин! — Он прикоснулся к ее руке, затем повернулся к Лин.

Его лицо пылало от гнева, но слова прозвучали громко и неторопливо:

— Итак, вы убили ее? В конце концов вы избавились от нее! Сначала избавились от меня, закатали меня в тюрьму по дутому обвинению, а потом все вместе вы убрали с дороги и ее! Все вместе или один из вас? Впрочем, мне это безразлично! Вы ее убили! Вам хотелось этих проклятых денег —

теперь они ваши! Ее смерть дает вам эти деньги! Теперь вы вылезете из долгов! Вы все будете богаты — компания грязных убийц и воров, вот вы кто! Вы не осмеливались прикоснуться к ней, пока я был рядом. Я умел защищать свою сестру — она ведь сама никогда не умела постоять за себя. Но когда она осталась здесь одна, вы воспользовались случаем...

Он остановился, слегка покачнулся и произнес тихим дрожащим голосом:

— Убийцы!

Лин воскликнула:

— Нет, Дэвид! Нет, вы заблуждаетесь! Никто из нас не хотел убить ее. Мы не могли бы этого сделать.

— Лин Марчмонт, один из вас убил ее. И вы знаете это так же хорошо, как и я!

— Я клянусь, мы не делали этого, Дэвид! Клянусь, что мы не сделали ничего подобного!

Его дикий взгляд немного смягчился.

— Может, и не вы, Лин...

— Нет, Дэвид, клянусь вам, нет...

Эркюль Пуаро сделал шаг вперед и кашлянул. Дэвид стремительно обернулся к нему.

— По-моему, ваше предположение излишне драматично, — сказал Пуаро. — Зачем сразу делать вывод, что ваша сестра убита?

— Вы говорите, что она не убита? Вы называете это, — он указал на тело в кровати, — естественной смертью? У Розалин нервы были не в порядке, да, но у нее не было никаких органических заболеваний. Сердце у нее было вполне здорово.

— Прошлой ночью, — сказал Пуаро, — прежде чем лечь спать, она сидела здесь и писала...

Дэвид шагнул за ним, наклонился над листом бумаги.

— Не дотрагивайтесь до записки, — предупредил его Пуаро.

Дэвид отдернул руку и, стоя неподвижно, прочел записку.

Затем быстро повернул голову и испытующе взглянул на Пуаро.

— Вы предполагаете самоубийство? С чего бы Розалин кончать с собой?

На этот вопрос ответил не голос Пуаро. Спокойный с остширским выговором голос старшего инспектора Спенса раздался из открытой двери:

— Предположим, что в прошлый вторник вечером миссис Клоуд была не в Лондоне, а в Вормсли Вейл... Предположим, что она пошла повидать человека, который шантажировал ее... Предположим, что в нервном

припадке она убила его...

Дэвид круто обернулся к Спенсу. Взгляд его был тверд и гневен.

— Моя сестра была в Лондоне во вторник вечером. Она была в номере, когда я вернулся в одиннадцать часов.

— Да, — сказал инспектор, — так говорите вы. И могу сказать, вы твердо придерживаетесь своей версии. Но я не обязан верить вашим словам. И во всяком случае, немножко поздно спорить об этом. — Он жестом указал на кровать. — Ей уже никогда не придется предстать перед судом.

Глава 14

— Он не хочет признать это, — сказал Спенс. — Но думаю, он сам знает, что убийство совершила она.

Сидя в своем кабинете в полицейском участке, он через стол смотрел на Пуаро.

— Смешно, что мы так тщательно проверяли его алиби и совсем не думали о ней. А между тем нет никаких доказательств, что она в ту ночь была в своем номере в Лондоне. Мы остановились только на его словах, веря, что она была там. Все это время мы знали, что только два человека были заинтересованы в смерти Ардена — это Дэвид и Розалин Клоуд. И я очертя голову гнался за ним и забывал о ней. Понимаете, она казалась такой кроткой... даже не совсем в своем уме... Но, быть может, в этом и заключается частичная разгадка.

Весьма вероятно, что Дэвид Хантер поспешил отправить ее в Лондон именно по этой причине. Быть может, он понимал, что она способна потерять голову, и мог знать, что в этом состоянии она становится опасной. Забавно также то, что я часто видел ее в оранжевом полотняном платье — это был ее любимый цвет. Оранжевые шарфы, полосатое оранжевое платье, оранжевый берет. И однако, даже когда старая миссис Лидбеттер дала описание молодой женщины с оранжевым шарфом на голове, я все-таки не догадался, что это могла быть сама миссис Гордон. Я все же полагаю, что девушка не вполне в своем уме и не могла отвечать за себя. Судя по вашему рассказу о ее посещении церкви, она была вне себя от угрызений совести и сознания вины.

— Она сознавала свою вину, да, — сказал Пуаро.

Спенс продолжал задумчиво:

— Она, должно быть, напала на Ардена в припадке помешательства. Не думаю, чтобы у него были хоть какие-нибудь подозрения. Он, конечно, не опасался такой хрупкой девочки...

Минуты две он раздумывал в молчании, потом сказал:

— Одно мне еще не вполне ясно. Кто подкупил Портера? Вы говорите, что не миссис Джереми. А я держу пари, что все-таки это сделала она.

— Нет, — возразил Пуаро, — не миссис Джереми. Она отрицает это, и я верю ей. На этот счет я был глуп. Мне давно следовало знать, кто это был.

Майор Портер сам сказал мне.

— Он сказал вам?

— О, конечно, не прямо. Он даже не знал, что он это сделал.

— Ну, кто же это?

Пуаро склонил голову набок.

— Разрешите мне сначала задать вам два вопроса?

Старший инспектор удивился.

— Спрашивайте все, что хотите.

— Что это были за снотворные порошки в коробочке у постели Розалин Клоуд?

— Эти порошки? — еще больше удивился инспектор. — О, они совершенно безвредны. Бромид. Успокоительное средство. Она принимала по одному порошку каждый вечер. Мы взяли их на анализ, разумеется. С ними все в порядке.

— Кто прописал их?

— Доктор Клоуд.

— Когда он их прописал?

— О, уже давно.

— А какой яд убил ее?

— Ну, мы, собственно, еще не имеем результатов вскрытия, но я думаю, что тут можно не сомневаться. Морфий, и очень сильная доза.

— А у нее найден морфий?

Спенс с любопытством посмотрел на собеседника.

— Нет. К чему вы клоните, мосье Пуаро?

— Теперь я перейду ко второму вопросу, — не отвечая, продолжал Пуаро. — Дэвид Хантер звонил Лин Марчмонт из Лондона в одиннадцать ноль пять во вторник вечером. Вы говорите, что проверяли вызов. Это был единственный междугородный вызов из этой квартиры в Шепердс-Корт. А в эту квартиру никто не звонил в тот же вечер?

— Был один такой вызов. В десять пятнадцать. К тому же из Вормсли Вейл. Говорили из автомата.

— Понятно. — Пуаро замолчал.

— Какая-то гениальная догадка, мосье Пуаро?

— На этот вызов ответили? Я имею в виду — телефонистка получила ответ лондонского абонента?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — сказал Спенс медленно. — Кто-то, следовательно, был в квартире. Это не мог быть Дэвид Хантер: он еще был в поезде по пути домой. Тогда выходит, что это была Розалин Клоуд. А если это так, то Розалин Клоуд не могла быть в «Олене» за несколько минут до этого. Так вы клоните к тому, мосье Пуаро, что женщина в оранжевом шарфе была не Розалин Клоуд. А если это так, то не

Розалин Клоуд убила Ардена. Но тогда почему же она покончила с собой?

— На этот вопрос, ответить просто, — сказал Пуаро. — Она не покончила с собой. Розалин была убита.

— Что?! — Она была обдуманно и хладнокровно убита.

— Но тогда, кто убил Ардена? Мы уже сняли подозрения с Дэвида...

— Нет, Ардена убил не Дэвид.

— А теперь вы снимаете подозрения с Розалин? Но, черт побери, только у этих двух были какие-то мотивы...

— Да, — сказал Пуаро. — Мотивы. Именно это ввело нас в заблуждение. Если у А были мотивы убить С, а у В были мотивы убить Д, нам кажется нелепым, не правда ли, что А убил Д, а В убил С?

Спенс застонал.

— Проще, мосье Пуаро, проще. Я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать этими вашими А, В и С...

— Это сложно, — согласился Пуаро. — Это очень сложно. Потому что, видите ли, здесь перед вами два различных вида преступления, и соответственно — у вас должно быть два разных убийцы. Входит Первый убийца, входит Второй убийца...

— Не цитируйте Шекспира, — стонал Спенс. — Это не драма времен Елизаветы.

— Да нет, это как раз по Шекспиру. Здесь налицо все чувства, человеческие чувства, которыми Шекспир упивался: ревность, ненависть, внезапные поступки в порыве страстей. Есть стремление использовать счастливый случай: «Прилив бывает и в делах людей. Прилив, который — если не упустишь — к богатству приведет...» Кто-то играл эту роль, старший инспектор. Схватить счастливую возможность и повернуть ее по-своему — все это было блистательно исполнено и, так сказать, под самым вашим носом.

Спенс с раздражением потер свой нос.

— Выражайтесь понятнее, мосье Пуаро, — взмолился он. — Если можете, скажите только, что вы думаете.

— Я буду ясен, ясен, как кристалл. Перед нами три смерти, не так ли? Вы согласны с этим? Трое людей умерли...

Спенс пытливо посмотрел на него.

— Да, я бы сказал, что это так. Не собираетесь ли вы меня уверить, что один из этих троих еще жив?

— Нет-нет, — сказал Пуаро. — Они мертвы. Но как они умерли? То есть как вы классифицировали их смерти?

— Ну, что касается этого, мосье Пуаро, то вам известны мои взгляды.

Одно убийство и два самоубийства. Но, по-вашему, последнее самоубийство — не самоубийство, а второе убийство.

— По-моему, — сказал Пуаро, — здесь произошло одно самоубийство, один несчастный случай и одно убийство.

— Несчастный случай? Вы хотите сказать, что миссис Клоуд отравилась случайно? Или вы думаете, что майор Портер застрелился по несчастной случайности?

— Нет, — сказал Пуаро. — Несчастной случайностью была смерть Чарлза Трентона, иначе — Инока Ардена.

— Несчастливая случайность! — Инспектор взорвался. — Случайность? И вы это говорите про исключительно зверское убийство, когда голова человека размозжена многими ударами?

Ничуть не задетый этим взрывом, Пуаро спокойно отвечал:

— Когда я сказал: несчастный случай, я имел в виду, что не было намерения убивать.

— Не было намерения убить, когда голова человека так разбита! Может, вы хотите сказать, что на него напал невменяемый?

— Я думаю, что это близко к истине, однако не совсем в том смысле, какой имеете в виду вы.

— Миссис Гордон была единственной не вполне нормальной женщиной в нашем случае. Я замечал, что иногда она выглядела очень странно. Конечно, миссис Лайонел тоже не без странностей, но она никогда не впадает в неистовство... Ну, а уж у миссис Джереми голова сидит на плечах правильнее, чем у кого бы то ни было. Между прочим, вы говорите, что не миссис Джереми подкупила Портера?

— Нет. Я знаю, кто это сделал. И как я сказал, Портер сам проговорился об этом. Одно незначительное замечание... Ах, я готов высечь себя за то, что сразу этого не заметил!..

— А затем ваш анонимный сумасшедший АВС убил Розалин Клоуд? — Голос Спенса звучал все более скептически.

Пуаро энергично замотал головой.

— Вовсе нет. Именно здесь удаляется Первый убийца и на сцену выходит Второй убийца. Здесь уже совершенно иной вид преступления, никакой горячности и страсти. Холодное, тщательно обдуманное убийство, и я намерен, инспектор Спенс, добиться того, чтобы убийцу повесили за это убийство.

С этими словами он поднялся и направился к двери.

— Послушайте! — воскликнул Спенс. — Вы должны назвать мне имена. Вы не можете так уйти.

— Да, очень скоро я назову вам имена. Но сейчас я жду кое-что... Могу даже сказать точнее: я жду письма из-за моря.

— Не выражайтесь, как рыночный предсказатель судьбы! Эй... Пуаро! Но Пуаро уже выскользнул за дверь.

Он пересек площадь и позвонил у дома доктора Клоуда. Дверь открыла миссис Клоуд и, как обычно, ахнула при виде Пуаро. Он не стал терять времени.

— Мадам, я должен поговорить с вами.

— О, конечно... Входите, пожалуйста... Боюсь, у меня не было времени вытереть пыль...

— Я хочу кое о чем спросить вас. Как давно ваш муж стал морфинистом?

Тетушка Кэтти немедленно разразилась слезами.

— О Боже, Боже!.. А я так надеялась, что никто никогда не узнает... Он начал во время войны. У него было такое ужасное переутомление и такая ужасная невралгия. С тех пор он все старается уменьшить дозу... Честное слово, старается. Это и приводит его по временам к такой раздражительности...

— И это одна из причин, по которой ему нужны деньги?

— Думаю, что да. О Боже, мосье Пуаро! Он обещал лечиться...

— Успокойтесь, мадам. И ответьте мне на другой вопрос. В тот вечер, когда вы звонили по телефону Лин Марчмонт, из дому вы пошли к телефону-автомату возле почты, не так ли? Вы кого-нибудь встретили на площади?

— О нет, мосье Пуаро, ни души.

— Но я понял так, что вам пришлось одолжить двухпенсовую монету, потому что у вас были только полупенсовики.

— О да, мне пришлось попросить ее у женщины, которая вышла из телефонной будки. Она дала мне двухпенсовик вместо моих полупенсовиков.

— Как она выглядела, эта женщина?

— Да похожа на артистку. Оранжевый шарф на голове... Забавно, но я почти уверена, что где-то видела ее раньше. Ее лицо показалось мне очень знакомым. Я думаю, это была одна из тех, кто переселился в иной мир. Но я, знаете ли, так и не смогла вспомнить, как и когда я была с ней знакома...

— Благодарю вас, миссис Клоуд, — сказал Эркюль Пуаро.

Глава 15

Лин вышла из дому и взглянула на небо.

Солнце садилось. Небо было не красное, а сияло каким-то неестественным багряным светом. Тихий, безветренный вечер. «Будет буря», — подумала Лин.

Ну, время пришло. Она больше не может откладывать. Она должна пойти на ферму Лонг Уиллоуз и рассказать Роули. По крайней мере, на это он имеет право: она скажет ему сама. Не выбирать легкого пути — объяснения письмом.

Решение принято, окончательно принято, говорила она себе и все же внутренне как-то странно противилась этому. Она огляделась вокруг и подумала: «Итак, прощай все — весь мой мирок, мой собственный образ жизни». Ибо у нее не было иллюзий. Жизнь с Дэвидом будет рискованной игрой, приключением, которое может обернуться и плохо, и хорошо. Он сам раньше предупреждал ее...

В ночь убийства, по телефону...

А теперь, несколько часов назад, он сказал: «Я намеревался уйти из твоей жизни. Я был глупцом, когда думал, что смогу оставить тебя. Мы поедем в Лондон и сразу поженимся. О да, я не собираюсь давать тебе возможность колебаться. Здесь у тебя корни — корни, которые держат тебя. Я должен вырвать тебя с корнями». И добавил: «Мы сообщим об этом Роули, когда ты будешь уже настоящей миссис Дэвид Хантер. Бедняга. Лучше всего сообщить ему об этом именно так».

Но с этим она не была согласна, хотя ничего не возразила Дэвиду. Нет, она должна сама сообщить Роули.

И вот теперь она шла к Роули!

Буря уже начиналась, когда Лин постучала в дверь Лонг Уиллоуз. Роули открыл и удивился, увидев ее.

— Хелло, Лин! Почему ты не позвонила мне и не сказала, что собираешься прийти? Ты могла не застать меня дома.

— Я хочу поговорить с тобой, Роули.

Он пропустил ее вперед и сам последовал за ней в большую кухню. На столе стояли остатки ужина.

— Я собираюсь установить здесь новую плиту, — сказал он. — Тебе будет легче хозяйничать. И новую раковину...

Она прервала его:

— Не строй планов, Роули.

— Ты хочешь сказать — пока эта бедняжка не похоронена? Да, это действительно довольно бессердечно. Но она, по-моему, никогда не была особенно счастливой. Была больна, наверно. Так и не смогла прийти в себя после того проклятого воздушного налета. Во всяком случае, она мертва, и до нее мне нет дела... или, вернее, нам с тобой...

Лин собралась с духом.

— Нет, Роули. Не говори «нам с тобой». Не говори о нас как об одном целом. Именно об этом я пришла сказать тебе...

Он пристально посмотрел на нее. Она сказала спокойно, ненавидя себя в эту минуту, но не колеблясь:

— Я выхожу замуж за Дэвида Хантера, Роули.

Она не знала, чего именно ожидает — протеста, быть может, взрыва гнева, но, уж конечно, не того, как Роули воспринял это.

Минуты две он пристально смотрел ей в лицо, затем круто повернулся, перешел в другой конец комнаты и долго возился с кочергой у печи.

Наконец он снова повернулся к ней с почти отсутствующим видом.

— Так, — сказал он. — Ну, давай объяснимся. Ты выходишь за Дэвида Хантера? Почему?

— Потому что я люблю его.

— Ты любишь меня.

— Нет. Я любила тебя... давно, когда уезжала. Но меня не было здесь четыре года... И я изменилась. Мы оба изменились.

— Нет, — сказал он спокойно. — Я не изменился.

— Ну, может быть, ты не так сильно изменился...

— Я совсем не изменился. У меня и возможности не было измениться. Я ведь продолжал здесь гнуть спину. Я не прыгал с парашютом, не высаживался ночью на прибрежные скалы и не закалывал людей под покровом темноты.

— Роули!..

— Я не был на войне. Я не сражался. Я не знаю, что это такое! Я вел здесь прекрасную, спокойную жизнь — в глуши, на ферме. Счастливчик Роули? Ты бы стыдилась такого мужа!

— Нет, Роули... О нет. Дело совсем не в этом!

— А я говорю тебе, что в этом!

Он подошел к ней ближе. Кровь прилила у него к голове, резко обозначились вены на лбу. А этот взгляд... Она однажды видела такой взгляд, когда проходила мимо быка в поле. Бык закидывал голову, рыл землю копытом, медленно наклонял лоб с огромными рогами...

Доведенный до тупого бешенства, слепой ярости...

— Помолчи, Лин. Теперь ты выслушай меня. Я упустил то, что мог бы испытать. Я упустил шанс сразиться за свою страну. Я видел, как мой лучший друг ушел и не вернулся. Я видел, как моя любимая — моя любимая! — надела военную форму и уехала за море. А я был просто человеком, которого она оставила позади. Моя жизнь стала адом — разве ты не понимаешь, Лин? Сущим адом. Затем ты вернулась — и с тех пор жизнь моя хуже ада. С того самого вечера у тетушки Кэтти, когда я увидел, как ты смотришь на Дэвида Хантера. Но он не получит тебя, ты слышишь? Если ты не для меня, то никому ты не достанешься. Как ты думаешь, кто я?

— Роули...

Она поднялась, отступила на шаг. Она была охвачена ужасом. Этот человек уже не был человеком, он был жестоким животным.

— Я убил двоих, — сказал Роули. — Ты думаешь, я остановлюсь перед третьим убийством?

— Роули...

Он уже склонился над ней, его руки схватили ее за горло...

— Я больше не вынесу, Лин...

Его руки стиснули ей горло, комната завертелась, потом все закрыла чернота, звенящая чернота, и стало нечем дышать...

Но тут внезапно послышалось покашливание. Чопорное, слегка искусственное покашливание.

Роули прислушался. Его руки ослабили хватку, опустились. Лин упала на пол, как тряпичная кукла.

У самой двери, виновато покашливая, стоял Пуаро.

— Надеюсь, я не помешаю? — сказал он. — Я стучал. Да, право же, я стучал. Но никто не ответил. Я полагаю, вы были заняты?

Атмосфера была напряжена до крайности. Роули дико глядел на Пуаро.

Казалось, сейчас он бросится на него, но через несколько мгновений Роули отвернулся и сказал бесцветным и вялым голосом:

— Вы появились в самый подходящий момент. Как раз в последнее мгновение.

Глава 16

В грозную, насыщенную опасностью атмосферу Пуаро внес разрядку, ощущение неторопливости и покоя.

— Как чайник? Кипит? — спросил он.

Роули тупо ответил:

— Да, кипит...

— Тогда вы не откажетесь приготовить кофе? Или чай, если это быстрее...

Роули повиновался, как автомат.

Эркюль Пуаро достал из кармана чистый носовой платок, намочил его в холодной воде, выжал и подошел к Лин.

— Вот, мадемуазель, если вы обвяжете его вокруг шеи... Вот так... Да, вот английская булавка. Увидите, это сразу облегчит боль...

Хриплым шепотом Лин поблагодарила его. Кухня в Лонг Уиллоуз, Пуаро, хлопочущий вокруг нее, — все казалось ей кошмаром. Она чувствовала себя совсем разбитой, горло мучительно болело. Шатаясь, она поднялась на ноги, и Пуаро осторожно довел ее до кресла и усадил.

— Вот так, — сказал он и через плечо спросил: — Кофе?

— Готов, — ответил Роули.

Он принес кофе. Пуаро налил чашку и подал Лин.

— Послушайте, — сказал Роули. — Я думаю, вы не поняли. Я пытался задушить Лин.

— Ну-ну... — произнес Пуаро огорченно. Казалось, его расстроила такая бестактность Роули.

— На моей совести две смерти, — сказал Роули. Это была бы третья, если бы не появились вы.

— Давайте будем пить кофе, — предложил Пуаро, и не говорить о смерти.

Эта тема неприятна мадемуазель Лин.

— Бог мой! — Роули изумленно глядел на Пуаро.

Лин с трудом глотала кофе. Он был горячий и крепкий, и вскоре горло стало меньше болеть; кроме того, кофе подкрепил ее.

— Ну вот, теперь лучше, да? — спросил Пуаро.

Она кивнула.

— Теперь мы можем разговаривать, — продолжал он. — Я, впрочем, имею в виду, что говорить буду я.

— Что вам известно? — с трудом произнес Роули. — Вам известно, что я убил Чарлза Трентона?

— Да, — ответил Пуаро. — Я уже давно это знаю.

В это время дверь распахнулась. Это был Дэвид Хантер.

— Лин, — воскликнул он. — Ты не сказала мне...

Он остановился, озадаченно переводя взгляд с Лин на Роули и на Пуаро.

— Что с твоим горлом?

— Еще одну чашку, — сказал Пуаро.

Роули достал чашку из шкафа. Пуаро взял ее, налил кофе и протянул Дэвиду. Снова Пуаро был господином положения.

— Садитесь, — сказал он Дэвиду. — Мы будем сидеть здесь и пить кофе. И вы все трое будете слушать лекцию о преступлении, которую прочтет вам Эркюль Пуаро...

Лин подумала: «Это фантастический ночной кошмар. Это мне снится. Этого не может быть в действительности!»

Казалось, все трое загипнотизированы нелепым маленьким человеком с большими усами. Все они послушно сидели здесь: Роули — убийца; она — жертва; Дэвид — человек, который любит ее; и все держали в руках чашки с кофе, и все слушали этого маленького человечка, который каким-то странным образом взял власть над ними.

— Как возникает преступление? — начал Пуаро. — Да, это вопрос. Какие стимулы необходимы? Должно ли быть врожденное предрасположение? Всякий ли способен на преступление? И что происходит — об этом я спрашиваю себя с самого начала, — что происходит, когда люди, которые были защищены от настоящей жизни, от ее трудностей и унижений, внезапно лишаются своей защиты?

Я говорю, как вы видите, о Клоудах. Здесь присутствует только один Клоуд, и поэтому я говорю очень свободно. С самого начала эта проблема увлекла меня. Обстоятельства избавили целую семью от необходимости стоять на собственных ногах. Хотя каждый член семьи жил собственной жизнью, имел свою профессию, занятие, однако никто из них не выходил из-под сени благодетельной защиты. Они все были избавлены от опасений. Они жили в безопасности, в безопасности ненатуральной, искусственной. Гордон Клоуд всегда оберегал их. Я хочу сказать вам следующее: никогда нельзя знать, каков характер человека, пока не наступит проверка. Для большинства из нас эта проверка наступает в начале жизни. Очень рано человек сталкивается с необходимостью стоять на собственных ногах, самому встречать лицом к лицу опасности и трудности и избирать

собственный путь их преодоления. Это может быть путь прямой и может быть извилистый, но, во всяком случае, человек обычно рано узнает, из какого теста он сделан.

Но у Клоудов все было иначе. У Клоудов не было возможности узнать свои собственные слабости до тех пор, пока они не были внезапно лишены своей опоры и не были вынуждены, совершенно неподготовленные, встретиться лицом к лицу с трудностями. Одно, только одно стояло между ними и восстановлением их спокойного существования — это жизнь Розалин Клоуд. Я совершенно уверен, что каждый из Клоудов без исключения подумал в то или иное время: «Если бы Розалин умерла!..»

Лин вздрогнула. Пуаро помолчал, давая этим словам проникнуть в их сознание, а затем продолжал:

— Мысль о смерти, о ее смерти, приходила в голову каждому — я в этом уверен. Но приходила ли затем следующая мысль — об убийстве? И не претворилась ли эта мысль, в одном конкретном случае, из мысли в действие?

Не меняя голоса, он обернулся к Роули:

— Вы думали убить ее?

— Да, — сказал Роули. — Это было в тот день, когда она пришла на ферму. Больше здесь никого не было. Я тогда подумал, что мог бы очень легко убить ее. Она казалась трогательной и очень хорошенькой... как телята, которых я отослал на рынок. Видишь, какие они трогательные, но все равно посылаешь их на убой. Я был даже удивлен, что она не боялась... Она бы боялась, если бы знала, что у меня на уме... Да, это было у меня на уме, когда я взял у нее зажигалку, чтобы зажечь ей сигарету...

— Розалин забыла зажигалку. Так вот каким образом она оказалась у вас!

Роули кивнул.

— Не знаю, почему я не убил ее тогда, — произнес он с удивлением. — Я думал об этом. Можно было бы выдать ее смерть за несчастный случай или что-нибудь в этом роде.

— Это был не ваш тип преступления, — объяснил Пуаро. — В этом все дело. Того человека, которого вы убили, вы убили в ярости — вы ведь в действительности не думали его убивать, мне кажется...

— Боже милостивый, конечно нет! Я ударил его в челюсть. Он упал назад и ударился головой об ту мраморную каминную доску. Я глазам своим не поверил, когда увидел, что он мертв.

Внезапно он бросил испуганный взгляд на Пуаро.

— Как вы узнали это?

— Думаю, — ответил Пуаро, — что я воссоздал довольно точную картину ваших действий. Вы поправите меня, если я ошибусь. Вы пошли в «Олень» — не так ли? — и Беатрис Липинкот рассказала вам о подслушанном разговоре. Затем вы пошли, как вы уже говорили, к вашему дяде, Джереми Клоуду, чтобы узнать его мнение, как юриста, о данной ситуации. И там что-то случилось, из-за чего вы раздумали советоваться с ним. Я, кажется, знаю, из-за чего. Вы увидели фотографию...

Роули кивнул.

— Да, она стояла на письменном столе. Я внезапно уловил сходство. И я понял, почему лицо этого парня казалось мне таким знакомым. Я уразумел, что Джереми и Фрэнсис подбили какого-то ее родственника на это дело, чтобы выколотить денежки из Розалин. Это привело меня в ярость. Я сразу пошел обратно в «Олень», поднялся в пятый номер и обвинил парня в том, что он жулик. Он засмеялся и признал это — сказал, что Дэвид Хантер прекрасным образом придет с денежками в тот самый вечер. Я просто был вне себя, когда понял, что моя собственная семья оставляет меня в дураках. Я назвал его свиньей и ударил. Он упал на камин... Я уже говорил...

Последовала пауза. Затем Пуаро спросил:

— А потом?

— Зажигалка, — медленно произнес Роули. — Она выпала у меня из кармана. Я ее всюду носил с собой, думал вернуть Розалин, когда встречу ее. Зажигалка упала на труп, и я увидел инициалы на ней: Д.Х. Она принадлежала Дэвиду, а не Розалин. Да, Дэвиду. Еще с того самого вечера у тетушки Кэтти я понял... Ну, да это неважно. Мне иногда казалось, что я схожу с ума... Может, я и правда немного сумасшедший. Сначала Джонни ушел... Потом эта война... Я... я не умею об этом говорить, но иногда я бываю слепым от бешенства... А теперь Лин — и этот тип. Я вытащил мертвого на середину комнаты и повернул его лицом вниз. Затем я взял эти тяжелые каминные щипцы... Ну, да я не буду входить в детали. Я стер отпечатки пальцев, очистил мраморную каминную доску... Потом я перевел стрелки на девять часов десять минут и разбил их. Я унес его продовольственную карточку, его бумаги — подумал, что по ним можно опознать его. Затем я вышел. Мне казалось, что при помощи рассказа Беатрис о подслушанном разговоре Дэвид как раз влипнет в историю...

— Спасибо, — вставил Дэвид.

— А затем, — сказал Пуаро, — вы пришли ко мне. Вы разыграли со мной хорошенькую комедию, ничего не скажешь. Просили меня найти какого-нибудь свидетеля, который знал бы Андерхея. Мне уже было ясно,

что Джереми Клоуд повторил в своей семье историю, которую рассказал майор Портер. Почти два года вся семья лелеяла тайную надежду, что Андерхей может появиться. Это желание влияло на миссис Лайонел Клоуд при ее манипуляциях со спиритическими столиками — конечно, подсознательно, — но этот инцидент очень характерен. Ну что ж, я совершаю свой «трюк фокусника». Я доволен, что поразил вас, а на самом деле это я оказался совершенным простофилей. Да, и затем в комнате у майора Портера... после того, как он предложил мне сигарету, вам он сказал: «А вы ведь не курите...» Откуда он знал, что вы не курите? Предполагается, что он только сейчас познакомился с вами. Даже дурак, каким я оказался, должен был в тот момент понять всю правду; что вы и майор Портер уже столковались между собой. Не удивительно, что он так нервничал в утро дознания. Да, я был простофилей, я привел майора Портера опознать труп. Но я не остался простофилей навсегда. Сейчас-то я уже не простофиля!..

Он сердито оглядел всех и продолжал:

— Но затем майор Портер нарушил это соглашение. Он не хотел давать ложные показания под присягой на процессе об убийстве. А сила обвинения против Дэвида Хантера в большой мере зависела от опознания личности убитого. И майор Портер ретировался...

— Он написал мне, что не сможет выдержать до конца, — хрипло сказал Роули. — Презренный глупец. Разве он не видел, что мы зашли слишком далеко, чтобы можно было остановиться? Я приехал к нему, чтобы попытаться урезонить его. Но я опоздал. Он писал, что скорей застрелится, чем станет клятвопреступником в деле об убийстве. Входная дверь была не заперта — я вошел и увидел его мертвым. Не могу вам сказать, что я почувствовал. Мне казалось, что я уже дважды убийца. Если бы он только подождал... Если бы я только смог поговорить с ним...

— Он оставил записку? — спросил Пуаро. — Вы уничтожили ее?

— Да... Мне больше ничего не оставалось делать. Записка была к коронному судье. В ней просто говорилось, что на дознании он, Портер, дал ложное показание. Умерший — не Андерхей. Я эту записку унес и уничтожил.

Роули ударил кулаком по столу.

— Это было похоже на дурной сон, на ужасный ночной кошмар. Я начал эту историю и должен был продолжать ее до конца. Мне нужны были деньги, чтобы получить Лин, и я хотел, чтобы Хантера повесили. Но вдруг — я не мог этого понять — дело против него прекратили. Какая-то версия о женщине... О женщине, которая была в этом номере позже. Я не мог

ничего понять, я и сейчас не понимаю. Какая женщина? Как могла какая-то женщина разговаривать с Арденом после того, как он умер?

— Женщины не было, — сказал Пуаро.

— Но, мосье Пуаро, — хрипло сказала Лин. — Эта старая леди. Она видела ее. И слышала.

— Ага, — сказал Пуаро. — Но что она видела? И что именно она слышала? Она видела кого-то в брюках, в легком твидовом пальто. Она видела голову, совершенно закутанную оранжевым шарфом, лицо, покрытое гримом, и ярко накрашенный рот. Все это она видела при тусклом свете. А что она слышала? Она видела, как «потаскушка» вернулась в пятый номер, а из глубины комнаты услышала мужской голос, сказавший: «Уходи отсюда, девочка». Ну что ж, так ведь это она видела мужчину и слышала мужчину! Да, это была гениальная идея, мистер Хантер, — прибавил Пуаро, спокойно повернувшись к Дэвиду.

— Что вы хотите сказать? — резко спросил Хантер.

— Теперь я буду рассказывать историю вам. Вы приходите в «Олень» в девять часов или около этого. Вы приходите не убивать, а заплатить деньги. И что вы находите? Вы находите человека, который шантажировал вас, на полу, убитым жестоким, варварским способом. Вы умеете быстро соображать, мистер Хантер, и вы сразу поняли, что вы в неминуемой опасности. Никто, насколько вам известно, не видел, как вы входили в гостиницу «Олень», и ваша первая мысль — убраться как можно скорее, поспеть на поезд девять двадцать, вернуться в Лондон и затем клясться, что вас не было вблизи Вормсли Вейл. Чтоб попасть на этот поезд, вам приходится бежать напрямик.

При этом вы неожиданно натываетесь на Лин Марчмонт и в то же время понимаете, что уже не успеете на поезд: вы видите в долине дым этого поезда. Она — чего вы не знаете — тоже видела этот дым, но не отдавала себе отчета в том, что это означает для вас невозможность поспеть на этот поезд, и когда вы говорите ей, что сейчас девять пятнадцать, она принимает это на веру без малейшего колебания.

Чтобы утвердить ее в сознании, что вы в самом деле поспели на этот поезд, вы придумываете весьма ловкий ход. Вы составляете совершенно новый план, как отвести от себя подозрения.

Вы возвращаетесь в Фэрроубэнк, преспокойно открыв дверь своим ключом, берете шарф своей сестры, ее губную помаду и принимаетесь гримировать свое лицо, как для сцены.

В подходящее время вы возвращаетесь в «Олень», обращаете на себя внимание старой леди, которая сидит в гостиной «Только для постояльцев»

и специальность которой — разносить сплетни по этой гостинице. Затем вы поднимаетесь в пятый номер. Когда вы слышите, что старая леди идет ложиться спать, вы выходите в коридор, затем снова поспешно скрываетесь в комнату, и вам остается только громко сказать: «Лучше тебе убраться отсюда, девочка»...

Пуаро сделал паузу.

— Очень талантливое представление, — заметил он.

— Это правда, Дэвид? — воскликнула Лин. — Это правда?

Дэвид широко усмехнулся.

— Я считаю, что из меня вышел бы прекрасный актер на женские роли. Боже, видели бы вы лицо этой старой мегеры!

— Но как вы могли быть здесь в десять часов и все-таки звонить мне из Лондона в одиннадцать? — с недоумением спросила Лин.

Дэвид поклонился в сторону Пуаро.

— Все объяснения дает Эркюль Пуаро, — ответил он, — человек, которому все известно. Так как же я это сделал?

— Очень просто, — сказал Пуаро. — Вы позвонили на квартиру вашей сестре из автомата и дали ей точные инструкции. Ровно в одиннадцать часов четыре минуты она должна была вызвать Вормсли Вейл, номер 34. Когда мисс Марчмонт подошла к телефону, телефонистка проверила, тот ли это номер, затем, без сомнения, сказала: «Вызов из Лондона» или «Говорите с Лондоном», что-нибудь в этом роде. Так это было.

Лин кивнула.

— Затем Розалин Клоуд повесила трубку. Вы, — повернулся Пуаро к Дэвиду, — внимательно следя за временем, набрали номер 34 и, соединившись, сказали: «Вас вызывает Лондон» (слегка измененным голосом), — а затем стали говорить. Перерыв в телефонном разговоре на минуту или две — не редкость в наше время, он мог показаться Лин Марчмонт просто нарушением связи...

Лин спокойно сказала:

— Так вот для чего вы звонили мне, Дэвид...

Что-то в ее тоне, как он ни был спокоен, заставило Дэвида пристально взглянуть на нее. Потом он повернулся к Пуаро и поднял руки вверх.

— Сдаюсь. Никаких сомнений, вы действительно знаете все. Сказать по правде, я был здорово напуган. Мне необходимо было что-нибудь придумать. Ну, а после того как я позвонил Лин, я прошел пешком пять миль до Дэслеби и приехал в Лондон первым утренним поездом. Проскользнул в квартиру как раз вовремя, чтобы успеть измять постель и позавтракать вместе с Розалин. А что полиция может заподозрить в

убийстве Розалин, мне и в голову не приходило. И разумеется, я не имел ни малейшего понятия, кто убил Ардена. Я просто не мог себе представить, кто мог желать его смерти. Абсолютно ни у кого, насколько я знаю, не было мотивов для этого преступления, кроме как у меня самого и у Розалин.

— Вот в этом и была вся сложность. Мотив. У вас и у вашей сестры был мотив для убийства Ардена. А у каждого члена семьи Клоуд был мотив убить Розалин...

Дэвид быстро спросил:

— Так она была убита? Это не было самоубийством?

— Нет. Это было тщательно продуманное, ловко осуществленное преступление. В одном из ее снотворных порошков на дне коробки бромид был заменен морфием.

— В порошках... — Дэвид нахмурился. — Вы подозреваете... Не может быть, что вы подозреваете Лайонела Клоуда!

— О нет, — сказал Пуаро. — Видите ли, практически любой из Клоудов мог подмешать морфий. Тетушка Кэтти могла бы самовольно заменить порошки, прежде чем они вышли из дома доктора. Роули приносил в Фэрроубэнк масло и яйца. Миссис Марчмонт приходила туда. И миссис Джереми Клоуд. Даже Лин Марчмонт приходила. И у каждого из них был мотив преступления...

— У Лин не было мотива! — воскликнул Дэвид.

— У нас у всех был мотив, — сказала Лин. — Вы это имеете в виду?

— Да, — подтвердил Пуаро. И именно это делает случай трудным. Дэвид Хантер и Розалин Клоуд имели мотив убить Ардена — и они его не убивали. У всех Клоудов были мотивы убить Розалин Клоуд — и все-таки ни один из вас ее не убил. Этот случай всегда, с самого начала имел не правильный ход. Розалин Клоуд убита человеком, который больше всех терял с ее смертью... — Он слегка повернул голову. — Вы убили ее, мистер Хантер!

— Я? — воскликнул Дэвид. — Какого лешего мне убивать собственную сестру?..

— Вы убили ее потому, что она не была вашей сестрой. Розалин Клоуд погибла при воздушном налете в Лондоне почти два года тому назад. Женщина, которую вы убили, была молодая ирландка-горничная, Эйлин Карриган, фотографию которой я получил сегодня из Ирландии...

И с этими словами он достал из кармана фотографию. С быстротой молнии Дэвид выхватил ее из рук Пуаро, прыгнул к двери, выскочил из дома, захлопнул дверь и исчез. С яростным ревом Роули бросился за ним.

Пуаро и Лин остались вдвоем. Лин воскликнула:

— Это не правда! Это не может быть правдой!..

— О нет, это правда! И вы были близки к истине, когда предполагали, что Дэвид Хантер ей не брат. Попробуйте предположить, что она ему не сестра, — и все станет на свое место. Эта Розалин была католичкой (а жена Андерхея нет), она была совестлива и страстно предана Дэвиду. Представьте себе чувства Дэвида в ночь бомбежки, когда его сестра умерла, Гордон Клоуд при смерти, вся эта новая жизнь, полная комфорта и денег, уплывала от Дэвида.

И тут он увидел девушку, примерно того же возраста, единственную, кто остался в живых кроме него, контуженную и без сознания. Очевидно, они уже раньше были близки, и он не сомневался, что сможет заставить ее делать все, что захочет. Он умеет подойти к женщине, умеет нравиться, — добавил Пуаро, не глядя на Лин, которая покраснела. — Он из тех людей, которые всегда гонятся за удачей. И вот он опознает в Эйлин свою сестру. Когда Эйлин приходит в себя, она видит его у своей кровати. Он улещивает ее и убеждает принять на себя эту роль.

Но вообразите себе их смятение, когда приходит письмо, шантажирующее письмо. Все время я говорил себе: «Разве Хантер из тех, кого так легко шантажировать?» Казалось также, что он был в неуверенности, действительно ли человек, шантажирующий его, Роберт Андерхей. Но почему же он оставался в неведении? Ведь Розалин Клоуд могла сразу сказать ему, был ли этот человек ее первым мужем. Зачем ему было так поспешно отправлять ее в Лондон, не дав ей возможности взглянуть на этого человека? Да потому что... тут могла быть только одна причина... Дэвид не мог рисковать, не мог допустить, чтобы этот человек взглянул на нее. Если этот человек — Андерхей, он не должен обнаружить, что Розалин Клоуд — вовсе не Розалин.

Нет, здесь был только один выход: заплатить, чтобы заставить шантажиста молчать, а затем бежать, переехать в Америку. Но тут неожиданно незнакомец-шантажист был убит, и майор Портер опознал в нем Андерхея!

Никогда в жизни Дэвид не оказывался в таком переплете! К тому же — и это самое страшное — сама девушка начинает сдавать. Совесть все больше мучает ее. Она проявляет признаки умственного расстройства. Рано или поздно она сознается, все выдаст, и его смогут привлечь к судебной ответственности.

Кроме того, ее привязанность становится для него все более тягостной. Он полюбил вас. И решил порвать свои путы. Эйлин должна умереть. Он заменяет морфием один из порошков, прописанных доктором Лайонелом,

настоятельно напоминает ей, что она должна принимать их каждый вечер, внушает ей страх перед Клоудами. Дэвид Хантер не будет заподозрен, поскольку смерть его сестры означает, что все ее деньги перейдут обратно к Клоудам. Это была его козырная карта: отсутствие мотива преступления. Как я говорил вам, это дело с самого начала имело не правильные очертания...

Дверь открылась, и вошел инспектор Спенс.

Пуаро быстро спросил:

— Ну что?

Спенс сказал:

— Все в порядке. Мы схватили молодчика.

Лин тихо спросила:

— Он... сказал что-нибудь?

— Сказал, что хорошо попользовался денежками Клоудов.

Удивительно, — прибавил инспектор, — как у них язык развязывается в неподходящий момент. Мы, конечно, надели ему наручники. Но он сказал: «Бросьте, ребята. Я игрок и знаю, когда теряю последнюю ставку».

Пуаро пробормотал:

— «Прилив бывает и в делах людей. Прилив, который — если не упустишь — к богатству приведет...» Да, прилив выносит иногда на берег удачи, но ведь бывает и отлив, и он может унести вас в открытое бурное море...

Глава 17

В воскресенье утром, услышав, что кто-то постучал в дверь, Роули Клоуд вышел и увидел Лин.

Он отступил на шаг.

— Лин!

— Можно войти, Роули?

Он посторонился. Лин прошла мимо него на кухню. Она возвращалась из церкви, на ней была шляпа. Медленно, почти торжественно, она подняла руки, сняла шляпу и положила ее на подоконник.

— Я пришла домой, Роули...

— Что, Боже правый, ты хочешь сказать?

— То, что сказала. Я пришла домой. Это мой дом — наш с тобой дом. Я была дурной и не понимала этого раньше, не понимала, что это конец странствий. А ты разве не понимаешь, Роули: я пришла домой!

— Ты сама не знаешь, что говоришь, Лин... я... я пытался убить тебя...

— Знаю. — Лин поморщилась и поднесла руку к горлу. — Но именно в тот момент, когда я подумала, что ты уже убил меня, я осознала, какой катастрофической дурой была!

— Не понимаю, — сказал Роули.

— О, не будь глупым. Я всегда хотела выйти замуж за тебя. Ты это знаешь. А затем я отошла от тебя — ты казался мне таким ручным... таким кротким... Я думала, что жизнь с тобой будет такой безопасной... такой скучной. Я почувствовала влечение к Дэвиду потому, что он был опасен и привлекателен и, честно говоря, еще потому, что он так хорошо знает женщин. Но все это было ненастоящее. Когда ты схватил меня за горло и сказал, что если я не достанусь тебе, то не достанусь никому... тогда я поняла, что создана для тебя! В тот момент казалось, что, к сожалению, я поняла это слишком поздно... Но Эркюль Пуаро вошел и спас положение... И теперь я твоя, Роули!

Роули покачал головой.

— Это невозможно, Лин. Я убил двоих... Погубил их...

— Вздор! — воскликнула Лин. — Не будь ослом, Роули, и не впадай в мелодраму. Если ты подрался с рослым парнем и ударил его, а он упал и разбил себе голову о каминную решетку, — это не убийство. Даже закон не считает это убийством.

— Непредумышленное убийство. За это сажают в тюрьму.

— Возможно. Если это так, я буду стоять на ступеньках, когда тебя выпустят.

— И еще Портер. Я морально виновен в его смерти.

— Нет, не виновен. Он был вполне взрослым человеком, отвечающим за свои поступки. Он мог бы отвергнуть твоё предложение. Человек не может возлагать вину на другого за решение, которое сам принимает с открытыми глазами. Ты предложил ему совершить бесчестный поступок, он принял твоё предложение, а потом раскаялся и прибегнул к самому легкому выходу. Он просто был слабым человеком.

Роули еще раз упрямо покачал головой.

— Из этого ничего хорошего не получится, девочка: Ты не можешь выйти замуж за уголовника.

— Я не думаю, что ты попадешь в тюрьму. Если бы это было так, полицейские уже давно пришли бы за тобой.

Роули посмотрел на нее с удивлением.

— Но, черт возьми, непредумышленное убийство... подкуп Портера...

— А почему ты думаешь, что полиции известно или будет известно что-либо об этом?

— Этот самый Пуаро знает все.

— Он — не полиция. Я скажу тебе, что думает полиция. Зная теперь, что в тот вечер Дэвид Хантер был в Вормсли Вейл, полиция считает, что он убил и Ардена, и Розалин. Его не станут обвинять в смерти Ардена, потому что в этом нет надобности. Кроме того, если не ошибаюсь, нельзя дважды арестовывать человека по одному и тому же обвинению. Но до тех пор, пока полиция думает, что это сделал он, она не будет искать другого виновника.

— Но этот Пуаро...

— Он сказал инспектору Спенсу, что это был несчастный случай, и, насколько я понимаю, инспектор только посмеялся над ним. Если хочешь знать мое мнение, я думаю, что Пуаро никому ничего не скажет. Он такой славный...

— Нет, Лин, я не могу позволить тебе идти на риск. Кроме всего прочего, я... Могу ли я положиться на себя? Я хочу сказать, что жить со мной будет небезопасно.

— Может, ты и прав... Но знаешь, Роули, я ведь люблю тебя... и тебе пришлось пережить сущий ад... А о собственной безопасности я никогда не заботилась.

notes

Биметаллизм — денежная система, при которой в качестве меры стоимости служат два валютных металла — золото и серебро, монеты из которых допускаются к обращению на равных правах.

2

ищите женщину (фр.)

Василиск — сказочное чудовище, змей, убивающий взглядом и дыханием.